

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ФИАЛКИ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

УЧАСТНИЦА ПРОЕКТА

«ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ».

Annotation

Даже большая удача может сулить крупные неприятности! Именно это произошло с Нурией, приехавшей из России в американский городок Дэнверс. Ведь дом, который она купила по дешевке, когда-то принадлежал могущественной Салемской ведьме, о которых до сих пор ходят по городку ужасные слухи. Страшные кошмары мучают дочь Нурии Лельку – особенно после того, как она наткнулась на труп обезглавленной старухи. Но не только кошмары одолевают девочку-подростка – ведьмы, которые до сих пор не перевелись в Дэнверсе, жаждут пополнить в свои ряды новую невинную душу. И вот Лелька оказывается на Черном Троне, еще чуть-чуть, и она станет одной из них... Но Анна, подруга Лелькиной матери, рискуя навлечь на себя проклятие всех поколений Салемских ведьм, спешит ей на помощь...

Ранее роман выходил под названием "Роскошь бессмертия"

- [Лана Синявская](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Эпилог](#)
-

Лана Синявская

Фиалки для ведьмы

Единственное, что надежнее, чем магия, – это твои друзья.

В. Шекспир. «Макбет»

Глава 1

– Сожалею, но мы ничем не можем вам помочь.

Анна до крови прикусила губу в отчаянной попытке сдержать слезы. Голос врача был полон профессионального сочувствия; для него, соприкасающегося с людскими страданиями ежедневно, ее горе было всего лишь одним из многих случаев в его врачебной практике. Она прекрасно понимала, что он ни в чем не виноват, но боялась поднять глаза, чтобы он не увидел плещущуюся в них ярость, хотя знала, что несправедлива. Уже направляясь сюда нынешним утром, она знала, что положение безнадежно, но, вопреки здравому смыслу, сейчас ее захлестывала волна бессильной ненависти ко всему миру, неспособному облегчить страдания невинного ребенка.

И все же не удержалась, посмотрела на врача, встретила взглядом с его карими, по-собачьи ласковыми глазами. Ее передернуло. Важный для нее разговор проходил не в кабинете, как это принято, а в вестибюле городской клиники. Пол под ногами был из белого мрамора, стены целиком, от пола до потолка, покрывала плитка, тусклый блеск которой отчего-то показался Ане неприятным. Не нравился ей и стоящий перед ней полный краснощекий мужчина, выглядевший просто неприлично здоровым. Облаченный в белые брюки и куртку хирурга, он тем не менее меньше всего походил на врача: слишком уж румяными были щеки и тяжелой челюсть. Вот только глаза...

– Понимаю ваши переживания, – снова заговорил доктор, участливо касаясь ее руки, – и еще раз спешу напомнить, что, если отыщется хотя бы один родственник ребенка, я имею в виду кровного родственника, – деликатно поправился он, ощутив мелкую дрожь, пробежавшую по руке девушки, – то операция вполне возможна. Разумеется, вам придется получить согласие этого родственника, но это уже вполне разрешимая задача. Он вздохнул, не хуже Ани зная, что чуда не случится.

Анне захотелось немедленно прекратить ненужный разговор, она открыла было рот, чтобы произнести слова дежурной благодарности, да так и замерла, уставившись расширенными от удивления глазами на крахмальный ситец врачебного халата: по стерильно белому рукаву стремительно начало расплываться алое пятно. Оно быстро увеличивалось. Волокна ткани, впитывая влагу, набухли, на одном из сгибов материи уже повисла густая красная капля.

Доктор без удивления проследил за ее взглядом, пожал плечами и неторопливо убрал руку за спину. Он выглядел так, словно ничего необычного не случилось, и, очевидно, не собирался объяснять столь странное явление. От резкого движения красная капля отделилась от пропитанного кровью материала и со стуком упала на мраморный пол, взорвавшись сотнями крошечных брызг. Аня отшатнулась и с ужасом взглянула на доктора. Спазм сжал ей горло, мешая заорать что есть мочи. Ее поразило выражение лица светила науки, дипломированного специалиста, знаменитого хирурга с мировой славой. Он – улыбался!

Мерзко хихикнув, он поинтересовался:

– Еще вопросы, дорогая? Я могу быть вам полезным?

Аня не ответила. Ее ноги словно приклеились к полу, вмерзли в белый холодный мрамор, она не могла пошевелиться, скованная этим холодом. Говорить она тоже не могла, голос куда-то пропал. Тяжело дыша, она беззвучно открывала и закрывала рот, как выброшенный на берег карась.

Доктор даром времени не терял. Будто забавляясь ее беспомощным положением, он шагнул к ней, нарочито медленно вытягивая из-за спины руку в окровавленном рукаве. В его движении таилась угроза. Аня кожей чувствовала опасность, но точно загипнотизированная следила за его движением, ничего не предпринимая для собственного спасения. Она прекрасно понимала, что если немедленно не убежит, то случится что-то страшное, но только беспомощно оглядывалась по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь, кто придет ей на помощь. Но просторный вестибюль, вопреки обыкновению, был пуст. Она была одна.

Продолжая улыбаться, доктор вытащил свою проклятую руку из-за спины, и в Аниных расширенных от ужаса зрачках отразилось сверкающее лезвие острого, как бритва, скальпеля. Красная от крови рука, крепко сжимающая рукоятку, медленно поднялась над головой девушки.

– Мне очень жаль, дорогая моя, но я должен провести операцию. Для вашего же блага, – все так же безупречно вежливо произнес доктор. В его голосе звучало искреннее сожаление, которое подействовало на Анну сильнее, чем самая грубая издевка.

Она не успела бы ничего возразить, если бы даже смогла, так как буквально в следующую секунду стальное лезвие рассекло воздух. Девушка зажмурилась, ощутив острую боль, пронзающую сердце, а когда снова открыла глаза, ее ослепил яркий солнечный свет. Вместо холодных больничных стен вокруг нее шумели сосны, она сидела на прогретой солнцем полянке, неловко привалившись к сучковатому стволу поваленного дерева. Ее сердце все так же болело и бешено колотилось, как

в страшном, нелепом сне, но никакого доктора с ножом рядом не было.

Она услышала звонкий голосок Ника, зовущий ее, и, жмурясь от солнца, посмотрела на бегущего к ней со всех ног малыша. Остановившись рядом с ней, он протянул к ее лицу сложенные ковшиком ладошки и осторожно разжал пальцы. Ане показалось, что она снова видит набухшую кровяную каплю из своего сна, но это был всего лишь маленький жучок, который, резво перебирая черными лапками, вскарабкался на палец мальчика и замер на самом кончике, слегка покачиваясь, чтобы сохранить равновесие.

– Who is it? – спросил Ники, упрямо мотнул головой, выражая досаду, и тут же поправился: – Кто это?

Ники уже бегло болтал по-русски, но, когда волновался, чужие пока еще слова вылетали у него из головы. Когда такое случалось, он очень переживал, не желая огорчать Аню, хотя она никогда не ругала его за такие ошибки, ведь английский был родным языком малыша.

– Кто это, Аня? – Ники повторил вопрос, подпрыгивая на месте от нетерпения.

– Ladybird. Божья коровка, – улыбнулась она, подставляя жучку свой палец, на который он перебрался, не раздумывая, и даже попытался расправить крылышки.

– Коровка? – озадаченно переспросил Ники.

Очевидно, его здорово смущало, что у «коровки» отсутствовали рожки, копытца и все прочее. Короче говоря, жучок решительно не походил на дающую молоко животину. Аня приготовилась к тому, что на нее сей же час обрушится лавина вопросов юного натуралиста, на которые она не сможет ответить. Однако Ники был слишком очарован бойким насекомым, которое уже успело вернуться на исходные позиции и теперь деловито исследовало ладошку мальчика.

Позволив Ане еще немного полюбоваться на свой трофей, Ники снова вскочил на ноги, зажал букашку в кулачок и побежал к стоящему невдалеке мужчине. Аня посмотрела ему вслед, потом тоже поднялась, отряхнула с брюк приставшие сухие травинки и неторопливо направилась к сумке, чтобы достать приготовленные заранее припасы для пикника.

Она закончила раскладывать на полотенце бутерброды с индейкой и сыром, нарезала дольками помидоры, огурцы, посыпала их крупной солью. На влажных срезах свежих овощей тут же выступили прозрачные соленые «слезки», над поляной поплыл дразнящий вкусный запах. Аня почувствовала, что проголодалась, и, держа в руках термос с горячим чаем, снова посмотрела на мужчину и мальчика, собираясь позвать их к

импровизированному столу. Ники уже позабыл про божью коровку и нашел себе новое развлечение – кидал снежки в мужчину, который едва успевал уворачиваться от «артобстрела». Аня улыбнулась, глядя на них. Весна в этом году пришла поздно, но как-то сразу. Весь март и половину апреля стояли морозы, а потом вдруг, почти в один день, температура подскочила чуть ли не на двадцать градусов. За неделю весь снег в городе растаял подчистую, а здесь, в лесу, последние сугробы мирно соседствовали с абсолютно сухими проталинами, покрытыми желтой прошлогодней травой. Вокруг одного из таких сугробов-ветеранов сейчас самозабвенно носились ее спутники. Она так и не поняла, кому из них эта беготня доставляет большее удовольствие – большому или маленькому?

Со стороны их можно было принять за дружную семью. Высокий широкоплечий мужчина со слишком загорелой для наших мест кожей и ярко-синими, такими же как у Анны, глазами, вел себя по отношению к малышу так, как если бы тот был его сыном. Они даже были похожи – оба светловолосые, с упрямыми взглядами и смуглой кожей. Но Ники не был сыном Макса. Так же как не был и Аниным сыном. Макса и Анну, в свою очередь, связывали еще более сложные взаимоотношения, и уж тем более они не были мужем и женой. Впрочем, любовниками они тоже не были. Судьба заставила их пережить вместе нечто столь же страшное, сколь и невероятное. Это сблизило их, тем более что обоим был дорог мальчик – невольный участник тех самых событий, во время которых он лишился настоящих родителей. Но было еще много самых разнообразных «но» в жизни каждого, которые мешали двум взрослым людям разобраться в своих отношениях. «На то они и взрослые, чтобы создавать самим себе сложности», – невесело подумала Анна. Она позабыла о своем намерении позвать друзей к столу, следя за их возней с нежной, немного грустной улыбкой.

Мало кто мог бы похвастать тем, что видел Анну такой искренней и беззащитной, как в эти короткие минуты. Хотя поначалу ее лицо обманывало юной доверчивостью, на самом деле она была скрытной, рано научилась притворяться. С самого детства все вокруг, каждый на свой лад желавшие ей добра, требовали одного: она должна чувствовать себя счастливой. И тогда же, в раннем детстве, Анечка поняла, что лучше не горевать при людях – разлюбят. И так себя выдрессировала, что научилась с легкостью надевать любую маску. Дальнейшая жизнь показала, что это ее умение – одно из лучших средств защиты. Ее детские выводы оказались не по-детски мудрыми.

Веселье возле сугроба нарастало. На первый взгляд Ники ничем не

отличался от своих сверстников – такой же любознательный, шептунской мальчишка, как и миллионы его ровесников. Только самый внимательный взгляд мог заметить, что спинка ребенка под верхней одеждой чуть более выпуклая, совсем чуть-чуть. Но это была не обычная сутулость ребенка. Спина малыша, от шеи до самых лопаток, была покрыта густой шерстью – волчьей шерстью. Этот ужас постиг мальчика по вине доктора-садиста за тысячи километров отсюда. Малыш стал жертвой жестокого эксперимента чертова придурка, возжелавшего восстановить древний метод балаганных актеров по превращению людей в животных. Слава богу, закончить свой эксперимент с мальчиком он не успел, хотя и сильно изуродовал ребенка. Сейчас Анна больше всего на свете хотела избавить дорогого ей человечка от этого ужаса. Почему-то она чувствовала себя виновной в том, что мальчик до сих пор оставался таким, как сейчас. Она обошла множество клиник, прочла гору литературы на эту тему, но ничего не могла придумать для его освобождения. Необходима была обширная пересадка кожи. Анализы показали, что возможно использовать только кожу родственников, другая будет отторгнута детским организмом. При этом площадь пересадки была настолько велика, что не могло и идти речи о том, чтобы использовать кожу самого мальчика. А родственников у него не осталось, они погибли там же, в лаборатории сумасшедшего экспериментатора. Аня, думая о Ники, чувствовала собственное бессилие, потому что хотела и могла дать ему любовь, заботу, дом и тепло, но не в состоянии была вернуть ему здоровье.

И чем сильнее она мучилась, тем больше восхищало ее мужество маленького человечка. Вопреки своему уродству, отстранившись от той ужасной боли, которую он испытал за свою коротенькую жизнь, Ники продолжал оставаться добрым и ласковым ребенком. Анна была до глубины души растрогана поразительным мужеством, с которым Ники встречал выпавшие на его долю страдания.

«Я обязательно найду способ! – прошептала она про себя, упрямо сжав губы. – Я сделаю все, что потребуется, но малыш будет здоров!»

Собственные переживания, раньше казавшиеся Ане весьма достойными внимания, а, надо сказать, ее жизнь особо не баловала, теперь выглядели мелкими, и сама она казалась себе просто капризной девицей, не более. В самом деле, когда она в последний раз визжала от восторга? Просто смеялась от души? Почему ей больше не доставляет удовольствия прыгать на панцирной кровати с ногами – ведь двадцать лет назад она была уверена, что, когда вырастет, будет посвящать этому занятию все время. Или рисованию фломастерами на обоях. А теперь? Даже в снежки поиграть

ей слабо! Ну уж нет, пора меняться. Прямо сейчас!

Исполненная решимости, она вскочила на ноги и бодро направилась в сторону резвящихся возле сугроба товарищей с твердым намерением присоединиться к их веселой возне. Она уже улыбалась, предвкушая удовольствие, как вдруг... получила снежком прямо в глаз, от неожиданности слабо пискнула и шлепнулась на землю. Крепко зажмуренный глаз отчаянно болел, стремительно тающие снежинки стекали по щеке, в точности как горькие слезы. Только сейчас Аня плакала одним глазом. Второй с изумлением взирал на бегущих к ней Макса и Ники. Лица обоих были такими растерянными и испуганными, что Аня невольно улыбнулась.

Ники добежал до нее первым, вцепился в рукав куртки и попытался поднять ее на ноги.

– Аня, тебе очень больно? Бедненькая! Не плачь, пожалуйста! – пытался он утешить ее дрожащим от слез голосом.

– Да все в порядке, – отбивалась Аня, смущенная собственной неловкостью, – совсем не больно, просто ни капельки.

– Ну ты, мать, даешь! – проворчал Макс, пытаясь скрыть за суровостью обращения свое беспокойство. Он взял ее лицо в свои ладони и повернул к свету, чтобы получше разглядеть возможные повреждения.

– Открой-ка глаз! – скомандовал он.

– Не могу! – помотала головой Анна. – Он не открывается.

– Макс, ей же больно! Помоги! Сделай что-нибудь! – взмолился Ники и приготовился зареветь.

– Да ничего страшного, мне кажется. Если ее высочество перестанет капризничать и позволит мне взглянуть на ее драгоценный глаз, то все будет в порядке. Ну, давай, дорогая, открывай его.

– Не могу! – продолжала упрямиться девушка. – Больно. Наверное, он уже весь вытек.

– Не болтай глупости, – рассердился Макс. – Ну-ка быстро показывай, что там у тебя. Промыть надо, и все будет в порядке.

Ники, не дожидаясь специальных указаний, бросился к сумке и приволок бутылку минеральной воды без газа. Аня тем временем попыталась выполнить просьбу Макса и осторожно приоткрыла поврежденный глаз. Он отчаянно саднил, но она обнаружила, что орган зрения все еще действует, хотя и с перебоями. Значит, обошлось, ничего у нее не вытекло. Она почувствовала облегчение и попыталась улыбнуться.

Макс намочил чистый носовой платок и бережно обтер ей лицо. Ники ревниво следил за его действиями, обхватив Аню руками.

– Нормально все, до свадьбы заживет, – проворчал Макс, закончив промывать глаз. – И чего ты так мчалась, интересно знать? Случилось что?

– Ничего не случилось. Хотела поиграть с вами в снежки, – обиженно пробормотала Аня, моргая мокрыми ресницами.

– Ну, вот и поиграла, – покачал головой Макс и усмехнулся.

– Аня, не слушай его! Он специально вредничает! – воскликнул Ники, бросив сердитый взгляд на Макса из-под длинной челки. – Ты не будешь больше плакать?

– Не буду, – пообещала Аня, ласково взъерошив ему волосы на затылке. – Пойдемте-ка лучше пировать, а то наши царские бутерброды засохнут.

Глава 2

Ники не отходил от Ани ни на шаг до самого возвращения домой. Вечером он пробрался к ней в постель, ввинтился под одеяло и прижался покрепче, обняв за шею. Аня отложила книгу, погладила вихрастую макушку, легко коснувшись ее губами.

– Тебе все еще больно? – шепотом спросил Ники.

– Уже нет.

– Но у тебя же синяк!

– Ну и что? Это не смертельно, правда?

Ники задумался:

– Не смертельно, но больно. Я знаю. Мне однажды Джим стукнул в глаз, тоже синяк получился.

Пальцы Ани, гладящие мальчика, случайно коснулись густой шерсти, и она невольно вздрогнула. Ники заметил, сел на постели и сосредоточенно нахмурился.

– Аня, а я теперь всегда буду такой? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно более небрежно, но голос предательски дрогнул.

Аня вздохнула и отвела глаза, мучительно подыскивая слова, чтобы утешить ребенка. В конце концов она решила, что лучше сказать ему все, как есть. Это ведь не означает, что они не будут искать выход. Рано или поздно он обязательно отыщется!

– Понимаешь, – осторожно начала она, – операция по пересадке кожи на самом деле не такая уж сложная. По крайней мере, она широко применяется, например, для тех, кто пострадал от ожогов. Если есть что пересаживать, то никаких проблем. Но тебе нужна кожа не от простого донора, а от родного...

– То есть, если бы были живы мои мама и папа, то меня смогли бы вылечить? – перебил Ники.

– Да, – выдавила из себя Анна.

– А бабушка и дедушка?

– Не знаю, но они, наверное, тоже могли бы помочь. Но что толку, Ники, ведь их же тоже...

– Да, они умерли, давно, – нетерпеливо мотнул головой мальчик. Он, казалось, преследовал какую-то цель, но Аня не понимала – какую, и ей очень хотелось прекратить этот болезненный для малыша разговор как

можно скорее. Однако он думал иначе.

– Ты ведь сказала, что нужны доноры-родственники, правильно?

– Правильно, Ники, но, мне кажется, нам нужно перестать пока говорить об этом. Обещаю, что обязательно придумаю, как тебе помочь. А сейчас давай попробуем заснуть. Как говорила моя бабушка: «Будет день, будет и пища».

– А тетя и дядя – это близкие родственники? – Ники будто пропустил ее слова мимо ушей, продолжая думать о своем.

Аня покачала головой и мягко проговорила:

– Не понимаю, куда ты клонишь, солнышко мое. Да, тетя и дядя – это близкие родственники, но, к сожалению, я знаю из документов, которые пришлось оформлять при усыновлении, что у тебя нет ни тети ни дяди.

Ники хитро взглянул на нее и выпалил:

– А вот и есть! Дяди нет, а тетя очень даже есть!

Анна опешила, не сразу сообразив, что ответить на это заявление. Похоже, малыш просто начал фантазировать: своего рода защитная реакция в безвыходном положении. Хотя раньше она за ним ничего подобного не замечала...

– Ники, – осторожно начала она, – о какой тете ты говоришь?

– О миссис Клэрксон, конечно, – пожал худенькими плечиками Ники.

Имя было Ане незнакомо, в документах оно не встречалось.

– Ты ничего не путаешь? Кто такая миссис Клэрксон?

Ники посмотрел на нее удивленно, огорченный ее непонятливостью, и проговорил, отчетливо выговаривая слова:

– Миссис Клэрксон – это моя тетя. Сестра моей мамы.

– Но я про нее никогда не слышала! Этого не может быть! Мы специально искали твоих родственников! Если бы нашелся хоть один, мне потребовалось бы получить его письменное согласие на твое усыновление. Но я его получила, а о тете Клэрксон слышу в первый раз. Это невероятно!

Анна, поджав колени, уселась напротив мальчика, обхватила его за плечи, легонько встряхнула и спросила, требовательно глядя в глаза:

– Ники, посмотри на меня! То, что ты говоришь, очень важно. Скажи, ты ничего не выдумываешь?

Ники посмотрел на нее полными слез глазами, его нижняя губа обиженно дрогнула.

– Аня, миссис Клэрксон существует на самом деле! – отчаянно выкрикнул он. – Я не маленький, чтобы выдумывать всякие глупости! Почему ты мне не веришь?!

Опомнившись, Анна обняла малыша, прижала к себе, приговаривая:

– Ну что ты, милый, конечно, я тебе верю. Я хочу тебе помочь и совсем отчаялась. Мы отыщем твою тетю, уговорим ее стать донором, и ты снова будешь здоровым! Только бы она существовала на самом деле!

– Говорю же, она существует!

– Но почему о ней нигде не говорится?

– Потому, что мама не хотела, чтобы о ней знали. Она ее ненавидела. Сначала говорила, что миссис Клэрксон умерла, а потом вообще перестала упоминать, что у нее есть старшая сестра, даже из документов ее вычеркнула.

– Как же так? Почему? Может, она и в самом деле скончалась?

– Нет, – замотал головой Ники. – Она живет в Дэнверсе. Я слышал, как мама и папа говорили об этом незадолго до того, как мы уехали... ну... в джунгли...

Дэнверс. Ане показалось, что она уже слышала название этого города, но сейчас не могла вспомнить от волнения, где именно. В ее душе затеплилась надежда, она боялась даже дышать, чтобы не спугнуть неожиданную удачу.

– А почему твоя мама не хотела вспоминать о своей сестре? – спросила она, понимая, что маленький мальчик, скорее всего, не знает ответа на этот вопрос.

От него, судя по всему, вообще скрывали тот факт, что у него есть родная тетка. Ах, взрослые, до чего же мы бываем наивны, когда дело касается детей! Нам кажется, что они ничего не понимают, не слышат и не видят того, что, по нашему мнению, не касается их ушей, глаз и сердца. Но это всего лишь заблуждение. Дети знают и понимают намного больше, чем нам хотелось бы.

Но в данном конкретном случае Аня оказалась права. Ники не знал, чем вызвана неприязнь к сестре его собственной матери. Причин могло существовать множество, но для Анны и Ники не имело значения, какая из них истинная, поэтому Аня почти не колебалась, принимая решение.

Они немедленно едут в Дэнверс и попробуют отыскать эту тетку, неожиданно свалившуюся им на голову. А уж уговорить ее стать донором Аня сумеет, в этом она не сомневалась ни секунды. Ради Ники она была готова на все.

* * *

Дэнверс! Ну конечно же! Как она могла забыть? Об этом городке

писала любимая Анина подруга, Нурия. Кажется, в последнем или предпоследнем письме. Анна, подгоняемая этой мыслью, вскочила с постели. В окно светило солнце, круглый маленький зайчик крался по белой наволочке, подбираясь к сладко посапывающему Ники. Накануне они так и уснули в одной постели, и Анна, вообще-то не любившая делить с кем бы то ни было свое спальное место, чувствовала себя рядом с малышом необыкновенно уютно. К утру похолодало, и Ники, сбросивший с себя одеяло, свернулся калачиком. Аня укутала его потеплее и осторожно перелезла через спящего мальчика. Прихватив халат и тапочки, она босиком на цыпочках прокралась в другую комнату и, только притворив за собой дверь спальни, сунула успевшие замерзнуть на холодном полу ноги в уютные тапки.

Письма Нурии лежали в секретере в большой металлической коробке из-под печенья с пасхальным зайцем на голубой крышке. Обычно Аня не хранила писем, да и получала их не так уж много. Кто сейчас кому пишет? Не те времена. Даже открытка к Новому году – и то редкость. Но Нурия была слишком важной частью ее жизни. Аня чувствовала пустоту с того момента, когда подруга уехала так далеко от нее. Письма давали хотя бы какую-то иллюзию близости, и Аня перечитывала их, когда ей становилось совсем одиноко.

В последнем своем письме Нурия действительно писала о Дэнверсе. Как поняла Анна, он находился в пригороде Бостона, и Нурия снимала там дом. Поездка подруги в далекую Америку была чистой авантюрой, особенно если учесть, что Нурия за всю свою жизнь не то что за границей, а и в соседней области не удосужилась побывать, вся ее жизнь прошла в одном городе. И вдруг решила на такое! А все дети. Точнее, единственная дочка. Лелька, которую Аня помнила еще трехлетним карапузом, выросла в умненькую, хорошенькую девушку. Такую умненькую, что смогла самостоятельно пройти заочный отборочный тур в американский колледж. Кстати, тайком от родителей. Просто прочла в какой-то газете объявление и послала заявку.

Когда неожиданно, в первую очередь для самой Лельки, пришло извещение о том, что она зачислена на стипендию, девчонка прилетела к Анне за подмогой. На самом деле полученное приглашение было не концом, а началом пути: нужны были деньги на дорогу, и не только на дорогу, куча документов, да и вообще Лелька понятия не имела, как отреагируют родители на ее самостоятельность.

Опасения девчонки подтвердились, реакция последовала бурная. Даже Ане, близкой подруге, с трудом удалось уговорить Лелькиных отца и мать

хотя бы попытаться обсудить возможность учебы девочки в заокеанском колледже. С одной стороны, они гордились тем, что дочь оказалась такой способной, что ее заметили и сочли возможным дать шанс учиться, да еще со стипендией. Но с другой – стипендия была слишком мала – они навели справки – для того, чтобы снимать жилье и не умереть при этом с голоду. Кроме того, вопрос с билетами по-прежнему оставался открытым. Было и еще одно «но». Нурия обожала свою дочь и даже думать не желала о том, чтобы отправить ее одну за тридевять земель, в чужую страну, где рядом не будет ни единого близкого человека. Нурия считала Лельку еще маленькой. Да она и была-то, в сущности, ребенком. Что такое неполных семнадцать лет?

Споры были долгими и жаркими, но в конце концов родители пошли на компромисс: Анна одолжила денег на билеты – одному богу известно, чего ей стоило уговорить подругу принять помощь, – но о том, чтобы добавить матери и дочери на жилье и все прочее, не могло и речи идти, поэтому Анна понимала, что уговаривать бесполезно. Подруга была слишком гордой, чтобы принять помощь, не имея возможности вернуть долг. Даже то, что необходимая сумма была вполне по силам Ане, не изменило решения Нурии. Анна так и не узнала, как они там «схимичили», но только в назначенное время самолет унес ее лучшую подругу вместе с дочерью в далекую Америку.

Аня улыбнулась, вспомнив эпопею с переездом. С тех пор прошел почти год, и у нее появилась возможность увидеться с человеком, который по сию пору оставался для нее самым близким и родным.

Еще раз перечитав строки письма, написанные не слишком разборчивым, но таким знакомым почерком на непривычно широком и коротком листочке в тонкую голубую линейку, Аня выяснила, что в Дэнверсе мать и дочь сняли дом. Странно, но, читая письмо в прошлый раз, она совершенно не обратила внимания на этот факт. Впрочем, ничего удивительного. Отсюда что Бостон, что Дэнверс – одна малина, далеко. Почему выбрали это место, тоже ясно: в пригороде жилье гораздо дешевле, а ее подруге наверняка приходилось экономить на каждой мелочи.

Решено, они с Ником едут в этот Дэнверс. У них мало времени, осенью Ники должен отправиться в первый класс, и Анне очень хотелось, чтобы малыш чувствовал себя уверенно, не опасаясь жестоких насмешек одноклассников из-за своего уродства. Они найдут эту... как ее там... миссис Клэрксон и добьются ее согласия, будь она хоть чертом в юбке.

Нурия так обрадовалась звонку, что даже расплакалась. Кажется, Америка сделала подругу сентиментальной, раньше ей удавалось сохранять

невозмутимость практически в любой ситуации. Впрочем, Анна тоже не раз во время разговора сглатывала подкатывающий к горлу комок, ей так не хватало Нурии, милой, все понимающей подруги!

Сборы были стремительными. Деньги и виза у них были, вещей Анна решила взять самый минимум, зная, что все необходимое можно будет купить на месте. Тем не менее сумок набралось целых две. Вокруг одной из них упорно крутился Каспер, черный персидский кот Анны. Всеми доступными способами Каспер выражал свое недовольство, почувствовав, что ему вновь предстоит куковать в пустой квартире, довольствуясь короткими визитами соседки, которая приносила ему еду. Изучив сумку со всех сторон, Каспер запрыгнул на нее и громко мяукнул, давая понять, что не сойдет с этого места.

– Ну, Каспер, миленький, не обижайся, – попросила Анна, присаживаясь перед разобиженным котом на корточки. – Мы никак не можем взять тебя с собой. Тебя же на таможне остановят и посадят в карантин, а то и вовсе отправят домой в багажном отделении.

Каспер отвернулся и потряс круглой башкой, словно не желал слушать никаких объяснений хозяйки. Он понятия не имел, что такое карантин, но уж, наверное, это лучше, чем одиночество и отсутствие любимой хозяйки.

– Может, мы его спрячем? – робко предложил Ники, который сочувствовал Касперу.

С самой первой встречи мальчик и кот стали друзьями не разлей вода. Они даже проказничали на пару и наказание делили пополам.

– Не говори глупостей, дорогой, – вздохнула Аня, поднимаясь. – Его обязательно обнаружат и отправят обратно. Ты же не хочешь, чтобы Каспер потерялся в дороге? Я слышала, что иногда конфискованные животные теряются. Кроме того, неизвестно, как он перенесет самолет. И вообще, Каспер останется здесь, это однозначно.

Ники грустно кивнул головой и почесал кота за ушами. В ответ на ласку Каспер выгнул спину и потерся о руку мальчика.

Ане предстояло переделать еще кучу дел, и она оставила кота и мальчика утешать друг друга самостоятельно.

Каспер проявил характер до конца и не вышел их провожать, забившись куда-то в знак протеста. Времени на поиски уже не оставалось, но Аня, испытывая чувство вины и отдавая ключи от квартиры соседке, попросила ее быть с Каспером поласковее. За короткий период она уже второй раз оставляла его одного. Того и гляди, животное совсем одичает.

К радости Анны, Ники перестал дуться на нее из-за брошенного в

одиночестве кота, он даже вызвался дотащить до такси одну из сумок. Предложение оказалось весьма кстати, так как вторая сумка, та, которую Аня оставила себе, оказалась настолько тяжелой, что ее приходилось то и дело перекладывать из одной руки в другую. Кое-как они добрались до машины, благополучно загрузились и отправились в путь.

Глава 3

Нурия совсем не изменилась. Аня сразу узнала ее в толпе встречающих, и подруги бросились обниматься и целоваться.

– Господи, совсем как дома, – вздохнула Нурия.

– В каком смысле? – улыбнулась Аня.

– Ну как же, обнимаемся, целуемся...

– Не поняла.

– Здесь так не принято. Максимум, что позволительно, – это клюнуть друг друга в щечку при встрече. Больше – ни-ни! Мороженые они какие-то, прямо как ихние окорочка. Снаружи нарядные и улыбающиеся, а внутри – лед один. Ладно, сама увидишь. Не представляешь, как я рада вас видеть! Привет, Ники, – ласково обратилась Нурия к малышу. – Давай знакомиться. Меня зовут Нурия. Как долетел? Устал, наверное?

– Спасибо, я в порядке, – немного скованно ответил мальчик.

Он выглядел напряженным и по-прежнему не выпускал из рук сумку. Когда Нурия предложила забрать ее у него, чтобы помочь, он замотал головой и еще крепче вцепился в матерчатые ручки:

– Я сам.

– Ну, как знаешь, – удивилась Нурия, но настаивать не стала. Они с Анной ухватили вдвоем большую сумку и пошли к выходу из аэропорта.

На стоянке Нурия подвела их к машине, чем немало удивила Анну.

– Ты что, водишь машину?! – не удержалась она, разглядывая старенький «Фордик» светло-зеленого цвета.

– А куда деваться? – усмехнулась Нурия. – Тут без машины никак. Пришлось на старости лет осваивать. И, знаешь, мне понравилось. Не понимаю, как я раньше не научилась, ведь у нас с мужем была машина.

– Да, кстати, – спохватилась Аня, – твой благоверный прислал огромное письмо и кучу инструкций в устной форме. Мне сейчас доложить или потерпеть до дома?

– Инструкции подождут. Загружайтесь. Поедем осматривать мои хоромы, – скомандовала Нурия, уселась на водительское место, с грохотом захлопнула слегка перекошенную дверцу, завела мотор и довольно лихо вырулила со стоянки.

Перехватив задорный взгляд посмелевшей и помолодевшей подруги, Аня от души расхохоталась. Да, *такая* Нурия будет большим сюрпризом для своего муженька, привыкшего к тихой и уступчивой жене. Вообще-то

подруга со своим мужем жили неплохо, но Аня считала, что во многом это заслуга Нурии, которая, как никто другой, умела сглаживать любые острые углы в совместной жизни. Частенько такие маневры требовали от нее огромной выдержки, но Нурия привыкла к компромиссам и не жаловалась, когда ради спокойствия в семье приходилось наступать на свое самолюбие кирзовыми сапогами. Ох, много чего пришлось ей вытерпеть за долгие годы «семейного счастья»!..

Нурия, как многие восточные женщины, с рождения привыкла считать себя существом второго сорта. Мужчина – царь и бог, а она – так, бесплатное приложение. На самом деле она была удивительно тонким, умным, интеллигентным человеком и просто красивой женщиной. Правда, когда Анна пыталась напоминать ей об этом, Нурия только нетерпеливо отмахивалась и презрительно фыркала. Однажды Анна увидела школьный снимок подруги и не поверила своим глазам: со снимка на нее смотрела самая настоящая персидская княжна: темно-карие миндалевидные глаза под красиво изогнутыми бровями, прямой носик, сочные, немного капризные губы и вьющиеся волосы цвета драгоценного красного дерева, небрежно сколотые на затылке. Тогда, глядя на эту фотографию юной выпускницы школы, Анна впервые поняла, в чем заключается непередаваемая прелесть восточных женщин. Сейчас подруга стала старше, давно махнула на себя рукой, но даже наплевательское отношение к собственной внешности не смогло уничтожить ее природной красоты и обаяния.

Нурия вела машину довольно уверенно, да и дорога была не чета нашим, российским, – ровная, как стекло, но Анна решила не отвлекать ее понапрасну: все-таки стаж вождения у подруги пока небольшой. Ане очень хотелось спросить, удалось ли Нурии разузнать что-нибудь о миссис Клэрксон, но она справилась с любопытством, облокотилась на спинку сиденья и уставилась в окно. Ники, притихший на заднем сиденье в обнимку со своей сумкой, тоже глазел по сторонам с изрядной долей любопытства.

Они давно выехали за пределы Бостона, миновали заросшее сорняками поле, на краю которого притулились два заброшенных сарая. В открытое окно тянуло теплом и коровами, как в настоящей деревне. Анна знала, что Дэнверс расположен на берегу океана, но вокруг пока не наблюдалось ничего похожего. Только густые, мрачноватые леса, с обеих сторон обступившие дорогу. Наконец лес немного отступил, стал пореже и посветлее. Темно-зеленая хвоя щедро разбавилась молодыми беззащитно-изумрудными листочками орешника.

Затем вдоль дороги потянулись аккуратные домики за невысокими заборчиками, такие чистенькие и ухоженные, как будто нарисованные. Перед каждым крыльцом – непременно цветники и клумбы, похожие друг на друга, словно размноженные под копирку. Идиллическую картинку портили только маячившие впереди горы, поросшие густым темным лесом. Ане на минуту показалось, что в них таится угроза этому уютному маленькому мирку, похожему на рекламную открытку для туристов, но она побыстрее отогнала от себя эту мысль. Не время сейчас хандрить, ей понадобится много сил, чтобы осуществить задуманное, а значит, прочь все эти предчувствия и прочую ерунду. В ближайшее время она не намерена даже вспоминать о тех силах, что порою владеют ее душой. Ни-ка-кой чертовщины! Она сознательно взяла на себя обязанности матери и отныне станет матерью – и никем больше. Когда она думала так, то искренне верила, что для этого одного ее желания достаточно. Но надо ли говорить, что человеческие желания по сравнению с Судьбой – пыль, сдуваемая ветром? Хотя Анне-то положено было знать такие вещи...

– Главная улица Дэнверса, – комментировала тем временем Нурия окрестное благолепие.

– Красиво, – кивнула Аня.

– Этот городок – великая американская помойка, – неожиданно усмехнулась подруга, ранее не склонная к таким резким суждениям. – Здесь наблюдается больше прилюдной стирки грязного белья на квадратный метр, чем в нашей родной политике. Как там она, кстати, поживает?

– Ты что, соскучилась по нашей политике? – подняла брови Анна. – Мне казалось, это находится вне сферы твоих интересов.

– Отсюда все, что связано с домом, становится интересным. Веришь, даже по нашей грязи и вечно пьяненьким согражданам скучаю. Никогда не думала, что я на такое способна! – Нурия покачала головой, притормаживая на красный свет и бросая виноватый взгляд на Анну.

– Ностальгия, значит... – хмыкнула та. – А мне со стороны кажется, что Дэнверс – очень приятное и милое место.

– Приятное? Не смей меня! – заявила Нурия без тени улыбки. – Он кишит гадами и полон всякой мерзости. Сама увидишь. А что не увидишь – я расскажу. Только попозже.

Анна кивнула, не переставая удивляться произошедшим в подруге переменам. Конечно, в чужой стране, при минимуме средств жизнь далеко не сахар, но Анна знала подругу много лет, и за все эти годы ей ни разу не изменила выдержка, что бы ни случилось. Ладно, с этим она обязательно

разберется. Если, конечно, Нурия захочет, чтобы она разобралась...

Словно в подтверждение слов Нурии, мимо окон автомобиля проплыло довольно мрачное старинное здание, полускрытое за высоким чугунным забором.

– Местная достопримечательность, – пояснила Нурия, успев заметить заинтересованный взгляд, брошенный Анной в окно.

– Что это?

– Это? Салемский музей ведьм!

– Что-о-о?

– Музей, говорю. Салемских ведьм. Ты что, не знаешь, куда приехала? – искренне удивилась Нурия.

– В Дэнверс, куда же еще?

– Эх ты, горе луковое. Дэнверс-то раньше, знаешь, как назывался? Салем! Слышала о нем? Это вроде по твоей части.

Анна поморщилась при упоминании о своих способностях, но спорить сейчас ей не хотелось. Она переваривала информацию и, разумеется, слышала о салемских ведьмах. Да и кто же о них не слышал? Кажется, это было в тысяча шестьсот каком-то году. Знаменитая «охота на ведьм»! Неужели перед ней тот самый городок? Невероятно! И почему она постоянно попадает в такие сомнительные места? Хотя сюда первой попала подружка, но ведь Аня могла так никогда и не собраться навестить ее, если бы не обнаружилось, что именно здесь живет единственная оставшаяся в живых родственница Ники. Совпадение? Будем надеяться, что так. Будем очень надеяться.

* * *

Дом, который вот уже месяц снимали Нурия и Лелька, располагался на самой окраине городка. Он оказался гораздо больше, чем представляла себе Анна. Впрочем, она была наслышана, что в Америке вообще все большое – машины, дома, бытовая техника. Ей довелось однажды наблюдать, как ее внезапно разбогатевшие друзья решили шикануть и приобрели американский холодильник. Наблюдать, как они пытаются втиснуть это чудовище в не маленькую, но все же нашу, отечественную квартиру, было сущей трагикомедией. Единственным местом, где поместился американский монстр, оказалась гостиная, да и там он мог расположиться только лежа – потолки-то у нас стандартные – два метра с кепкой. Чем там все закончилось, Аня так и не узнала, только заметила, что у счастливой

обладательницы чуда техники при упоминании об Америке вообще и об американской технике в частности неумолимо кривится ухоженное лицо и портится настроение.

Так что внушительные габариты Нуриюшкиного жилища Анну не удивили. Тем более что при ближайшем рассмотрении оказалось, что дом находится в весьма запущенном состоянии. Ведущая в переулок калитка перекосилась, и пройти в нее теперь можно было только боком. Подруга, видимо, даже не пыталась усмирить буйство высоких, по пояс, трав и крапивы. Толстый ползучий куст неизвестной породы, весь в крохотных белых брызгах цветов, навалившись на стену кривыми колючими ветвями, полностью заслонял от света окна на первом этаже. Вообще-то, сооружение было двухэтажным, на высоком фундаменте из замшелых камней, насколько позволяли разглядеть буйные заросли. Доски, которыми оно было обшито снаружи, выглядели так, словно все последние сто лет их непрерывно грызли древоеды. Кроме того, все это время их, то есть доски, похоже, ни разу не красили. Зато окна второго этажа были застеклены цветными витражами, хотя размеры их показались Ане слишком маленькими для такого огромного фасада. Что поделаешь, чужая архитектура. В целом же дом Анне даже нравился, он выглядел удивительно романтично. Ники, так тот и вовсе пришел от него в восторг, его быстрые ножки уже топотали по широким ступеням деревянного крыльца. Мальчишке не терпелось изучить причудливое строение изнутри. Когда Аня и Нурия дотащили сумку до дома, Ники уже нетерпеливо переминался перед высокой, наполовину стеклянной входной дверью. Сумка, с которой он не расставался всю дорогу, стояла у его ног.

Левой рукой Нурия продолжала держать ручку дорожного баула, а правой попыталась выудить ключи из маленькой сумочки, болтавшейся у нее на правом плече. Наконец это удалось, и они ввалились в дом. После уличной жары воздух тут показался Анне прохладным, но каким-то несвежим, будто с запахом гнили. Из коридора вели три двери. Нурия быстро объяснила, что к чему.

– Значит, так. Вот эта дверь, напротив входа, ведет в подвал. Я держу ее запертой. Там ничего интересного, пришлось свалить туда старый хлам, оставшийся от прежних жильцов.

Анна успела заметить, как в глазах Ники зажглись искорки любопытства – верный признак, что малыш постарается проскользнуть на запретную территорию при первой возможности. Ничего, она тоже будет начеку.

– За этой дверью – лестница на второй этаж, – продолжала

ознакомительную экскурсию подруга. – Туда мы потом отнесем ваши вещи. Я приготовила для тебя и Ники вторую спальню. Ну а сейчас добро пожаловать на кухню. – Она плюхнула баул на пол, и они все втроем вошли в правую дверь.

Кухня была таких размеров, что вполне сгодилась бы для небольшого футбольного поля, очевидно, совмещая функции кухни и гостиной. Посредине стоял огромный старый стол с растрескавшейся от частого мытья столешницей и три стула. Была еще табуретка – ровесница стола. Анна прикинула, что обоим не меньше полувека. Нурия попыталась придать убогому убранству хоть какое-то изящество – посреди стола стояла ребристая белая кружка с букетиком сирени. Неподвижный воздух пронзали спицы солнечного света, в них кружились мириады пылинок.

Всю правую стену занимал камин, старомодный, железный, словно позаимствованный из сказки про Золушку. Каминном активно пользовались – рядом, у стены, лежали аккуратные полешки и горка тонких щепочек. Вместо кресел, как это принято у англичан, у камина стояли два обыкновенных стула. Один – низкий и разохшийся, должно быть, дедушка стола и табуретки, с подушкой в ситцевом чехле в мелкий голубой цветочек, второй – прямая его противоположность – очень изысканный, с изящной круглой спинкой.

– Знаю, мебелировка в этом «дворце» навела тебя на мысль, что я собирала ее на ближайшей помойке, – усмехнулась Нурия, заметив тщательно скрываемое удивление подруги. – Но, хотя это и похоже на правду, притащила эти вещи сюда не я, а бывшие хозяева. У меня, как ты понимаешь, денег не было даже на такое старье.

– Что ты оправдываешься? – упрекнула ее Анна. – Мне здесь даже нравится. Так все необычно. Особенно эти штуки. – Она задрала голову и ткнула пальцем в огромные, почерневшие от времени балки, тянувшиеся под потолком.

Нурия ответила ей благодарным взглядом и сразу же бросилась к плите, приговаривая, что заболталась и совсем забыла про обед.

– Как ты справляешься с таким огромным домом? – спросила Анна. – Тут только на мытье полов, наверное, сутки нужны.

– Ты права, приходится раз в неделю приглашать женщину, иначе или грязью зарастешь, или будешь заниматься уборкой круглосуточно.

– Ого! Приходящая прислуга? – улыбнулась Анна.

Нурия покосилась на нее и вздохнула:

– Это она называет себя приходящей. А я никогда не знаю, придет она в следующий раз или нет.

Они переглянулись и рассмеялись, и не столько над нерадивой помощницей, сколько от радости, что снова вместе, что по-прежнему понимают друг друга с полуслова.

Краем глаза Анна успела заметить, что Ники ведет себя как-то странно. Оседлав высокий табурет, он старательно делал вид, что изучает камин, а сам время от времени легонько пинал свою сумку, которую зачем-то притащил на кухню и запихнул под стол.

– Ники, что это ты дела... – начала было Анна, как вдруг ей показалось, что сумка после очередного пинка пошевелилась сама по себе. Не успела Анна опомниться, как на ее глазах замок на сумке стал открываться, в отверстии показались острые треугольные уши, а за ними – голова с торчащими во все стороны усами. Желтые глаза недовольно щурились на яркий свет.

– Та-ак. И что все это значит? – протянула Анна, уперев руки в бока.

– Ой, какой красивый котик! – всплеснула руками Нурия, разглядывая вывалившегося из сумки взъерошенного перса. – Откуда он взялся?

– Из дома, – буркнул Ник, понурился головой.

– Ты хочешь сказать, что протащил этого зверя через таможню?! – не поверила Нурия, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– А что такого? Каспер умный, сидел тише мыши, когда мы таможню проходили, вот его и не заметили.

– А если бы нас попросили открыть сумку? – ужаснулась Анна, представив возможные последствия. Штраф был бы самым легким наказанием.

– Но ведь не попросили же!

– Логично, – прыснула Нурия. – Анна, у тебя гениальный ребенок.

– Вижу, – мрачно откликнулась Анна, взирая на кота, который, как ни в чем не бывало, подошел к ней и потерся спиной о ее ногу, примирительно мурлыча. Девушка легонько оттолкнула его, показывая, что все еще сердита, но на самом деле ее гнев уже прошел. Она даже немного гордилась находчивостью Ники, который ради друга провернул всю эту авантюру.

– Ну что, подруга, примешь на постой безбилетника? – спросила она у Нурии.

– С удовольствием. И даже накормлю обедом вместе со всеми. К тому же в этом доме, в подвале, полно мышей. Может быть, ваш Каспер с ними разберется?

– И не надейся. Этот лентяй видел мышь только по телевизору, – с сомнением покачала головой Анна. Каспер посмотрел на хозяйку и

фыркнул, будто не одобрял возводимой на него напраслины.

– Он считает, что ты не права, – хмыкнула Нурия. – Я уверена, он будет хорошо себя вести. Верно, Каспер?

Каспер одобрительно глянул в ее сторону. Жмуря янтарные глаза, кот сидел посреди кухни так, что сразу становилось понятно, какой он культурный и воспитанный. «Я вам еще пригожусь», – говорил весь его вид. И он был совершенно прав.

Глава 4

За ужином, изучив содержимое глиняного горшочка, который торжественно водрузила перед ней Нурия, Анна предположила, что в этом самом «горшочке» содержится как минимум полтеленка и урожай с небольшого огорода. Размах впечатлял! Кроме того, становилось ясно, что голодная смерть подруге не грозит.

Ники и Каспер оценили угощение по достоинству. Оба с аппетитом поглощали его, каждый из своей тарелки. Видно было, что им хочется побыстрее расправиться с трапезой и отправиться на разведку в сад.

Когда подруги остались одни, Анна решилась наконец задать вопрос, который мучил ее с самого приезда.

– Удалось узнать что-нибудь о миссис Клэрксон? – Голос ее, когда она спрашивала, помимо воли дрогнул.

– Не волнуйся. Эта женщина действительно живет здесь, я даже отыскала ее дом. Хотела поговорить с ней сама, но потом решила, что это должна сделать ты. Я правильно поступила?

– Конечно! Только почему ты молчала столько времени? Не могла шепнуть в аэропорту, садистка ты этакая?

– Э, нет, я тебя знаю! – погрозила пальчиком Нурия. – Скажи я тебе там – плакал бы мой ужин. Ты понеслась бы сломя голову к этой тетке, и неизвестно, чем бы все закончилось. Хорошие новости могут и подождать. Пойдешь к ней завтра с утра, на свежую голову. Согласна?

– Куда ж теперь деваться, – развела руками Анна. Мысль, что они приехали в такую даль не зря, внушала ей самые радужные надежды.

– Что-то Лелька задерживается, – пробормотала Нурия, уже в который раз выглядывая в окно, за которым быстро темнело.

– Задерживается? Погоди-ка, разве она не в колледже? Что у нас там сегодня, среда? Или у них каникулы? – забеспокоилась Анна.

– Ох, Анька, ты же ничего не знаешь, – вздохнула подруга. – Лельке тут на днях здорово досталось. Я не успела тебе написать сразу, а потом решила, что все расскажу при встрече. Так даже лучше.

– Эй, слушай, что за дела? – нахмурилась Анна. – Что случилось с девочкой? Почему ты молчала?

– По той же причине, что и о тетке Ника. Не хотела портить встречу. Мы же так давно не виделись. Кроме того, у тебя у самой проблем невпроворот...

– Тьфу на тебя! – беззлобно выругалась Анна. – Вот в этом ты вся. Молчишь, терпишь, пока совсем невомоготу не станет. И не стыдно? А мне поначалу показалось, что Америка тебя изменила.

– Есть немного, но характер-то не изменишь. Не злись. Сейчас все расскажу, только коротко, не хочется повторять это при Лельке. Она собиралась пойти в кино с Керри и очень хотела успеть вернуться к твоему приезду, только задерживается почему-то.

– Ладно, пока светло, можно особо не беспокоиться. Рассказывай, в чем там дело.

– История, надо сказать, просто невероятная, – начала Нурия. – Знаешь, никогда не думала, что такое может произойти со мной, то есть с кем-то из моих близких.

Анна ничего не сказала на это, приготовившись внимательно слушать. Только бы Нурия не передумала рассказывать, а выводы как-нибудь сделаем по ходу дела сами.

– В общем, получилось так, что с последнего триместра Лелька из Бостонского университета перевелась в Дэнверс. По-нашему, это что-то вроде факультета, называется колледж Святой Елены.

– Если я ничего не путаю, ты мне об этом не писала... – удивленно приподняла брови Аня.

– Не писала, – согласно кивнула головой подруга. – Сама не знала, как отнестись к этому переводу, а беспокоить тебя понапрасну не хотела. Вот, думала, разберусь, что к чему, а потом уж и тебе доложу обстановку. Ну и разобралась в результате, – состроила она кислую мину.

– Что-то пошло не так? Почему вообще Леля решила сменить место учебы? Не потянула, что ли?

– Да нет, как раз наоборот. Колледж Святой Елены даже более престижен, чем центральное отделение. У них в списке выпускниц половина американских знаменитостей.

– Выпускниц?

– Ну да. Это женское отделение, изучают общий курс естественных наук – эдакий винегрет из элементарной физики, химии и биологии, сваленных в одну кучу, как бог на душу положит. Короче, на этом отделении естественные науки не в большом почете, основной упор делается на изучение истории искусств, театра, ну и так далее – гуманитарное направление, одним словом.

– И кем же становятся выпускники этого колледжа?

– В том-то и дело, что кем только не становятся – учеными, артистами, режиссерами, даже крупными политиками.

– Женщины – политиками? – не поверила Анна.

– Ага. Я тебе потом одну книжку покажу – упадешь! В разное время в этом колледже учились дочери нескольких американских президентов и государственных деятелей Европы. После его окончания выпускниц автоматически, без экзаменов, зачисляют в самые престижные университеты! В общем, моя дурочка Лелька прыгала от восторга, когда ее в эту «Святую Елену» приняли. Помимо всего прочего, ты же знаешь, как у нее туго с математикой, а они ее там, по-моему, вообще не изучают. Лельке же только того и надо. А самое привлекательное для меня, что стипендия у нее тоже выросла. Кажется, у колледжа есть какой-то специальный фонд, учрежденный чуть ли не триста лет назад. С деньгами у нас было не густо, так что вопрос со стипендией решил все. – Нурия немного помедлила, задумчиво вертя чашку с остывшим кофе. – Ну, так вот. Поначалу все шло прекрасно. Лелька училась, я крутилась по хозяйству, радуясь, что девчонка рядом, в двух шагах от дома. Надо сказать, что у них там, в этом колледже, очень строго с религией. Каждое воскресенье – в церковь, утром и перед едой молитвы читают. Мы-то атеистами росли, ничего в этом понимать не научились, но я не особенно расстраивалась. Пусть лучше верит в бога, чем не верит ни во что. Ты не подумай, они с этим не пережимали, просто здесь это в порядке вещей.

– Пока я не слышу ничего страшного. – Анна постаралась ускорить рассказ подруги. Она чувствовала, что Нурия как бы оттягивает момент, когда придется сказать самое главное, но с минуты на минуту могла вернуться Лелька, и тогда разговор отложится на неопределенное время, а потом Нурия может и вовсе передумать говорить об этом.

– Еще услышишь, – невесело усмехнулась Нурия. – Ты, наверное, думаешь, что я специально тяну резину? Ошибаешься. – Она вздохнула, удрученно качая головой. – На территории колледжа есть старинная часовня. Учениц держат в строгости. Подъем у них в половине седьмого утра. А одна из воспитанниц, дежурная, встает еще раньше. В ее обязанности входит ударять в колокол, у них там какая-то утренняя молитва полагается... Как ее?..

– Заутреня?

– Ага. Она самая. В общем, все, как в каком-нибудь историческом бульварном романе – монастырь, воспитанницы, заутреня...

– Не хватает только таинственного убийства, – мрачно пошутила Анна.

– Будет тебе и убийство, – хмуро пообещала Нурия.

Анна подумала, что она шутит, но подруга и не думала улыбаться. Наоборот, в ее глазах появилось затравленное, тоскливое выражение, и

Анна только сейчас поняла, что постройневшая подруга просто высохла от снедающей ее тревоги.

– Дело было в пятницу. Я уже собиралась готовить праздничный ужин к ее возвращению на уик-энд, как вдруг прибегает запыхавшаяся Керри, зеленая, что твоя крапива под забором, глаза – сумасшедшие, и бормочет какую-то ерунду. Я поначалу не сообразила, что к чему, решила, что девчонка умом тронулась. Кстати, это было бы неудивительно, но Керри – это отдельная история, потом объясню. Кое-как удалось разобраться, что с Лелькой что-то случилось. Я, в чем была, помчалась вместе с ней в колледж. А там уже толпа народу, полиция, «Скорая», зевак чертова туча набежала. А в центре всего этого – моя Лелька! В первую секунду я грешным делом подумала, что моя девочка умерла – она лежала на носилках такая бледная! Вокруг нее суетилось несколько врачей, пристраивали какие-то свои приборы. Я это увидела, опомнилась, сразу сообразила, что трупу капельница без надобности. Бросилась к ним, растолкала – откуда только сил и наглости хватило? – схватила ее за руку, а она, моя девочка, будто только этого и ждала, открыла глаза и улыбнулась мне. У меня от сердца отлегло, но сразу мысли появились: что с Лелькой? Почему она без сознания? Дочка снова отключилась, врачи меня быстренько оттеснили и потащили ее в машину. Меня с ней не пустили, правда, сказали, что я могу поехать в больницу, адрес назвали, а я, дура, с перепугу чуть все слова английские не позабыла. Спасибо, мисс Спарк подроспела, записала мне все на бумажке, отвела в сторонку и объяснила, что произошло. Пока мы искали, где бы присесть, я успела заметить, что мимо пронесли еще одни носилки, только человек, который на них лежал, был в красном пластиковом мешке. Тут мне стало совсем нехорошо, даже передать не могу, какие в голову мысли полезли.

– Представляю, – кивнула Анна.

– Мисс Спарк рассказала, что Леля, придя в часовню, наткнулась на обезглавленный труп какой-то старухи. Девочка принялась бить в колокол, а потом потеряла сознание. Ее нашли в глубоком обмороке, но врачи уверяли, что с ней все в порядке. И они оказались правы. Почти. – Нурия словно запнулась.

Аня ждала, что она объяснит это свое «почти», но подруга этого не сделала. Рассказ будто отнял у нее все силы: она сидела, подперев рукой голову, и смотрела на Анну совершенно несчастными глазами.

– Так я поняла, что Леля просто от страха упала в обморок? – уточнила Аня. – Это не так уж опасно. Ведь она быстро пришла в себя, правильно?

– В общем, да, но... – Нурия снова осеклась, не договорив фразу. Аня

понимала, что давить в данную минуту не следует, хотя чувствовала, что ей что-то недоговаривают. Сейчас ее очень интересовал вопрос, откуда взялась в часовне престижного учебного заведения обезглавленная женщина. Нурия ничего о ней не сказала, и Аня решила спросить об этом напрямик.

– А что случилось со старухой? Как она туда попала?

– Не знаю, – пожала плечами подруга. – Все это очень странно. Женщину убили таким страшным способом в таком странном месте, и не нашлось ни единого свидетеля, видевшего хоть что-то подозрительное.

– Действительно, странно, – задумчиво проговорила Аня.

– И, ты знаешь, это не единственная загадка.

– Вот как?

– Да. Во-первых, Лелька сказала мне позже, что когда она пришла в часовню утром, то дверь была заперта.

– То есть обычно она бывает открытой?

– Именно. Лелька удивилась, конечно, но списала все на то, что кто-то решил зло подшутить над ней, сделать так, чтобы она не смогла ударить в колокол вовремя. За это полагается наказание – еще три утра подряд ей пришлось бы звонить в этот колокол вне очереди.

– Интересные шуточки у этих воспитанниц.

– Ага, прямо дедовщина, как в армии. Лелька решила не сдаваться, обошла здание и влезла через незапертое окно в ризнице. И все.

– В каком смысле – все?

– В прямом, в каком же еще? Больше Лелька ничего не помнит. Ни как увидела тело, ни как звонила в колокол. Полный провал памяти, или как там это по-научному называется?

– Амнезия, – машинально подсказала Анна. – Это, в общем-то, вполне нормальная реакция.

– Знаю, – грустно кивнула Нурия. – Мне все популярно объяснили. Вот только...

– Тетя Аня! – Раздался от порога радостный возглас. Анна обернулась и увидела улыбающуюся Лельку, неслышно вошедшую в комнату.

Леля всегда напоминала Анне портрет работы прерафаэлитов. Та же гордая головка на неправдоподобно высокой шее, прямой носик и изогнутая короткая верхняя губа, огромные печальные глаза, прозрачные, словно речная заводь, но главное сходство в волосах, переливающихся всеми оттенками золота, густыми волнистыми прядями спадающих на худенькую спину наподобие средневекового плаща. Пару раз девчонка, устав возиться с непокорной гривой, грозилась остричь их к чертовой

матери, и тогда Нурия, исчерпав все аргументы против, звонила Анне, зная, что та приложит все силы, чтобы сохранить эту красоту в неприкосновенности. В детстве Лелька напоминала ангела. Теперь у этой девушки было такое лицо... Оторваться невозможно, забыть – тоже не получится. Из другого мира, из другой эпохи, когда движения у женщин были плавными, а глаза – безмятежными.

С приходом Лели разговор о недавних событиях пришлось прервать. Тем не менее Анна весь вечер исподтишка присматривалась к девочке, пытаясь определить, действительно ли пережитый шок в часовне прошел для нее без последствий. Пришло время ложиться спать, но Анна так и не смогла прийти к какому-то определенному выводу.

Ночью Аню разбудил странный звук. Она открыла глаза и прислушалась. Какое-то время было тихо. Она даже решила было, что ей показалось, – в старом доме, естественно, все время что-то поскрипывало и постукивало. Девушка перевернулась на другой бок, собираясь спать дальше. Ники, уткнувшись носом в подушку, тихонько сопел рядом. Каспера в комнате не было. Должно быть, бродит где-нибудь по дому в поисках обещанных мышей. Анна закрыла глаза.

И тут звук повторился. Он шел откуда-то из-за стены. Сначала стон, затем невнятное бормотание. Она не сразу сообразила, что этот звук доносится из спальни Лели, расположенной как раз слева от комнаты, выделенной хозяйкой для гостей.

Анна приподнялась на локте и снова прислушалась, попутно решая, стоит ли выбираться из теплой постели и тащиться по холодному коридору в комнату девочки, чтобы проверить, все ли в порядке. Если бы ей не удалось ничего больше услышать, она с удовольствием осталась бы на своем месте, но крик повторился вновь. Теперь он звучал гораздо отчетливее, и Аня узнала голос Лели. В этом голосе сквозил страх. Именно этот страх заставил Анну без дальнейших раздумий выскочить из кровати и отправиться в соседнюю спальню.

Леля была в своей постели. Анна осторожно подошла к ее кровати и взглянула на лицо девочки. Глаза той были закрыты, точнее, крепко зажмурены. Даже во сне она старалась поплотнее закрыть глаза, чтобы не видеть чего-то страшного. Несколько секунд Леля лежала тихо, потом голова ее несколько раз дернулась из стороны в сторону, она тяжело задышала, как будто задыхаясь от быстрого бега, потом вскрикнула:

– Нет! Не хочу!.. Не делайте этого, пожалуйста! – хныкала она жалобно, как маленький испуганный ребенок.

Анна поняла, что надо немедленно разбудить девочку, чтобы оборвать

преследующий ее кошмар, и стала гладить ее по плечу, приговаривая:

– Лелечка, детка, проснись! Проснись, солнышко!

– Это не поможет, – раздалось у нее за спиной. Анна обернулась и увидела Нурию в длинной ночной рубашке, босиком. Видимо, она услышала стоны девочки даже на первом этаже.

– Почему ты говоришь, что не поможет? *Что* не поможет?

– Будить ее бесполезно. Она ничего не вспомнит. А потом заснет, и снова будет кричать и звать на помощь. Это повторяется каждую ночь. Она не жалуется, ничего не говорит, но тает на глазах, как маленькая свечка, пламя которой неуклонно плавит воск хрупкой оболочки. Я просто не успела тебе сказать... – Каким-то ровным, безжизненным голосом проговорила Нурия, а потом неожиданно всхлипнула:

– Анька, что с моей дочерью?!

Анна быстро подошла к подруге и обняла ее за дрожащие плечи.

– Не знаю, – честно призналась она, не сводя глаз с беспокойно ворочающейся на смятых простынях девочки. – Подозреваю, что это началось после случая в часовне, ведь так. Да?

– Да. Но с ней же там ничего не случилось. Даже тела женщины она не видела. То есть видела, но после обморока эта картина начисто стерлась из ее памяти. Ты думаешь, она боится этой умершей старухи? Или, может быть, она видела убийцу, но забыла об этом, а во сне вспоминает и испытывает страх?

– Все может быть, – неопределенно ответила Анна. Поведение крепко спящей девочки о чем-то ей напоминало, но она никак не могла поймать ускользающую мысль за тоненький хвостик. – Ты рассказывала врачам о ее ночных кошмарах?

– Конечно. Но они как-то не придали этому значения. Многие дети кричат во сне. Чтобы понять, что вызывает мою тревогу, надо ее видеть в этот момент, но не могу же я пригласить сюда врачебный консилиум с ночевкой? А в больницу лечиться Лелька отказывается. Дело в том, что она вообще не помнит свои сны. Я знаю, она не притворяется, она действительно думает, что спит спокойно, а у меня – классический старческий маразм на почве родительской любви. Так ведь не бывает, правда? Ты же мне веришь? С ней что-то не так, я чувствую.

– Проверим. Раз уж я здесь, попробую разобраться, что за чудеса творятся с твоей девочкой. Я, конечно, не психиатр, но, чуется мое сердце, что и проблемы здесь не психиатрические.

– А какие? – встревоженно спросила Нурия.

– Пошли спать, – вместо ответа сказала Анна и первой вышла из

Лелькиной спальни.

Глава 5

Рано утром Анну разбудило щебетание птиц и бьющий в глаза сквозь стекло прозрачный свет нового дня. Несколько минут она позволила себе просто полежать, расслабившись, вытянув ноги под теплым одеялом, и с наслаждением вдыхала аромат деревенского утра – неповторимую смесь запахов влажной земли и трав. Она чувствовала, что утро еще по-настоящему не наступило, было часов шесть, не больше, но спать уже не хотелось. Просыпаться, правда, тоже. Она лениво пыталась вспомнить сон, который видела. За последнее время ей впервые снилось что-то приятное. Жаль, что сон растворился с восходом солнца, осталось только ощущение чего-то светлого и радостного.

Она открыла глаза, чтобы посмотреть на спящего Ники, и подскочила на постели, обнаружив, что постель пуста. Машинально взглянув на часы, она убедилась, что сейчас на самом деле всего лишь четверть седьмого. Куда подевался мальчишка в такую рань? Может, захотел в туалет? От этого предположения она немного успокоилась, но сон окончательно прошел, и она встала с постели, чтобы убедиться, что с Ники все в порядке. Сунув ноги в тапочки и набросив халат, Анна вышла в коридор и стала осторожно спускаться по лестнице, стараясь не разбудить скрипом половиц остальных обитателей дома.

Осторожничала она, оказалось, совершенно напрасно. Нурия обнаружилась на кухне возле огромной черной, отчаянно шипящей сковороды, на которой жарилась гигантская яичница с кусочками ветчины и зеленым луком.

– Привет, – улыбнулась она, увидев Анну на пороге кухни. – Как раз ко второму завтраку.

– А когда был первый? – глупо улыбаясь, спросила Анна, плохо соображая спросонок.

– Полчаса назад. Лелька повела Ники смотреть восход на океане. Между прочим – потрясающее зрелище. Ради этого стоит проснуться пораньше.

– Как же так? Почему они мне ничего не сказали? – обиделась Аня.

– А зачем? Леля присмотрит за мальчиком, они друг другу понравились. Не обижайся. Просто если ты сумеешь договориться с миссис Клэрксон, то Ники придется провести долгое время в больнице, и неизвестно, когда появится другая возможность увидеть восход солнца над

океаном.

– Ладно, ты, как всегда, права, – вздохнула Анна, усаживаясь на табуретку возле стола. – Как Леля?

Нурия поняла, о чем спрашивала Анна, и пожала плечами:

– Как я и говорила – ничего не помнит. Спокойная, веселая. Они с Ники трещали без умолку, как два взбесившихся воробья.

Говоря это, Нурия поставила перед Аней тарелку с яичницей. К аппетитному запаху поджаренной ветчины примешивался другой, тот, который не понравился Ане накануне. Девушка невольно поморщилась.

– Воняет? – понимающе кивнула Нурия.

– Да, то есть, нет. Пахнет просто превосходно.

– Я не про яичницу, я про эту вонь, которая витает в доме.

– Так ты тоже чувствуешь?

Нурия засмеялась:

– Еще бы нет! Я уже извелась вся, стараясь отыскать источник этого безобразия. Но все без толку.

– Может, лучше было подыскать другой дом? Неужели не было других вариантов по той же цене? – Осторожно, чтобы не обидеть подругу, спросила Аня.

– О, это была целая история! Дом, оказывается, надо арендовать с умом. Это, правда, я теперь такой спец, а тогда ничегошеньки не понимала в местных тонкостях.

– А что, здесь процесс идет как-то иначе?

– Черт его знает. Я, по правде говоря, у себя дома домов в аренду не брала. Да и нету у нас там таких домов, сама знаешь, только «хрущевки», «ленинградки» да «сталинки». Про них и так все известно. Все сильные и слабые места – как на ладони: «хрущевки» – тесные, «сталинки» – гнилые, «ленинградки» – серединка на половинку. Правильно? – спросила она и сама себе ответила: – Правильно! А дом – это совсем другое дело. Тут без поллитры – никуда.

– В каком смысле? – не совсем поняла Анна.

– Да хоть в каком. Щас все объясню. Вдруг пригодится. Должна же от моих мытарств быть хоть какая-то польза? Хоть тебя научу на будущее. Самое главное – это агент, – принялась Нурия загибать пальцы. – Он должен быть хорошим.

– А как ты узнаешь, хороший он или нет, если ты его в глаза не видела?

– Правильное замечание. Тут уж как повезет. Понимаешь, он работает на проценте. Только платишь ему не ты, а тот, кто продает. Поэтому для

агента главное – продать как можно больше. Естественно, как только ты попадешь в поле его зрения, он начнет сватать тебе самую заваль из серии «этот дом стоит таких денег, только если в гараже зарыты сокровища Стеньки Разина».

– Нурия, Разин в Америке не был, – предупредила сквозь смех Анна.

– Один шут. Я-то этой фишки не знала, ну и купилась. Показал он мне для разгона парочку откровенных сараюшек, а потом привел сюда. Захожу – батюшки мои! – пирогами пахнет, свечи ароматизированные горят, в камине дрова полыхают! Сказка! Запомни: если такое когда увидишь – можешь дальше прихожей не ходить. Оказывается, это старый трюк: вызывают у тебя ощущение домашнего уюта, а заодно с помощью всех этих свечек-печек вкупе с пирогами забивают запах старых ковров и мокрого подвала! Я попалась, подписала контракт прямо там же, в прихожей. И что? Пирог съели, свечи догорели, а я теперь после каждого дождя выкачиваю из подвала воду, не понимая, как же я всего этого безобразия не заметила и не унюхала. Так что в следующий раз я буду выбирать дом исключительно после дождя и в самое поганое время года.

– То есть этот запах, – Анна повертела рукой в воздухе, – из-за мокрого подвала?

– Не знаю, – удрученно ответила Нурия. – Вроде бы я все там осмотрела. Нечему так вонять. Ты чувствуешь? Будто покойник в доме.

– Похоже, – кивнула Анна. – Может, крыса под полом сдохла? Говорят, они ужасно воняют.

– Скорее всего. Главное, что запах появился не сразу, где-то недели через полторы. Как раз дожди перестали, потеплело – и началось! Надо будет пригласить кого-нибудь полы вскрыть. Только на это деньги нужны, а у нас с Лелькой – в обрез.

– Ну, с деньгами я помогу, – отмахнулась Анна. – Жалко же, дом-то, в общем, очень симпатичный.

Она огляделась. Полный утреннего солнца, он сейчас казался теплым и надежным прибежищем от любых неприятностей. Этим спокойным мирным утром ничто в кухне-гостиной не предвещало скорой трагедии.

Покончив с завтраком, Анна засобиралась: ей не терпелось встретиться с миссис Клэрксон. Помимо воли сердце ее болезненно сжималось, тревога оттесняла на второй план все остальные переживания. Впервые в жизни Анна понимала, что чужая судьба для нее важнее собственного благополучия.

Нурия вызвалась отвезти ее, и Анна была благодарна за поддержку, от волнения ноги ее плохо слушались.

Дом миссис Клэрксон прятался в самом конце тенистого сада, в котором совсем не было цветов, только плодовые деревья – кажется, груши – и ровно подстриженная зеленая трава. Перед домом, прямо на газоне под бледно-голубым тентом был подвешен диван-качалка, а вокруг белого пластикового столика стояли три плетеных стула. Белая садовая мебель выглядела очень симпатично на зеленой траве лужайки.

Дверь открылась сразу, как только Анна надавила дрожащим пальцем на звонок, будто хозяйка стояла за дверью и подглядывала за ней в замочную скважину. Конечно, этого не могло быть в действительности, но Ане почему-то стало неприятно. Тем не менее при виде аккуратной женщины неопределенного возраста Аня постаралась состроить подобающую мину – серьезность, ответственность плюс немного скромности, – хотя и не была уверена до конца, что ей удалось изобразить все это одновременно.

Миссис Клэрксон – а это именно она открыла дверь – весьма доброжелательно поздоровалась, когда Анна представилась, и пригласила гостью в маленькую уютную гостиную. Опять же по приглашению хозяйки Аня присела на краешек дивана со старомодно изогнутыми подлокотниками и цветастой шелковой обивкой. Она всерьез опасалась, что раздастся страшный скрип, но гладкая подушка сиденья неожиданно оказалась жесткой, как камень.

От волнения у девушки пересохло в горле. Она не знала, как сообщить о своей просьбе в такой форме, чтобы женщина не выгнала ее после первых же слов. Ведь покойная ее сестра, насколько понимала Анна, не желала ее знать. Анна могла только догадываться о том, какая черная кошка пробежала между ними, но ведь она, по сути дела, не знала ни ту, ни другую. Зато она знала и любила мальчика, и это помогло ей быть максимально убедительной.

Миссис Клэрксон внимательно выслушала сбивчивый и страстный монолог незнакомой русской девушки, говорящей по-английски почти без акцента. Она ни разу не перебила ее, не задала ни единого вопроса, пока Анна не закончила. Все это время Анна пыталась понять по выражению ее лица, какого ответа следует ждать. Но даже ее телепатические способности на этот раз оказались бесполезными. Она не чувствовала ровным счетом ничего, что могло бы подготовить ее к тому или иному исходу дела. Когда миссис Клэрксон наконец открыла рот, Анна была на грани обморока от перенапряжения.

Нурия с волнением всматривалась в глубь сада, ожидая появления

Ани, за которую очень беспокоилась. Она приготовилась к долгому ожиданию и потому несказанно удивилась, увидев знакомую тонкую фигурку, быстро шагающую по посыпанной гравием дорожке. У Нурии вытянулось лицо, что в точности соответствовало выражению, написанному на лице Анны.

– Она тебя выгнала? – испуганно спросила она подругу, как только та плюхнулась на соседнее сиденье машины с совершенно потеряннным видом. Анна повернула к ней бледное лицо, слабо улыбнулась и покачала головой:

– Нет, Нурия, она согласилась.

– Ну ты даешь! Почему же у тебя такое лицо, будто ты только что похоронила любимую бабушку и узнала, что та завещала миллион долларов соседской болонке? Почему не радуешься?!

– Я радуюсь, – устало сказала Анна. – Но мне почему-то кажется, что меня обвели вокруг пальца. Как в старом анекдоте про «нового русского», который продал черту душу за миллион долларов и никак не мог понять, в чем же подвох.

– А мне кажется, что ты просто спятила от нервов! Ты только подумай: тетка согласилась на операцию, и Ники скоро станет здоровым, нормальным мальчишкой! Подожди. – Нурия на мгновение нахмурилась. – Она что, заломила за свое согласие кучу бабок?

– Вовсе нет. Она согласилась сразу, мне даже не пришлось ее уговаривать. А ведь лечь на операционный стол – это не в магазин за картошкой сбегать. И вообще... – Она замолчала, сосредоточенно что-то обдумывая.

– Ну что «вообще»? – теребила ее Нурия, которой тоже передалось беспокойство Анны.

– У меня такое ощущение, будто она знала о моем приходе сюда, понимаешь? Знала, что я обращусь к ней с такой просьбой.

– Не дури, откуда она могла знать? – преувеличенно бодро возразила Нурия. Но, к сожалению, ей было известно, что «ощущения» Анны частенько оказывались верными, однако прислушаться к ним сегодня означало лишить маленького мальчика единственной надежды на то, чтобы стать нормальным. Об этом Нурия и сказала Ане, и та вынуждена была признать, что на этот раз подруга говорит мудрые вещи – шанс надо использовать, а уж защитить малыша от возможной опасности – если она в самом деле существует – они сумеют.

Не откладывая дела в долгий ящик, чтобы ненароком не передумать, Анна сгребла Ники в охапку, и они отправились в Бостонскую мемориальную клинику. Если бы не помощь Нурии, Анне пришлось бы

здорово помучиться в незнакомом городе. Но подруга, прожившая в этих краях уже почти год, доставила их к больнице в рекордно короткие сроки. До конца рабочего дня оставалось еще три часа, и Анна надеялась застать нужного специалиста на месте.

Нурия осталась в машине, а Анна, держа за руку заметно побледневшего и притихшего мальчика, пошла к главному входу в здание. Серые гранитные ступени длинной полукруглой лестницы начинались с противоположных участков тротуара и встречались только на каменном крыльце перед входом. Над тяжелой, невероятно высокой двойной дверью красовалось высеченное на мраморной табличке название клиники и дата ее основания.

Толкнув одну из створок большой двери, они вошли в просторный вестибюль. Едва оглядевшись, Анна почувствовала, что ее сердце застучало быстрее, в горле пересохло: это был вестибюль из ее сна, та же тусклая плитка от пола до потолка, те же высокие окна. Преодолевая внезапно сковавший ее страх, она огляделась, почти уверенная в том, что сейчас им навстречу выйдет тот самый доктор. Но вестибюль был пуст. На двери справа значилось: «Приемная». Впереди, в дальнем конце вестибюля, сквозь стеклянную вращающуюся дверь была видна решетка большого старомодного лифта, у входа в который сидел седой лифтер в безукоризненно белой униформе. Присутствие живого человека, не имеющего отношения к ее кошмару, несколько успокоило девушку, и она решительно двинулась к приемному покою, не выпуская руку Ники из своей.

Первое, что поразило воображение девушки, – это четкость и отлаженность действий медицинского персонала клиники в сочетании с безупречной вежливостью. Как только она объяснила цель своего визита, аккуратная медсестра с профессионально-вежливым лицом объяснила, в какой кабинет им следует идти, чтобы получить консультацию по поводу предстоящей операции.

Анна все еще боялась узнать во враче монстра из сна и поэтому чуть помедлила, прежде чем шагнуть в кабинет, на двери которого висела блестящая табличка: «Доктор С. Нортон. Главный хирург», но ее опасения оказались напрасными: доктор Нортон оказался похожим на доктора Айболита, будто специально гримировался. Его располагающая внешность не смогла напугать даже маленького Ники, который робко улыбнулся, отвечая на дружеское рукопожатие врача.

Кабинет был очень просторным, меблированным только самым необходимым. У окна стоял большой письменный стол, а вдоль стен –

несколько шкафов с инструментами, сверкающими на стеклянных полках. Анна поспешила поскорее отвести от них взгляд, заметив среди других инструментов блестящий острый скальпель. Кроме того, в комнате имелись три удобных кожаных кресла для посетителей и книжный шкаф, заполненный специальной медицинской литературой.

Предложив Анне и Ники кресла, доктор Нортон уселся за свой стол и положил перед собой руки с большими сильными пальцами. Чуть подавшись вперед, он внимательно посмотрел на Анну, показывая, что готов слушать ее сколь угодно долго.

Но разговор оказался короче, чем можно было предположить. Доктор осмотрел малыша тут же, в кабинете. При этом он ничем не выдал своего удивления, увидев поросшую густой шерстью спину ребенка, за что Анна была ему крайне признательна. Вряд ли врачу приходилось часто сталкиваться с подобными случаями, но он тактично молчал во время осмотра, заговорив только после того, как попросил мальчика выйти в коридор «посмотреть на золотых рыбок в вестибюле». Ники еще по дороге сюда обратил внимание на красиво оформленный фонтанчик с рыбками и теперь с удовольствием выскочил за дверь, чтобы рассмотреть их поближе. Удивительным образом после общения с доктором Нортоном страх малыша исчез, и Анна даже опасалась, что Ники попытается поудить в фонтане рыбу. По этой причине во время серьезного разговора с врачом она все время прислушивалась к происходящему за дверью, что не мешало ей со знанием дела обсуждать со специалистом вопрос о помещении мальчика в клинику. Привыкшая к нашей вечной российской волоките, Аня предполагала, что выяснение формальностей займет по меньшей мере неделю, и была поражена, когда врач предложил оставить Ники в клинике прямо сегодня, пообещав, что уже завтра с утра они начнут проводить обследование и готовить маленького пациента к операции.

Во всей этой истории ее поверг в шок лишь названный размер гонорара. Когда доктор назвал цифру, Анне стоило немалых усилий сохранить на лице невозмутимое выражение. Торговаться в подобном месте было бессмысленно, а названная сумма съедала почти все, что было у нее, а это – без малого восемьдесят тысяч долларов. Оставалась какая-то мелочь на билеты, но на то, чтобы обеспечить малыша всем необходимым на время восстановительного периода, денег уже не хватало. И тем не менее Анна дала свое согласие, не решившись искушать судьбу, которая могла отнять у них этот единственный, последний шанс. А деньги она как-нибудь раздобудет. У нее впереди целых две недели – именно столько придется провести Ники в стационаре.

Доктор вызвался сам оповестить миссис Клэрксон о сроках проведения операции и оформить с ней все формальности, включая официально заверенное согласие на использование ее в качестве донора, но Анна попросила разрешения сообщить об исходе переговоров женщине лично и доставить ее в больницу завтра с утра.

Ники услышал, как хлопнула дверь кабинета, и бросился к Ане, собираясь показать ей забавных рыбок, но, увидев выражение ее лица, затормозил на полпути, испуганно переводя глаза с нее на доктора Нортон. Доктор ободряюще похлопал Анну по плечу и отошел в сторону, предоставив ей возможность сообщить малышу новость.

– Нам с тобой повезло, солнышко, – проговорила Аня, стараясь удержаться от слез, – всего через несколько дней мы избавим тебя от... от этой болезни. Ты ведь не будешь бояться, правда?

Она заглянула ему в лицо и встретилась с его грустными, не по-детски серьезными глазами.

– Аня, не плачь, – прошептал Ники и погладил ее по голове. – Я ни капельки не боюсь. Правда-правда! Пойдем к доктору.

Ники ухватил ее за руку и потянул за собой. Анна пошла за ним, украдкой, вытирая слезы. Ей не хотелось оставлять Ники одного в этой огромной больнице, и одновременно она жаждала, чтобы он побыстрее вернулся к нормальной жизни. Эти два желания никак не соединялись в единое целое, и ее сердце разрывалось на части, как в том страшном сне. Впервые за долгие годы она боялась довериться своей интуиции. Точнее, интуиция молчала, оставляя Анну в неведении относительно исхода операции. Невероятно! Впервые ей хотелось заглянуть в будущее, а оно упорно пряталось за плотной серой пеленой, пугая и мучая ее неизвестностью.

Вид чистенькой светлой и уютной палаты, куда Анну и мальчика проводила приветливая медсестра, немного успокоил ее. Эта комната совсем не походила на больничное помещение. На окнах висели веселые занавески с детским рисунком, в углу, на тумбочке, стоял телевизор, а возле удобной постели с подвижным подголовником – мягкое пузатое кресло.

Ники изо всех сил старался делать вид, что ему не страшно. Он даже попытался улыбнуться, когда Анна собралась уходить. Выйдя из больницы, она отыскала глазами окно его палаты и увидела своего Ники. Малыш взобрался на подоконник и прижался лицом к оконному стеклу. Аня всхлипнула и помахала ему рукой. Он помахал в ответ, и махал до тех пор, пока она не села в машину.

– Не реви, – строго сказала Нурия, впихивая в крепко стиснутые

пальцы подруги чистый носовой платок. – Чего сырость развела? Думаешь, ему с шерстяной спиной-то лучше будет? Подумай об этом. И в следующий раз никаких истерик. Ты ему должна всем своим видом показывать, что все делается правильно. Он же тебе верит, а когда видит, что ты ревешь, как маленькая, то только еще больше расстраивается.

– Нуриюшка, он же такой маленький! – всхлипнула Анна. – И он там совсем один!

– Не один, а в руках опытных врачей, которые знают свое дело и смогут ему помочь, – отрезала Нурия, вдавливая в пол педаль газа почти до упора. Машина взревела, почти заглушив ее следующие слова, но Анна расслышала тихое:

– Если у него хватило духу пережить то, что проделал с ним этот изверг в джунглях, то он выдержит. Поверь мне. Тогда он был совсем один, на его глазах убили родителей, а теперь рядом с ним ты. Вот и помоги ему.

– Спасибо, Нурия. Я все поняла. Просто у меня никогда не было детей, не было никого, кто бы так сильно зависел от меня, как зависит Ники. Я чувствую свою ответственность за него и боюсь совершить ошибку.

– А ты не бойся! – улыбнулась Нурия, тряхнув темными кудрями. – Ты и так сделала почти невозможное. Остальное само пойдет. Увидишь!

Глава 6

Нурия обладала удивительным талантом успокаивать. К тому моменту, когда старенький «Форд» плавно затормозил у дома, Анна почти пришла в себя. Но даже рассудительность подруги дала трещину, когда, открыв входную дверь, они обнаружили, что в доме все перевернуто вверх дном. Нет, ничего не было сломано, если не считать отвалившейся скобы на двери, ведущей в подвал, но кто-то основательно покопался во всех вещах, включая и чемодан Анны. В центре комнаты, посреди разбросанных вещей сидел Каспер, презрительно щуря глаза на яркий свет.

– Мда, и что все это, черт возьми, значит? – спросила Нурия, обессиленно опускаясь на табуретку, почему-то оказавшуюся в прихожей, когда они закончили осмотр дома и обнаружили, что незваный гость или гости благополучно скрылись до их прихода.

– Каспер мог бы рассказать, но, увы, он не умеет разговаривать, – хмыкнула Анна, внимательно осмотрев дверь в подвал, и добавила: – Мы их спугнули. В подвал они войти не успели. А, судя по тому, что потратили уйму времени на то, чтобы сломать этот замок, очень стремились туда попасть.

– Это надо понимать, как намек на то, что они могут вернуться? – уточнила Нурия.

Анна кивнула.

– Он или они – не знаю, но я бы на их месте вернулась. Сейчас мне гораздо интереснее знать, что они искали?

– Может, уже нашли? – с надеждой посмотрела на нее Нурия.

– Не-а. Если бы нашли то, что искали, в доме, то не стали бы ломать дверь в подвал. Интересно, что им было нужно? Ты не знаешь?

– Господи, да что у нас можно украсть? – всплеснула руками Нурия. – Денег так мало, что я всегда держу их при себе. А вещи... – Она обвела вокруг себя рукой: – Ну кому может понадобится этот хлам?

– Вообще-то ты права, – согласилась Аня, по-прежнему не сводя глаз с двери в подвал, откуда совершенно невыносимо несло сыростью и затхлостью. – Не похоже, чтобы они хотели тебя напугать. Но, тем не менее, ответь: у тебя есть здесь враги?

– Нет. И друзей тоже. Здесь никто никому не интересен, особенно какие-то иностранцы. Леля подружилась с Керри, еще с несколькими ребятами. Но они тесно общаются лишь в колледже, а я все время дома

одна. Поэтому меня, по-моему, просто не замечают.

Нурия сказала это спокойно, но Ане передалась ее внутренняя обида на незаслуженное равнодушие соседей, и она вдруг опомнилась:

– Слушай, а где же Лелька?

– Не волнуйся. Они с Керри договорились сегодня поехать на фестиваль клубники в Планта-сити, вернутся только завтра к вечеру. Так что ее здесь не было, слава богу. Ох, про клубнику вспомнила и поняла, что здорово проголодалась. Пошли сообразим что-нибудь на ужин. Насколько я могу понять, воры ничего не взяли! – крикнула Нурия уже из кухни, хлопая дверцей холодильника. – Продукты, по крайней мере, на месте.

– Уже плюс. А что это за фестиваль клубники? – Анна постаралась перевести разговор на другую тему. Что толку переживать, если воры убежали, ничего не пропало – строго говоря и пропадать-то было особенно нечему – и никто не пострадал? Анна подумала, что, скорее всего, в дом забрались дети, да и то не ради кражи, а просто ради баловства. Такая постановка вопроса успокаивала. Нурия занялась приготовлением ужина, а Анна, чтобы скоротать время, бродила по первому этажу, попутно собирая разбросанные повсюду вещи.

– Фестиваль клубники – это фруктово-ягодный базар, – рассказывала тем временем Нурия, доставая из холодильника запеленутого в прозрачную пленку фаршированного цыпленка. – Сейчас как раз убирают клубнику и проводят ярмарку. Во время нее не только продают ягоды всем желающим, а еще устраивают аттракционы, ковбойские базары, продают сувениры, играет кантри-музыка – без нее ну просто никак, американцы на ней помешаны. Ну и, конечно, всюду клубника, крупная, чистая, не чета нашей, можешь мне поверить. И стоит копейки.

– На чем же они деньги зарабатывают? – удивилась Анна.

– Ой, да на всем. Еду всякую продают, опять же – аттракционы для детей... Да еще парковка платная, а это, учитывая большой наплыв посетителей, куча денег.

Нурия уже успела разогреть духовку и засунула туда цыпленка, предусмотрительно помещенного в специальный жаропрочный лоточек, пояснив:

– Сейчас попробуешь настоящую американскую еду.

– А что она собой представляет? – любопытствовала Аня, пытаясь прочесть на смятой этикетке, валяющейся на краю кухонного стола, название блюда.

– Да ничего особенного: курица, фаршированная хлебом, луком, яйцами и всякими специями. Не бог весть что, но голод утолить можно.

Кстати, на фестивале продают кучу всяких вкусностей, в том числе печеные яблоки, облитые карамелью, и фадж.

– Это еще что за зверь?

– Что-то вроде шербета, но...

Договорить Нурия не успела, наверху, в одной из спален, раздался оглушительный стук и звон бьющегося стекла.

Подруги испуганно переглянулись и, не сговариваясь, бросились по лестнице на второй этаж. Анна по пути прихватила сковородку, а Нурия вооружилась ножом для резки хлеба, который на вид выглядел весьма угрожающе.

На цыпочках, друг за другом они поднялись наверх, трясясь от страха и прислушиваясь к каждому шороху. Свет они включать побоялись, темнота давала хоть какое-то преимущество.

В спальне Лельки гулял сквозняк, тонкие занавески трепетали, подхваченные ветром с улицы. В полумраке они были похожи на привидения, парящие в воздухе над узкой кроватью. Осколки стекла поблескивали в лунном свете на полу возле распахнутого настежь окна. Но в комнате никого не было. В соседней, там где разместилась Анна, тоже.

– Ничего не понимаю, – все еще шепотом сказала Анна. – Почему разбилось окно? Ты думаешь, здесь кто-то побывал? Может, те воры? Но где они прятались? Вроде мы все осмотрели...

Нурия не спешила с ответом, задумчиво хмурия брови. Анна могла бы поклясться, что у подруги есть какое-то объяснение случившемуся, но она почему-то не спешит поделиться им с ней.

– Мне кажется, окно разбилось само, – произнесла наконец Нурия. Голос ее при этом звучал не слишком убедительно. – Видишь, шпингалет был закрыт неплотно, оно распахнулось, рама ударилась о стену, и стекло от удара треснуло.

– Ты сама-то в это веришь? – усмехнулась Анна.

– А что мне еще остается? – пожалала та плечами.

– Ладно, пусть будет шпингалет, – покорно согласилась Анна. – Пойдем вниз. Все равно здесь нет никого, кому пригодилась бы моя сковородка.

– И слава богу.

Они закрыли окно, тщательно заперев его, собрали осколки и стали спускаться на первый этаж.

Где-то на середине лестницы внезапно погас свет во всем доме.

– Что за шутки?! – рявкнула Нурия, и Анна услышала, как осколки, которые подруга несла в совке, угрожающе зазвенели.

– Осторожно! – вскрикнула она. – Не рассыпь стекло – порежешься. Лучше оставайся здесь, а я спущусь вниз и попробую воспользоваться свечами. У тебя есть свечи?

– Есть, – проворчала Нурия. – Но ты не найдешь, тем более в темноте. Держи совок. Я сама спущусь. Заодно и пробки проверю.

Анна поддержала предложение, хотя ей и не хотелось отпускать подругу одну бродить по ставшему вдруг опасным дому. Через некоторое время она увидела внизу слабый огонек свечи, освещающий встревоженное лицо подруги.

Спустившись, Анна первым делом высыпала осколки в мусорное ведро рядом с плитой, а потом подозрительно принялась.

– Слушай, а мы, случайно, не горим? – спросила она удивленно. – Только пожара не хватало!

– Мне тоже кажется, что пахнет дымом! – крикнула Нурия из коридора, где возилась с распределительным щитком.

Вспыхнул свет. Нурия вошла в кухню, держа в руках сразу три перегоревшие пробки, и застала Анну за странным занятием: та стояла на коленях, пытаясь открыть дверцу духовки, которую почему-то заклинило. Из духовки валил черный дым.

– Мать моя женщина! – Нурия бросилась на подмогу. Вдвоем они справились со злополучной дверцей, но только для того, чтобы увидеть основательно обгоревшие останки фаршированной курицы «по-американски». Кухню окончательно заволокло дымом.

– Открой окна, пожалуйста! – кашляя от едкого дыма, взмолилась Нурия.

Пока Анна выполняла ее просьбу, Нурия, обжигаясь и изрыгая проклятия, выволокла поддон с почерневшей птичкой и помчалась во двор, к выгребной яме, где намеревалась похоронить погибший ужин со всеми почестями. Когда она вернулась через пару минут, в кухне уже можно было дышать, правда, с трудом.

– Как это могло случиться? – с порога начала Нурия.

– Ну, ты, наверное, включила слишком сильный огонь... – попробовала Анна выдвинуть версию, но была остановлена возмущенным криком:

– Анька! Мне сорок лет! Из них лет тридцать я готовлю. Если собрать всех кур, которых я за это время зажарила, то наберется небольшая птицеферма! И ни разу – ты слышишь? – ни разу я не сожгла ни единого паршивого цыпленка. Посмотри на плиту! Видишь?

– Ну? – Анна послушно уставилась на белый рычажок «Индезита» и

разинула рот: он был вывернут на самый максимум, то есть на триста градусов, тогда как для приготовления цыпленка было достаточно и двухсот. Ошибиться на четыре деления подруга не могла, даже будучи в невменяемом состоянии. Тогда что же произошло?

– Дошло до тебя? – спросила Нурия, глядя на Анну почти с испугом.

– Дошло-то оно дошло, – кивнула Анна, – но что все это значит?

– Понятия не имею. Чертовщина какая-то.

– А раньше что-нибудь подобное бывало?

– Никогда, – уверенно ответила Нурия. – Хотя готовить дома я стала значительно реже. Если честно, то пристрастилась к пагубной привычке обедать в ресторане почти каждый день. Не думай, это не от больших денег, – поспешно добавила она, заметив удивленно округлившиеся глаза Анны.

– Здесь все так делают. Это даже более экономно. Продукты в магазине все равно надо покупать, потом их надо готовить. Купить и приготовить я могу, но из того, что лежит у них на прилавке, получается то, что есть потом совершенно не хочется. Как будто не то и не тем посыпано. Вроде все, как обычно: соль, сахар, перец с чесноком, а душа не лежит это вилоккой внутрь заправлять. У них продукты какие-то особенные. Ненатуральные, что ли, по крайней мере те, что мне по карману. Я тут недавно случайно наткнулась на свою кулинарную книгу, которую тащила из самой России...

– И что? – Так смеялась, читая ее, что Лелька не выдержала и спросила: «Мать, ты в курсе, что это сборник «Татарская кулинария», а не подшивка анекдотов?»

– А чего ты смеялась?

– Ну как же, вот, например, «Яичница с колбасой»: порежьте колбасу ломтиками и обжарьте на сковороде в кипящем масле... – Нурия не удержалась и хихикнула.

– И что тут смешного? – нахмурилась Анна.

– Как ты не понимаешь? Тутешнюю колбасу нельзя обжарить!

– Почему?

– Потому, что она просто расплавится и испарится.

– Совсем?

– Ага.

– Ты пробовала?

– А то нет. – Нурия грустно вздохнула и добавила, так как любила во всем справедливость: – Есть у них, конечно, и нормальная колбаса, но она слишком дорогая. В общем, едим, что бог послал, в основном фрукты,

хлеб, овощи, консервы. Иногда бог забывает послать, и тогда я варю яйца. Они, к счастью, точно такие же, как в России, их подделывать еще не научились. Сейчас яйца, как нарочно, кончились, курица сгорела, так что собирайся, ужинать пойдем в ресторан. Там готовить не просят, и стоит не так уж дорого.

– Слушай, может, не надо? Одеваться надо, краситься... – попыталась заартачиться Анна.

На самом деле ей очень не нравилось то, что произошло только что в этом доме. Она подозревала, что все это было сделано как раз для того, чтобы выманить их подальше, а Анна не привыкла поступать так, как хочется кому-то, тем более если этот «кто-то» имеет явно преступные замыслы и обладает болезненной изобретательностью.

Но Нурия ее не поддержала, а на попытку заявить о своих намерениях прямым текстом, ответила с удивительным хладнокровием:

– Ну и пусть берут все, что им понравится. Ты же видишь – они не отстанут, а если мы будем им мешать, то могут в следующий раз придумать что-нибудь похлеще. Бог с ними, пускай ищут в свое удовольствие, пока детей нет, а то завтра Лелька вернется.

– Кстати, здесь к ресторанам относятся совсем не так, как у нас, – продолжала Нурия уже по пути к машине. – У нас посещение ресторана обязательно должно быть «по поводу». День рождения там или свадьба. Надо пить водку, влезать в дорогие шмотки, танцевать... – Не замолкая ни на минуту, подруга вырулила на дорогу и на малой скорости покатила по тихой пустынной улице. – Здесь все по-другому: пришел, куртку под стол запихнул и жди, когда тебя обслужат.

– Подожди, а зачем пальто под стол? – удивилась Аня.

– А здесь так принято. Полы у них чистейшие, а гардеробы есть не во всех ресторанах.

– Ага, – глубокомысленно произнесла Анна, не переставая удивляться местным обычаям.

Тем временем они за несколько минут добрались до ближайшего ресторанчика, который, как не замедлила прокомментировать Нурия, относился к разряду «крутых». Анна особой крутизны не заметила, разве что на каждом столе в специальной мисочке плавала свечка и стоял букетик живых цветов. Впрочем, здесь было вполне уютно, и гардероб, как ни странно, присутствовал. Правда, из-за жары сдавать туда было нечего – обе подруги были в легких кофточках и джинсах. Анна заметила, что маленький чернокожий официант у входа приветливо кивнул Нурии как постоянной посетительнице и проводил их к столику на двоих в самом углу

зала. На их более чем демократичную форму одежды он и внимания не обратил, так что Анна совсем успокоилась, тем более что люди вокруг были одеты так же просто.

В ожидании меню Аня развлекалась тем, что глазела по сторонам, разглядывая жителей Дэнверса. Она пыталась составить собственное мнение о жителях этого города, один из которых устроил сегодня погром у ее подруги. Она подумала, что если их и в самом деле пытались вытурить из дома, то кто-то обязательно должен был проследить за ними, и следить до тех пор, пока они не захотят вернуться, чтобы вовремя предупредить тех, кто будет – если будет! – продолжать поиски во время их отсутствия.

На первый взгляд ничего подозрительного она не обнаружила. Народ вокруг сидел смирный, говорил тихо, и трудно было понять, о чем так интеллигентно они там шептались. Ее интерес не прошел незамеченным. Парочка за соседним столиком приняла ее любопытство на свой счет. Они почему-то напряглись и, вытащив из-под стола младенца в переносной люльке – он у них там отдыхал, – собрались по-быстрому и свалили, не переставая всю дорогу оглядываться. Анна поняла, что следует вести себя осторожнее, по сторонам глядеть аккуратнее, а то и вовсе прекратить свои изыскания, но в тот самый момент, когда она приняла это разумное со всех точек зрения решение, на место пугливых молодоженов пришла Пиковая Дама, и явно не в духе. Колоритная леди заказала себе большой стакан вина и, уставив на Анну тяжелый мутный взгляд, стала это вино потихоньку в себя всасывать. Ане стало не по себе и захотелось сказать ей: «Тройка, семерка, туз, и иди с богом, бабка». Ничего этого она, разумеется, вслух произносить не стала, тем более что леди, думающая, что ей по-прежнему двадцать, на «бабку» могла и обидеться. Она наклонилась к подруге через стол и полюбопытствовала, что это за дамочка наблюдает за ней.

– Какая? – оживилась подруга. – Ах, эта! Здравствуйтесь, мисс Спарк. – Расплылась она в улыбке и добавила в сторону с сердцем:

– Вот ведь принесла нелегкая.

– Кто она такая? – одними губами спросила Анна, стараясь, чтобы Пиковая Дама не видела ее лица.

Нурия не ответила, быстро достала из сумочки ручку с блокнотом, что-то черкнула в нем и сунула под нос Анне. Та прочла: «Мисс Дороти Спарк, директриса колледжа Святой Елены. Будь осторожна – дама с амбициями».

Анну так и подмывало спросить: «Почему?», но она сообразила, что все разговоры на эту тему лучше отложить на потом. Вряд ли директриса уважаемого заведения могла иметь отношение к ворам, которые так

занимали Анну, поэтому она с легким сердцем перестала обращать на нее внимание. Ну или почти с легким сердцем.

К тому времени и официант подрос. Нурия с разрешения Анны сделала заказ за двоих и быстро что-то сказала официанту, несколько раз повторив последнюю фразу. Когда он упорхнул в сторону кухни, она пояснила:

– Я заказала нам по отбивной на косточке. Наученная горьким опытом, теперь, заказывая мясо, я прошу его приготовить, прежде чем подавать на стол.

– В каком смысле?

– Ну, если специально не скажешь, каким ты хочешь видеть это мясо, принесут сырое. Это у них называется «Бифштекс с кровью». А сырое мясо я и в магазине могу купить и съесть, верно?

– Можешь, – кивнула Анна, – но мне бы не хотелось...

– Вот поэтому я и сказала ему, чтобы прожарил его как следует. Что там еще? Ах да, салат. Я заказала салат. Этот, как его, органический.

– Искусственный, что ли?

– Нет, наоборот! У них «органика» – любимое слово, то есть без пестицидов и клопомора. В смысле: гадила на него настоящая корова, а не завод в Техасе.

– Господи, Нурия, ты меня с ума сведешь, – засмеялась Анна. – Тебя послушать, так в этой Америке не жизнь, а сплошной кошмар.

– Можно подумать, я спорю, – фыркнула Нурия. – Поначалу сама обжигалась на каждом шагу. Кстати, я во всю эту ерунду с органикой не верю. Когда, например, вижу клубнику размером с кулак, то начинаю думать, что если простой, пардон, навоз и может привести к таким впечатляющим результатам, то только в том случае, если соединит свои усилия с ядерным реактором. Я ж полжизни на собственном огороде кверху попой провела, знаю, что да как растет. А эти умники для того, чтобы вырастить большую тыкву, делают бедняге уколы, представляешь?

– Ненавижу уколы.

– Можно подумать, что тыква от них тащится.

После таких комментариев содержимое собственной тарелки стало казаться Анне весьма подозрительным, но есть все-таки очень хотелось, и она решила, что от одной порции радиоактивных овощей не умрет. Очистив совесть таким образом, она с аппетитом слопала все до последней крошки, надо сказать, не без удовольствия.

Глава 7

– А теперь расскажи наконец, чего ты так боишься? – потребовала Анна тоном, не терпящим возражения.

Нурия возражать и не собиралась. Она сидела на стуле возле камина, опустив голову, избегая настойчивого, пристального взгляда подруги. Возвращение домой преподнесло им сюрприз, гораздо более неожиданный, чем тот, к которому они готовились. Они ожидали обнаружить следы повторного визита настойчивых гостей, но не обнаружили ровным счетом ничего. К дому никто не приближался, и это произвело гораздо более неприятное впечатление, чем пропажа каких-либо вещей, ибо в этом случае таинственные манипуляции со светом и сторевшим ужином не имели объяснения. А что может быть более пугающим, чем неизвестность?

– Я жду, – напомнила Анна, поудобнее устраиваясь на своем стуле и давая понять, что не сдвинется с места, пока не получит объяснений.

И Нурия сдалась.

– Понимаешь, я не хочу верить в это, все это просто чушь какая-то несусветная, – проямлила подруга.

– А ты и не верь, – отрезала Анна. – Просто расскажи то, что знаешь. Потом вместе решим, стоит принимать это всерьез или нет. Идет?

– Хорошо. Тебе виднее...

Анна отметила про себя последнюю фразу и сразу же насторожилась.

– Я уже говорила тебе, что Дэнверс имеет давнюю историю.

– Да, я помню. Он назывался Салем, и в нем водились ведьмы. Но ведь это легенда. Припоминаю, что тот знаменитый процесс оказался простой мистификацией. Девушки, оговорившие половину жителей города, были обыкновенными истеричками, которые зашли в своих безобразиях слишком далеко. Об этом только что в учебниках по истории не пишут.

– Все правильно. Но жители до сих пор верят, что здесь жили настоящие ведьмы. – Нурия помолчала, как будто собираясь с духом, потом выпалила: – И живут по сей день.

– Что, вот прямо так и живут? – усмехнулась Анна. – И этому есть подтверждения?

– Какие подтверждения? – опешила Нури, хлопая глазами.

– Ну как же, раз они здесь живут, то должны как-то проявлять себя: устраивать шабаши, летать на помеле или что-то в этом роде. Ведь если я правильно поняла, речь идет о *настоящих* ведьмах? Так когда ты в

последний раз видела ведьму верхом на венике? Или они теперь используют пылесосы?

– Ты просто насмехаешься, – обиделась Нурия.

– Ну, не совсем. Просто не понимаю, как тебя могли напугать какие-то старые сказки? Понятно, что это местные предания, легенды и все такое. Но ты же не боишься Синей Бороды?

– А почему я должна его бояться? Это же сказка!

– Да как тебе сказать, не совсем, если быть точной. Прототипом Синей Бороды был вполне реальный житель Франции, некий Жиль де Рец, который покрошил в капусту массу народа, в том числе – детей и женщин, среди которых были и его жены.

– Гадость какая! Ну вот, я еще не начала рассказывать, а ты мне уже не веришь, – упрекнула подругу Нурия.

– Эй, послушай! – Анна наклонилась вперед, взяла руку Нурии в свои ладони и посмотрела ей в глаза. – Я тебе верю, просто хочу, чтобы ты успокоилась и рассказала мне о реальных фактах, а не о каких-то там легендах.

Нурия, встретившись взглядом с поблескивающими в полумраке глазами Анны, почувствовала, как по телу разлилось приятное тепло и слегка закружилась голова.

– Анька, прекрати свои штучки немедленно, а то я усну, и ты ничего не услышишь, – промямлила Нурия заплетающимся языком. Анна в ответ засмеялась каким-то необычным, приглушенным смехом и сразу же, отведя глаза, хмыкнула:

– Ну вот, и в глаза любимой подруге посмотреть уже не могу просто так!

– Прости, но ты же знаешь, как твой взгляд действует на людей, – извинилась Нурия, испытывая неловкость.

– Ладно, ладно, не буду я на тебя смотреть. Рассказывай!

– Но без легенд не получится, – предупредила Нурия.

– Тогда валяй с легендами.

– Ладно, слушай. В этих местах болтают не только и не столько о Салемских ведьмах, эта история – просто приманка для туристов. Я же говорила, что даже музей у нас имеется. Есть история, о которой посторонним не рассказывают, хотя она связана с преданием о ведьмах, так как произошла в то же самое время. Речь идет о безголовом индейце.

– Это и в самом деле что-то новенькое, – заинтересованно кивнула головой Анна.

– Эту историю рассказывали еще самые первые колонисты. Не знаю,

каким образом этот индеец потерял свою голову и каким образом его тело и голова оказались в разных местах, но только с тех пор у него появилась неприятная привычка – он стал эту голову искать.

– Ну, желание вполне резонное, без головы и на том свете несладко, – попыталась пошутить Анна.

– Ага. Но только искал он ее весьма своеобразно. Ловил по ночам одиноких путников, отрезал им головы и примерял, подойдет ли. А поскольку все они ему почему-то не нравились, то этот придира выбрасывал запчасть за ненадобностью и начинал все по новой.

– А что происходило с теми головами потом? – спросила Анна.

– Они становились блуждающими головами и раскатывались по всей Америке. Говорят, что эти головы творили еще больше зла, чем тот индеец. Их не боялись только ведьмы. Они даже специально охотились за блуждающими головами и готовили из них зелье, от которого человек сходил с ума в страшных мучениях.

– Очень интересно, нечто в этом роде я и предполагала.

– Ты уже слышала эту историю? – удивилась Нурия.

– Да нет, но рецепт этого снадобья мне попадался... Ой, извини.

Нурия округлила глаза:

– Ты хочешь сказать, что *это* существует на самом деле?

– Да ничего я не хочу сказать! Я же не говорю, что оно действует. А если посмотреть некоторые учебники по части колдовства, так там чего только нет: и сушеные летучие мыши, и жабы глаза, и желудок вороны... Тьфу, да не смотри ты на меня так! Рассказывай дальше!

Нурия сглотнула, покачала головой, но продолжила:

– Блуждающие головы чаще всего появлялись в окрестностях Салема. Кроме того, именно на местном кладбище выростала плач-трава...

– А, знаю, это та, которая по ночам тихонько плачет, как маленький ребенок, да?

– Она самая. Из нее тоже готовили какое-то варево.

– Ну да, кажется, оно предназначалось для того, чтобы человек покончил с собой, а потом превратился в плачущее привидение.

– Слушай, а чего я тебе все это рассказываю? Ты и так все знаешь. Ты, случаем, не из этих краев родом? – ворчливо спросила Нурия.

– Не-е, сами мы не местные. Просто книжки умные читаем. Ну, может быть, и не слишком умные, зато полезные, – рассмеялась Аня.

Нурия тоже не удержалась от улыбки:

– Ладно, образованная ты моя, слушай дальше. Неподалеку отсюда есть Вороний холм, или его еще называют холмом Безголового индейца.

Под ним когда-то похоронили казненных ведьм. Местные всегда обходили его стороной, а теперь и вовсе боятся сунуться туда. Даже днем.

– Ты намекаешь на то, что в последнее время случилось нечто, усилившее их страх? Тогда с этого места поподробнее. Уж не о той ли безголовой женщине в часовне идет речь? – продемонстрировала Анна свою догадливость.

– Ты почти угадала, – кивнула Нурия. – Но дело в том, что та женщина – не первый случай.

– Та-а-ак, – протянула Анна, – кажется, я начинаю понимать.

– Жители и раньше-то были помешаны на суевериях. В них уживается яростное пуританство и вера во всякую чертовщину, которая мерещится им в самых невинных вещах. А теперь, после двух загадочных случаев с отрезанными головами они и вовсе помешались от страха. Когда я увидела, что кто-то похозяйничал в нашем доме, то подумала, что меня хотят напугать.

– Зачем?

– Чтобы выжить! Мы здесь чужие, а чужие вызывают у них подозрения. Кроме того, Лелька обнаружила то тело и оказалась невольно причастной к этому ужасу.

– Не хочешь же ты сказать, что они считают вас ведьмами? – рассердилась Анна от одного только предположения.

– А кто их разберет? – уныло пожала плечами Нурия.

– Бред какой-то! А что там за первый случай? Надеюсь, к нему-то Лелька не причастна?

– Нет, конечно. Это произошло около месяца назад, незадолго до того, как мы арендовали этот дом.

– Тоже убийство?

– Нет, человек умер естественной смертью.

– М-да? Что-то я не слышала, чтобы отделение головы от тела происходило естественным путем, – усомнилась Анна.

– Голову отрезали потом.

– Кто?

– Не знаю. И никто не знает.

– Ладно, давай по порядку, а то у меня что-то в голове все это не укладывается.

– И не уложится. Даже если по-порядку.

– Это ты меня так успокаиваешь, что ли?

– Нет. Предупреждаю, чтоб не очень надеялась.

– О'кей! С надеждами, считай, разобрались. Теперь давай по делу.

- Первым был Шон Хаскинс. Слышала о таком?
- Нет.
- Ладно, я тоже раньше не слышала. Просто это очень известный ученый, профессор, коллекционер с мировым именем.
- Что он коллекционирует?
- Не знаю, не интересовалась. Кажется, какие-то древности. Он живет, то есть жил в Бостоне, преподавал в институте современного искусства, хотя ему, по-моему, далеко за семьдесят. Короче, знаменитость.
- И чего его в вашу глушь занесло? – не утерпела Анна.
- А черт его разберет! Мне показалось, что местные и сами ошалели от такого счастья, а он взял да и помер на приеме в свою честь.
- Отчего умер-то?
- Наверное, от старости. Другого даже и не предполагали. Во-первых, возраст. А, во-вторых, народу на этот прием набилось – чертова уйма, так что не придерешься. Каждый второй житель городка – свидетель. Говорят, что профессор скончался прямо за столом, упал, короче, лицом в салат – и все.
- То есть он умер в самом начале приема?
- Почему ты так решила?
- Ну, если речь идет о холодных закусках...
- Господи, Анька, да я просто так про салат сказала! Не знаю я, что у него в тот момент в тарелке лежало. Вот вредина.
- Но про тарелку точно?
- Точно. И чего ты к этому привязалась?
- Честно?
- Как получится.
- Сама не знаю. Просто вдруг пригодится?
- Да говорю же тебе, он умер сам по себе, сердце, что ли, отказало. Странности начались как раз после его смерти.
- Это когда голова пропала?
- Да. Его в морг отвезли, а утром по городу слух прошел, что голову профессора кто-то отпилил и свистнул в неизвестном направлении.
- Его что же, в морге не охраняли?
- Ну, специальные посты не выставляли и федеральные войска не вызывали, конечно. Никто же не знал, что так получится. Кому нужен труп, пусть даже и профессорский, кроме его родственников?
- Выходит, кому-то нужен, – резонно возразила Аня.
- Выходит. А еще выходит, что после этих двух происшествий все будто с ума посходили, только и разговоров, что о возвращении Безголового

индейца.

– Да, история приключилась интересная. Ну, что же, пока Ники лежит в больнице, у меня остается масса свободного времени. Попробуем разобраться, что к чему.

– Думаешь, у тебя получится? – с сомнением в голосе протянула Нурия.

– Думать я буду после, когда соберу кое-что посущественнее легенд, покрытых плесенью, а пока, как говорится, будем смотреть.

Глава 8

Все следующее утро Анна провела с Ником. Перед отъездом из дома она столкнулась с Лелькой, вернувшейся с фестиваля клубники. Девочка выглядела уставшей, но счастливой. В руках она тащила две огромные корзины со свежими, необыкновенно крупными ягодами и настояла, чтобы Анна обязательно прихватила немножко для Ники. Это «немножко» выглядело довольно увесисто – пакет с отборными ягодами с трудом разместился на пассажирском сиденье подружкиного автомобиля. Ники пришел в восторг от ароматного угощения, Аня и заметить не успела, как он умял половину, только удивлялась, как в таком тщедушном тельце поместилось такое количество!

Они провели вместе несколько часов, до тех пор, пока Анну не выпроводила вон вежливая, но непреклонная медсестра. За время пребывания в больнице, так сказать попутно, Аня успела разузнать все последние новости. Ей стало известно, что миссис Клэрксон, как и обещала, подписала все необходимые бумаги, что тесты на совместимость дали отличный результат и операция будет проведена в самое ближайшее время. Также ей с благодарностью сообщили, что ее деньги благополучно упали на нужный счет и все формальности можно считать законченными. Оказалось, что потребуется всего одна операция, а не три, как предполагалось раньше, что значительно ускорит процесс лечения и сократит время пребывания мальчика в больнице. Последняя новость обрадовала обоих больше всего, тем более что врачи, проведя предварительное обследование, заверили их в успешном исходе операции.

Кроме того, Анна убедилась, что за ее малышом ухаживают с большим старанием. То и дело в палату заглядывала молоденькая сестричка, и, по тому, как Ники запросто общался с ней, Анна поняла, что они нашли общий язык.

Помахав в последний раз мальчику, который, как и в прошлый раз, прилип к окошку, провожая ее взглядом, она влезла в машину и, прежде чем тронуться дальше, тщательно сверилась с картой Бостона. В ее планы пока не входило возвращение в Дэнверс. Пообещав подруге разобраться с тем, что там происходит, она намеревалась сдержать слово и собиралась начать с посещения центральной библиотеки. Отыскать нужный адрес не составило труда. Старая машина, несмотря на преклонный возраст, отлично слушалась руля, и Аня без хлопот добралась по оживленной магистрали

прямо до старинного здания из серого камня, в котором размещалась библиотека.

В читальном зале она загрузилась подшивками местных газет за последний месяц, отволокла их за свободный стол и принялась за чтение. Ее просьба выдать оригиналы несколько удивила служащую читального зала, так как все предпочитали пользоваться для подобных целей компьютерами, но возражать она не стала, и Анна получила желаемое в том виде, в каком хотела.

Сначала Аня собиралась воспользоваться библиотекой Дэнверса, но, хорошенько поразмыслив, решила, что это может привлечь слишком много внимания. Она уже успела убедиться, что в маленьком городке слухи разносятся со сверхзвуковой скоростью, а у Нурии и без того хватало неприятностей. На огромном столе Аня едва разместила свою добычу. Она полагала, что придется просидеть до самого вечера, однако удача сегодня оказалась на ее стороне: нужная статья обнаружилась уже через полчаса.

Посвященная внезапной смерти профессора Хаскинса, светила науки и уважаемого жителя Бостона, статья занимала целую полосу. После краткой биографической справки, касающейся его заслуг и многочисленных титулов, шло подробное описание всех трагических событий, произошедших до, во время и после торжественного приема, устроенного в честь профессора. Подробно, чуть ли не поименно, перечислялись все присутствующие лица, имеющие хоть какой-нибудь вес в Дэнверсе. Аня бегло пробежала длинный список имен, которые ей ничего не говорили. Все, кроме одного. В числе прочих упоминалась мисс Дороти Спарк, и Аня сразу же вспомнила похожую на Пиковую Даму директрису колледжа. Впрочем, ее присутствие на банкете ничего не меняло. Гораздо больше Аню заинтересовало упоминание о том, что сам умерший профессор, который, как выяснилось, занимался археологией, накануне приема успел сделать необычное и весьма загадочное сообщение, над смыслом которого до сих пор ломали голову многие. В частности, он заявил, причем с очень таинственным видом – эти слова в статье были выделены жирным курсивом, – что намерен провести на следующий день пресс-конференцию, где сообщит о сенсационном открытии, которое сделает Дэнверс самым знаменитым местом на земле.

Прочитав эти строки, Аня не удержалась и присвистнула, выражая свое изумление, чем вызвала неудовольствие почтенной дамы в массивных старомодных очках за соседним столиком. Поймав ее возмущенный взгляд, Аня покраснела, пробормотала извинения и уткнулась носом в газету.

Помимо текста, в статье имелась большая фотография профессора. С

не очень четкого снимка на Анну смотрел седой, но крепкий старик в хорошо сшитом костюме и мягкой светлой шляпе. Глаза мистера Хаскинса тонули в тени, отбрасываемой ее широкими полями, но, тем не менее, Анна сумела разглядеть выражение проницательности и иронии, таившееся в уголках. Подпись под снимком гласила, что это одна из последних фотографий ученого, сделанная в декабре прошлого года. Единственный вывод, который Анна сочла полезным для себя, заключался в том, что профессор, несмотря на преклонный возраст, сохранил ясность своего блестящего ума. Об этом говорили его глаза, и это означало, что его заявление о сенсационном открытии в Дэнверсе заслуживало пристального внимания. Профессор знал, что говорил, теперь Анна в этом не сомневалась. Но что это за открытие – вот что не давало ей покоя. Не из-за него ли пострадал великий ученый, точнее, его тело, лишившееся головы? Аня чувствовала, что ответ на этот вопрос может многое прояснить. Вот только кто в состоянии на него ответить? Она была уверена, что желающих докопаться до истоков загадочного заявления нашлось немерено, но, судя по тому, что загадка так и осталась неразгаданной, успеха никто не добился. Или добился, но скрывает результат?

Анна задумчиво кусала губы, размышляя над всем этим. Ее взгляд бесцельно блуждал по раскрытой газетной странице, время от времени останавливаясь на фотографии. Так продолжалось до тех пор, пока ее внимание не привлек фон, на котором был снят профессор. Она еще раз прочла подпись под фотографией. Интересно, значит, этот шикарный особняк позади мистера Хаскинса – его дом, в котором он прожил последние пятнадцать лет? А почему бы ей не попробовать...

Светло-зеленый «Форд» сделал очередной поворот и плавно затормозил у тротуара. Анна еще раз сверилась с фотографией в газете, которая лежала на соседнем сиденье. Все правильно, дом тот самый. Анна записала адрес, который прочла на табличке, сунула бумажку в карман и снова тронула машину с места. Посещение родственников профессора она наметила на завтра. Поиски нужного дома заняли весь остаток дня, и на улице уже темнело. Являться в чужой дом с вопросами на ночь глядя – дурная идея, которая вряд ли приведет к нужному результату, поэтому она решила набраться терпения и покатила в Дэнверс.

Вечер прошел славно и уютно. Странно, но здесь, так далеко от ее родины, она чувствовала себя как дома. Может быть, потому, что рядом были люди, любящие ее и любимые ею, те, кто не требовал от нее за свою любовь каких-то особенных поступков, не требовал притворяться счастливой, когда ей этого не хотелось. Они просто делились с ней своим

теплом, просто так, ни за что. И Анна понимала, что именно им, если понадобится, она отдаст все, что у нее есть, все, до последней капельки.

А ночью Леля опять кричала во сне. На этот раз Аня не удивилась, услышав приглушенный стон, разбудивший ее среди ночи. Она вошла в спальню к девочке и присела рядом с ней на кровать, всматриваясь в искаженные мукой черты. Понять, что пугает ребенка во сне, было невозможно. Леля постоянно повторяла одни и те же слова, прося кого-то невидимого не делать *этого*. Чего? Понять это из бессвязного лепета Анна не смогла, хотя просидела возле девочки почти до рассвета.

По пути в больницу на следующее утро Анна завернула в маленькую лавочку, торгующую игрушками ручной работы. Еще накануне она заметила в витрине очаровательного медвежонка, чем-то похожего на Ники. Медвежонок, сшитый из голубого меха, грустно смотрел на прохожих сквозь стеклянную витрину большими печальными глазами. Продавец сказал, что этот мишка выполнен в единственном экземпляре известным бостонским кукольным мастером, но, к сожалению, у медвежонка имеется небольшой дефект – один лоскуток меха немного отличается по цвету от остальной шкурки, поэтому зверушку продают с большой скидкой. Анна задумалась. Ей не хотелось дарить Ники бракованную игрушку, пусть даже и от известного художника, но, взглянув еще раз в грустные карие глаза медвежонка, она решила – медвежонок был очень обаятельным.

Она предвкушала, какое удовольствие получит Ники от ее подарка, но тут оглушила новость: Ники увезли на операцию... Внезапно образовалось окно, объяснила медсестра, а мальчик был полностью готов, хотя оперировать его планировали только через день. Поэтому его срочно положили на операционный стол, операция идет уже два часа: через несколько часов будет известен результат.

Прижимая к груди игрушку, Анна обессиленно прислонилась к стене в больничном коридоре, тупо глядя прямо перед собой застывшими глазами. Она готовила себя к тому, что Ники будут оперировать, но эта внезапная перемена планов ударила ее как обухом по голове.

Она очнулась только тогда, когда почувствовала, что ее настойчиво теребят за рукав и, словно проснувшись, посмотрела слегка затуманенным взглядом на темнокожую полную женщину в белом халате.

– Вы в порядке? – спросила та.

– Да. Извините, я на минутку задумалась и не слышала, как вы подошли, – смущенно улыбнулась Анна.

Женщина неожиданно засмеялась:

– Вы говорите, на минутку? Милая, вы простояли здесь три часа, и я

прошла мимо вас минимум раз пятнадцать за это время. И ни разу вы меня не заметили. Стояли тут неподвижная, бледная. Я уж подумала, что у нас в клинике завелось привидение. – Женщина снова засмеялась, довольная собственной шуткой.

Аня через силу улыбнулась, чтобы не показаться невежливой.

– А почему вы не спрашиваете меня, как прошла операция? – строго спросила врач.

– Какая операция? – оторопела Анна. В горле у нее моментально пересохло, голос прозвучал хрипло и очень тихо.

– Деточка, с вами точно все в порядке? – всерьез забеспокоилась женщина.

Анна посмотрела на нее и встретила усталый взгляд с насмешливым всеведением на дне и понимающую улыбку с грустинкой в уголках рта.

– Что с Ником? – выдавила она. – Где он?

– В реанимации, где ж ему быть после операции? Не хотите на него взглянуть?

– А я могу?

– Ну, если одним глазком, то...

– Господи, пожалуйста, проводите меня к нему! – взмолилась Анна. – Я заплачу вам!

– Ты эти глупости брось, – неожиданно строго сказала женщина. – Вы, русские, такие странные... – Она покачала головой и повернулась, предполагая, что Анна сама догадается последовать за ней.

Ник, весь оранжевый от йода и аккуратно запеленутый ниже пояса в зеленую стерильную ткань, лежал на животе с закрытыми глазами. Анна прислушалась, не сводя с него глаз: дышал он тихо, но ровно. Впервые она позволила себе прислушаться к внутреннему голосу, чтобы узнать будущее мальчика. Она поняла, что операция прошла успешно и с этой стороны Нику ничто не угрожает. Заглядывать дальше она не решилась, не желая искушать судьбу.

Отпущенное ей время истекло. Толстуха-докторша подавала ей от двери отчаянные знаки, призывая немедленно покинуть палату. Анна кивнула, бросила на спящего после наркоза малыша последний взгляд, усадила на тумбочку голубого медвежонка и прошептала, обращаясь к нему:

– Смотри, береги своего маленького хозяина!

Медвежонок старательно таращил на нее глаза, выражая полную готовность выполнить поручение.

Глава 9

– Могу я поговорить с Абигейл Хаскинс?

Простой вопрос как будто удивил высокую стройную девушку, открывшую Анне дверь.

– А кто вы? – спросила девушка настороженно, покусывая белоснежными зубками пухлую нижнюю губу, слегка оттопыренную, как у обиженного ребенка.

Аня растерялась, прежде всего от того, что никак не могла сообразить – кто перед ней. Горничная? Родственница профессора? Соседка? Она знала только имя профессорской жены, в газете не была напечатана ее фотография и ничего не говорилось о ее внешности и возрасте. Эта девочка, учитывая весьма преклонный возраст ученого мужа, вряд ли могла оказаться его супругой – ей было не больше девятнадцати. У нее было приятное лукавое лицо с пухлыми губами. Она выглядела свежей и чистенькой, как после стирки. Короткие, слегка волнистые волосы забавно топорщились во все стороны. Нет, это никакая не жена, скорее дочь, а то и вовсе внучка. Но Анна ошибалась. Это была именно жена Шона Хаскинса.

Прежде чем представиться незнакомой гостье, девушка, пристально разглядывая Анну пытливыми светло-кариими глазами, несколько раз уточнила, не является ли гостя журналистом или кем-нибудь еще в этом роде. Судя по всему, эта братия здорово достала вдову, так как она не успокоилась, пока не перебрала все существующие профессии, имеющие хоть какое-то отношение к средствам массовой информации, начиная от фотокорреспондента и кончая... Впрочем, Анне, на которую вопросы сыпались как из рога изобилия, в какой-то момент показалось, что это не кончится уже никогда, и она даже пожалела, что встретившая ее просто не захлопнула с самого начала дверь перед ее носом.

Когда девушка задала сто первый вопрос и убедилась, что Аня не собирается писать книгу, статью или снимать сюжет для вечерних новостей, она немного расслабилась и спросила:

– Так кто же вы тогда?

Анна, здорово измотанная допросом, уже не склонна была соблюдать особые церемонии и, вместо ответа, довольно нахально пошла в контратаку, устало спросив:

– А вы-то кто?

– Я?! – Русые бровки скрылись под короткой челкой – так высоко

вскинула их от удивления блондинка. – Я Абигейл Хаскинс, вдова профессора.

Анна невольно повторила гримаску девушки – ее брови сами собой поползли вверх. Она ожидала чего угодно, только не этого. Закашлявшись, чтобы скрыть смущение, Аня пробормотала:

– Очень приятно. Вы-то мне и нужны.

– Хм! – рассерженно фыркнула девушка. – В последнее время я всем нужна до зарезу. Надеюсь, вы не его дальняя родственница, которая прибыла отхватить себе кусочек наследства? Если так, то имейте в виду, что я его единственная наследница и...

– Я не по этому поводу, – перебила ее Анна, опасаясь, что девушка начнет методично перечислять возможные степени ее родства с профессором, как до этого разбиралась с ее принадлежностью к прессе.

– Тогда что же вам надо? Я вас никогда раньше не видела, – нахмурилась Абигейл.

«А что ты вообще успела увидеть, если вашему браку не больше года», – неприязненно подумала про себя Анна.

– Может быть, вы пропустите меня в дом и мы спокойно поговорим? – предложила она, улыбаясь как можно дружелюбнее.

– Вы думаете, стоит? – спросила Абигейл без тени иронии.

Анна бросила на нее заинтересованный взгляд, обдумывая, действительно ли Абигейл так глупа или все же притворяется. Глаза девушки, бесспорно, красивые, казались то ли сонными, то ли отрешенными. С вялым подбородком и некоторой заторможенностью в движениях, медлительных, но исполненных достоинства, она выглядела непонятной, даже немного загадочной, но Анне почему-то показалось, что томность девушки имела вполне естественное объяснение: она просто была глуповата и патологически ленива.

За то время, пока Анна пришла к подобному выводу, Абигейл приняла решение и нехотя посторонилась, добавив неожиданно сварливым тоном:

– Не понимаю, зачем все это нужно.

– А я вам объясню, – лучезарно улыбнулась Анна. – Мне довелось работать с известным коллекционером Джошем Грином, который много рассказывал о вашем муже...

– Джош?! Вы знакомы с мистером Грином? – внезапно оживилась Абигейл.

Глаза ее засветились радостью, на мгновение утратив сонное выражение. Анне, изумленно наблюдавшей за этими метаморфозами, показалось, что Абигейл вот-вот захлопает в ладоши, подпрыгивая на

месте, как школьница, притащившая из школы пятерку по нелюбимому предмету. Конечно, Аня надеялась, что имя мистера Грина может оказаться известным в этой семье – Джош пользовался заслуженной славой по всей Америке и далеко за ее пределами, но такой реакции она, признаться, не ожидала. Имя мистера Грина произвело поистине магическое действие. Едва услышав его, Абигейл совершенно преобразилась. Она схватила Анну за руку и, радостно хихикая, потащила за собой через просторный холл в громадную гостиную с таким блестящим и скользким паркетом, что Анна, едва ступив на него, заботилась только об одном – как бы не растянуться на этом великолепии. Абигейл, видимо, уже наловчилась передвигаться по этому «катку» и, не снижая скорости, тащила Анну за собой по направлению к шикарному дивану, обтянутому нежнейшей кожей алого цвета. Не устояв-таки на ногах, Анна со всего размаху плюхнулась на мягкие подушки и, чертыхаясь про себя, попыталась придать своему лицу безмятежное выражение, будто такие забеги на выживание для нее привычное дело.

Абигейл не заметила смущения гостыи, зато его отлично заметил слуга, вышколенный негр в безупречной униформе. Но на то он и вышколенный, чтобы не выдавать своих эмоций ни при каких обстоятельствах. Негр продолжал стоять возле двери с безучастным выражением на лице и сдвинулся с места только тогда, когда Абигейл поманила его пальчиком.

– Что-нибудь желаете? – осведомился слуга, слегка склонившись к хозяйке и сияя улыбкой.

– Разумеется, Джим. Зачем иначе я стала бы тебя звать? – недовольно скривив губки, проговорила она. – Два кофе, пирожные, ну, и все что там еще полагается.

Анна предпочла бы в такую жару выпить холодного сока, но Абигейл, видимо, не привыкла спрашивать своих гостей об их желаниях. Впрочем, кофе оказался на редкость вкусным, а пирожные из слоеного теста с грецкими орехами и медом – просто восхитительными.

Расспросив Анну об экспедиции, в которой им с мистером Грином пришлось участвовать, Абигейл наконец вспомнила о том, что у гостыи были к ней какие-то вопросы. И чем больше Анна смотрела на нее, тем яснее ей становилось: вдова практически не помнит о том, что недавно была замужем, легкомысленно наслаждаясь свалившимся на ее голову богатством.

Это богатство все больше беспокоило Анну. У Шона Хаскинса имелось более чем солидное состояние, которое, согласно завещанию, полностью унаследовала эта милая глупышка. У него, помимо шикарного

дома и солидного счета в банке, имелся полный штат прислуги: личный повар, ночной повар, несколько уборщиц, секьюрити для дома и улицы, диетолог, тренер, личные телохранители для каждого члена семьи, личный шофер и автомеханик. А еще целый автопарк, которому мог позавидовать музей автомобилестроения: «Тандерберд» 1955 года выпуска, два «Роллс-Ройса», «Мерседес», три «Ягуара» и четыре разноцветных «Порше». Интересы профессора не ограничивались автомобилями, у него имелось еще и семь самолетов, от охотничьего до «Гольфстрима». Все эти подробности Абигейл выложила на одном дыхании, и чем больше она хвасталась, тем больше Анна сомневалась: так ли уж наивна эта хорошенькая куколка-простушка? Что, если именно она приложила свои хорошенькие, холеные ручки к смерти своего благодетеля? Ну и что, что смерть признали естественной? Сейчас наука шагнула так далеко, что без особого труда можно раздобыть какой-нибудь экзотический яд, который не оставляет следов. «Но ведь ее не было на том званом обеде», – мелькнула здравая мысль в голове Анны. Увы, это не могло служить оправданием для веселой вдовушки, ведь нанять киллера намного проще, чем сделать все собственными руками. Эта мысль огорчила. Несмотря на всю наивность и легкомыслие Абигейл, она Анне нравилась. Ее жизнерадостность и непосредственность просто хлестали через край, заражая весельем все вокруг. Анна начинала понимать, почему профессор был так привязан к девушке. Настолько привязан, что завещал ей все свое состояние...

– А зачем вы искали меня, Анна? – спросила вдруг Абигейл.

– Даже не знаю, как правильно сформулировать это, – искренне призналась Анна.

– Да уж говорите, – хихикнула Аби. – Это связано с Джошем?

– Нет. Скорее, с вашим мужем.

– Вот как?

– Понимаете, меня очень расстроило известие о его смерти, – осторожно подбирая слова, начала Анна. – Мне она показалась странной... И я хотела спросить у вас...

– Вы что, подозреваете меня в его смерти? – сразу же ошетинилась девушка. Анна никак не могла привыкнуть к этой ее манере – говорить вслух то, о чем принято молчать, – и потому вздрогнула от неожиданности.

– Нет-нет! – поспешно заверила она. – Я ничего такого не хотела сказать...

– И правильно! Шон был очень стар, я давно предупреждала его, чтобы он сбавил обороты и больше заботился о своем здоровье. Но он не в силах был справиться со своей страстью.

– С какой страстью? – немедленно спросила Анна.

– А вам какое дело? – упрямо сжав губки, парировала Абигейл.

– Вообще-то, никакого. Но мне хотелось бы разобраться в том, что беспокоило вашего мужа в последнее время. Он ведь готовился сделать какое-то открытие, если не ошибаюсь?

– Готовился в последнее время? – Смех Абигейл показался Анне неискренним, в нем явственно прозвучали горькие нотки. – «В последнее время» – это сильно сказано. Мой муж был просто помешанным на одной идее, которая преследовала его долгие годы, заставляя забыть обо всем, что его окружало.

– Но, мне кажется, вы не правы, он любил вас... – осторожно напомнила Анна, имея в виду завещание старика.

– Любил? Меня? – Аби засмеялась, на этот раз вполне естественно. Вытерев проступившие в уголках глаз слезы, она сказала: – Когда-то я тоже так считала, иначе бы не вышла за него. Да и как было не обмануться: я молода, красива, а он – старик, пусть даже и чертовски богатый. Но, видит бог, я вышла за него не из-за богатства. Мне казалось, что он будет меня любить слепо, страстно, безрассудно – словом, последней любовью. Я была в состоянии искренне ответить на его любовь, и не только позволила обожать себя, я стала бесконечно нежной в ответ, но... – Абигейл глубоко вздохнула, и в этом вздохе отразился целый мир рухнувших надежд.

Она неожиданно замолчала, а Анна в который раз поразились, как быстро меняется эта девочка. Вот только что из глуповатой простушки она превратилась в искренне страдающую женщину, которой нанесли серьезную обиду.

– Шон на самом деле не любил меня, – грустно продолжала Аби. – Он бы хотел, но не мог. Его сердце давно было отдано другой любви, которая поглотила его целиком, как жадная гидра.

«Неужели у старика имелась старая любовная связь, с которой он не мог порвать, даже находясь рядом со столь очаровательным и юным существом?» – Успела подумать Анна и услышала неожиданное:

– Единственное, кого боготворил мой муж, – это кошки.

– Живые? – невпопад спросила Анна, не переставая удивляться. С тех пор, как она переступила порог этого дома, ей не встретилось ни единой кошки. Но, может быть, их содержат в отдельном помещении?

– Конечно, не живые! Как вы могли об этом подумать? – всплеснула руками Аби, а Анна похолодела, вообразив, что услышит сейчас нечто ужасное. Аби тем временем продолжала, не обращая внимания на вытянувшееся лицо своей собеседницы:

– Вы представить себе не можете, как это отвратительно! Он отыскивал этих тварей по всевозможным помойкам, гонялся за ними по всему свету, а когда ему удавалось заполучить очередную уродину, он запирался с ней в кабинете на целый день, а потом торжественно вставлял в свою коллекцию.

– Он их что, к-коллек-ционировал? – заикаясь, спросила Анна, стараясь отогнать возникшее в воображении отвратительное зрелище.

– Ну, разумеется. Это-то самое мерзкое. Они такие гадкие.

– Кажется, я понимаю.

– Ничего вы не понимаете! – сердито воскликнула Абигейл. – Пойдемте, я вам покажу!

– Может, не стоит? – слабо противилась Аня, почувствовав, как к горлу подступает тошнота от одной мысли о том, что предстоит увидеть.

– А я говорю – стоит!

Аби схватила упирающуюся Аню за руку и потащила за собой. Вновь очутившись на скользком полу, Анна поняла, что сопротивляться бесполезно, и покорно последовала за своим странным экскурсоводом. Аби дотащила ее до высоких двустворчатых дверей, на минуту выпустив ее руку из цепких пальчиков. И Анна малодушно подумала о том, что сейчас самое время смыться. Но Аби уже распахнула обе створки и буквально втокнула гостью в просторный зал, залитый ярким светом, струящимся из широких окон. В первую секунду Анна зажмурилась, а когда осторожно приоткрыла один глаз, то с изумлением обнаружила, что находится в самом странном музее, какой только можно себе представить. В многочисленных стеклянных шкафах, расставленных вдоль стен полукруглого помещения, стоял единственный экспонат, повторенный сотни, нет, тысячи раз. У Ани зарябило в глазах, она снова зажмурилась и услышала над самым ухом:

– Ну как, впечатляет?

– Да, – ответила Анна и обвела взглядом стеклянные полки, на которых ровными рядами теснились глиняные кошки, похожие друг на друга, как две капли воды.

Глава 10

Строго говоря, кошки были довольно примитивными. Как ни вглядывалась Анна в эти одинаковые фигурки, покрытые мелкими трещинками, она не могла понять, что могло так привлекать в них маститого ученого. Обыкновенные поделки, пусть даже и девятнадцатого века, как она определила на глазок. Почтенный возраст не прибавлял им никакой ценности – дешевая игрушка с ярмарки, не более того. Иметь такую в единственном экземпляре еще куда ни шло, но такое количество...

– Сколько их тут? – не сдержав любопытства, спросила Анна.

– Ровно тысяча девятьсот девяносто девять штук, – последовал немедленный ответ.

– Одной не хватает, – почему-то заметила Анна.

– Откуда вы знаете?

– Что?

– Что не хватает одной кошки?

– Я не знаю, просто вы сказали, что их тысяча девятьсот девяносто девять. Если добавить еще одну, то будет две тысячи. Круглая цифра.

– Вы даже не подозреваете, как это важно, – вздохнула Аби. – Партия этих чертовых кошек и состояла как раз из двух тысяч штук, мой муж был одержим идеей собрать всю партию целиком.

– Обидно.

– Очень. Он не смог отыскать всего одну чертову кошку. Я надеялась, что, когда это произойдет, он наконец успокоится и переключит свое внимание на меня, – грустно проговорила девушка.

Ане стало ее жаль, но она понимала, что до сих пор ни на миллиметр не приблизилась к тому, зачем пришла, то есть к разгадке странной смерти профессора, точнее, к тому, что впоследствии произошло с его головой. Поэтому вместо слов сочувствия она спросила:

– А чем, кроме коллекционирования глиняных кошек, занимался ваш муж в последнее время, Абигейл? Какие исследования проводил?

– Не знаю. Он не посвящал меня в свою работу, считал, что я слишком глупая и все равно ничего не пойму.

– А вы не могли бы позволить мне взглянуть на его записи? В вашем присутствии, разумеется?

– Зачем это вам? А, впрочем, неважно, вы все равно не увидите его записей.

Анна даже не обиделась. Что ж, она получила по заслугам, пытаясь влезть в чужую жизнь и работу. Аби имела полное право ответить таким образом. Но оказалось, что дело совсем в другом.

– Понимаете, я бы с удовольствием показала вам записи Шона, раз вы работали с самим мистером Грином, но они исчезли, и показывать мне попросту нечего, – развела руками Аби.

– Как это исчезли?!

– Ну, стерлись... из памяти компьютера. Шон с удовольствием пользовался им во время работы, а после его смерти оказалось, что все исчезло.

– Может быть, он сам стер их?

– Нет. Они были, а исчезли только через пару дней.

– Откуда вы знаете?

Абигейл замялась, но потом все же ответила:

– Это моя вина. Я полезла смотреть почту, сама не знаю зачем, и увидела письмо Шона, адресованное мне! Сначала мне стало страшно: Шон никогда не посылал мне писем по электронной почте, у меня и компьютера-то своего не было, я этим не интересуюсь совершенно. И вдруг это письмо. Представляете, что я почувствовала?

– Более-менее. А что было потом?

– Немного посомневавшись, я его все же открыла. Около компьютера Шона... Если честно, надеясь, что Шон, предчувствуя свой конец, оставил для меня несколько теплых слов, возможно, извинялся за то, что уделял мне не слишком много времени... – Анна испугалась, что Аби сейчас разрыдается, но девушка подняла голову, и Аня увидела совершенно сухие глаза. – Но в письме ничего не оказалось, только какие-то значки. И едва только я вскрыла конверт, экран замигал, по нему стали носиться очень странные надписи, и он вообще погас. Я вызвала мастера, он сказал... – Она сосредоточилась, а потом явно процитировала сказанные кем-то слова, – что «маму остается только выкинуть на помойку, восстановлению она не подлежит». Он еще много чего говорил, но я поняла только то, что информация Шона уничтожена и восстановить ее невозможно.

Сердце у Анны упало. Все как всегда, то есть – бессмысленно и бесполезно. Единственная идея, единственная тоненькая ниточка оборвалась, как летняя паутинка. И что теперь? Где искать разгадку таинственных происшествий в Салеме?

Аня уже совсем готова была предаться унынию, но вдруг ее осенило! Это была почти безумная затея, но она все же спросила:

– Абигейл, ваш муж наверняка вел обширную переписку, и не только

по электронной почте? У него остался архив?

Анна затаила дыхание, опасаясь услышать в ответ на свой вопрос что-то вроде «архив съели мыши» или «бумаги затопило из-за аварии центрального отопления». Но Аби ответила, не задумываясь:

– Конечно, у Шона есть архив. Только почты в нем мало. Он не любил хранить бумаги, которые считал бесполезными, сразу их выбрасывал. Вы хотите посмотреть на него?

– А вы позволите?

– Да, пожалуйста. Уверена, там нет ничего ценного или секретного.

«Очень жаль!» – подумала Анна, благодарно улыбаясь Абигейл.

Девушка пригласила Аню следовать за собой. После долгих блужданий по извилистым коридорам, они взобрались по невероятно высокой витой лестнице и оказались в маленькой круглой комнате, от пола до потолка забитой книгами по искусству и археологии. Книги валялись везде, покрытые тонким слоем пыли: было очевидно, что после смерти профессора в эту комнату никто не заглядывал. Этот факт порадовал Анну, так как увеличивал вероятность того, что то, что она надеется отыскать, все еще находится здесь, если, конечно, кто-то не проник сюда специально для того, чтобы уничтожить именно эту вещь. Проблема, однако, состояла в том, что Анна и сама не знала, что это за вещь, что именно она собирается искать.

Абигейл объяснила, что ни один из ящичков в этой комнате не запирается, так что Анна может осмотреть все, что захочет. Анна воспользовалась приглашением и сразу же погрузилась в кучу самых разнообразных бумаг, важных и не очень, понятных ей и совершенно запутанных. Аби выдержала ровно пять минут, в течение которых она маячила за спиной склонившейся над столом гостьи, тщетно пытаясь скрыть скуку. Потом она не выдержала, пролепетала какие-то извинения и выскользнула из комнаты с явным облегчением. Анна даже не заметила, что осталась одна. Она бережно перекладывала корреспонденцию из одной стопки в другую, внимательно изучая каждую бумажку и стараясь ничего не перепутать.

Несколько часов пролетели незаметно. За окном уже стемнело, когда под очередным черновиком научной статьи она обнаружила нечто занимательное.

Это был обыкновенный почтовый конверт, и, тем не менее, он выглядел здесь инородным телом. Проведя среди бумаг профессора несколько часов, Анна успела заметить, что он был патологически аккуратен. Даже его черновики выглядели образцово-показательно. Он

ничего не зачеркивал, а если приходилось что-то исправлять, то пользовался белой замазкой – Аня насчитала на столе восемь тюбиков. Конверт, который она держала сейчас в руках, выглядел на редкость неопрятно, весь в каких-то подозрительных пятнах, с загнутым верхним правым уголком. Такое безобразие неизбежно должно было вызвать у аккуратного профессора неприятие. Даже если ему и пришлось прочесть это послание, то он поспешил бы выкинуть конверт, едва закончив читать. Но он его не выбросил... Почему? Не успел? Или письмо содержало нечто настолько важное, что профессор, преодолев брезгливость, решил его сохранить?

Испытывая непонятную робость, Анна вертела конверт в руках, не решаясь заглянуть внутрь. Никаких надписей снаружи – очевидно, конверт передали профессору прямо в руки, либо бросили непосредственно в почтовый ящик – кажется, она видела его на стене дома возле входной двери. Пальцы девушки почему-то слегка дрожали, когда она наконец приоткрыла неровно оборванные края конверта и увидела маленький листок внутри, не толще папиросной бумаги. Развернув шуршащую страничку, она прочла: «Жду в музее восковых фигур ровно в восемь. Сара Ингерсол».

И это все. Больше на листке ничего не было. Анна даже не поняла, о чем шла речь – о восьми утра или о восьми вечера. Второе наиболее вероятно, что-то ей раньше не попадались музеи, начинавшие работу в восемь утра. Кстати, о музее. Именно музей восковых фигур был главной достопримечательностью Дэнверса, скорее всего, свидание и было назначено именно там. Но это означает, что письмо получено профессором совсем недавно, до или во время последнего посещения городка. Анна успела узнать от Абигейл, что профессор уже лет десять не радовал своими визитами жителей Дэнверса и его последняя поездка вызвала недоумение у коллег и домашних.

Предчувствие подсказало Ане, что дальнейшее ее пребывание в этом доме лишено смысла. Много или мало, но она нашла то, что искала, и убедилась, что разгадку следует искать именно в Дэнверсе. Главное – выяснить, кто такая эта Сара Ингерсол и что связывало ее с профессором. Первым делом следовало заглянуть в музей восковых фигур.

Аня посмотрела на часы. Боже, уже десять! За окошком сгустились сумерки. Анна торопливо положила конверт в свою сумочку, вышла из комнаты и стала спускаться вниз, чтобы попрощаться с хозяйкой. Она нашла Аби в холле, на том самом диване, где они пили кофе. Девушка спала, свернувшись калачиком и положив голову на согнутую в локте руку.

Аня остановилась рядом с ней, не решаясь разбудить. Но Аби сама открыла глаза, будто почувствовала ее присутствие.

– А я вас тут караулила и не заметила, как уснула, – призналась она, моргая ресницами. – Вы нашли то, что искали?

– Думаю, да. – Анна раскрыла сумочку, собираясь показать Аби свой трофей, но та вдруг замотала головой и замахала руками.

– Нет-нет! Я не хочу этого видеть! Не показывайте мне, что бы там у вас ни лежало!

– Но я взяла это в вашем доме...

– Ну и правильно, что взяли. Знаете, я почему-то доверяю вам. Сама не знаю – почему. Я пыталась понять, пока ждала вас на этом диване, но не смогла. Зато я кое-что придумала.

Глаза Аби засветились от радости, когда она вытащила из-под диванной подушки конверт и протянула Ане.

– Что это? – удивилась та, невольно отодвигаясь от протянутой руки.

– Берите, берите. Это ваш гонорар.

– Какой гонорар? За что?!

– Как за что? За то, что вы найдете убийцу моего мужа, – искренне недоумевая, заявила Абигейл.

– Но я не...

– Ничего не говорите. Я знаю, что вам нельзя раскрывать свое инкогнито. – Лицо Аби приняло заговорщицкий и преувеличенно серьезный вид. – Но если я сама догадалась – это ведь не считается? А я в самом деле сама догадалась, что вы детектив!

Анна не знала, что на это ответить, только растерянно молчала, хлопая глазами. Она понимала, что переубедить девушку не удастся, настолько та была горда своим якобы открытием.

– Вы знаете, – продолжала она, – на самом деле я очень любила Шона, он был мне как отец. Поэтому я очень хочу, чтобы тот, кто поступил с ним так безобразно, понес наказание, и для этого нанимаю вас. В конверте – аванс. Когда вы найдете преступника – а я в этом не сомневаюсь, – вы сами назовете окончательную сумму вознаграждения. И заранее прошу вас не стесняться. Шон оставил мне много денег, а все, что я могу теперь сделать для него, – это потратить его же деньги на то, чтобы наказать преступника. Я правильно говорю? – спросила она совсем по-детски.

– Вы молодец, Аби. Только не надо мне платить. Я и так буду стараться.

– Нет, это неправильно, – отчаянно замотала головой девушка. На ее глазах выступили слезы. – Если вы не берете денег, значит, считаете меня

подозреваемой, а это очень обидно!

Перед такой железной логикой Анна спасовала. У нее не нашлось нужных слов, чтобы переубедить девушку, поэтому она протянула руку и взяла конверт. Лицо Аби просияло.

– Спасибо! – воскликнула она.

– И вам тоже, – улыбнулась Анна.

– Вы ведь будете держать меня в курсе?

– Конечно. Возможно, мне еще понадобится ваша помощь.

Полудетское личико Аби вновь озарилось благодарной улыбкой. Когда Анна оглянулась уже из машины, девушка все еще стояла на крыльце, провожая ее задумчивым взглядом.

Глава 11

Дорога до Дэнверса заняла у Анны не более получаса, но, тем не менее, когда она вырулила на главную улицу и поравнялась со средневековым зданием музея, было уже совсем темно. Парковаться в этом месте разрешалось только на специальной стоянке, так что Анне пришлось возвращаться обратно к музею пешком. Улицы были совершенно пусты в этот не слишком еще поздний час, только возле кованых ворот маячила в тени дерева неясная человеческая фигура. Анна не сразу разобрала, мужчина это или женщина, ей почему-то стало не по себе, но она продолжала идти вперед и скоро убедилась, что у нее просто расшалились нервы. Под деревом стояла совершенно безобидная старушенция. Правда, Анна почти не видела ее лица, полускрытого шалью, наброшенной на голову, но старушка была довольно субтильной и, очевидно, очень старенькой, так что не представляла никакой опасности даже для грудного младенца.

Анна торопилась поскорее достичь ворот музея, чтобы посмотреть, до какого часа он работает. Табличка висела под самым фонарем, и Анна прочла, что музей открыт до одиннадцати вечера. До закрытия оставалось десять минут, и Анна уже взялась за створку ворот, чтобы открыть калитку, когда ее окликнул негромкий голос, больше похожий на шепот. Анна не разобрала обращенную к ней фразу и поэтому невольно обернулась, переспросив:

– Простите, что вы сказали?

В ответ прошелестело еще тише:

– Вы не хотите купить у меня сумочку?

Старушка быстро засемила навстречу девушке и подошла почти вплотную, тыча ей прямо в нос маленькую театральную сумочку, расшитую бисером.

– Спасибо, мне не нужно, – извиняющимся тоном проговорила Аня и собралась прошмыгнуть в калитку, но старушка не отставала, жалобно причитая:

– Вы хотя бы посмотрите! Она такая красивая!

Анна из вежливости остановилась, взяла в руки сумочку и мельком взглянула на нее, только чтобы поскорее отвязаться. На старушку она старалась не смотреть. Сумочка оказалась неожиданно приятной на ощупь: бархат, расшитый бисером, таинственно переливался в зыбком свете

фонаря, на витой серебряной ручке покачивалась пышная шелковая кисть. Случайно коснувшись ее обнаженной рукой, Аня почувствовала ласковое прикосновение мягких нитей. Вещица заинтересовала Анну, и она присмотрелась к ней повнимательнее. Старушка примолкла, боясь спугнуть потенциальную покупательницу. Тем временем Анна определила, что возраст сумочки как минимум исчисляется парой сотен лет. Бисер кое-где обсыпался, бархат немного потерялся, но вещица представляла собой несомненную ценность как с исторической, так и с художественной точки зрения.

– Сколько вы хотите за нее? – спросила Анна прежде, чем успела принять для себя окончательное решение.

– Десять долларов, – последовал быстрый ответ. – Она, по правде говоря, очень старая, но мне нужны деньги, и если вы ее купите, то я буду вам благодарна.

Анна покачала головой.

– Не хотите? – огорченно спросила старушка.

– Нет, дело не в этом, – сказала Анна и посмотрела на старушку, в который раз удивившись, что по-прежнему не может разглядеть ее лица. Теперь, хотя она и стояла под самым фонарем, на лицо пожилой женщины падала еще более густая тень от накидки. – Эта вещица – настоящий антиквариат... – начала было Анна.

– Ну да, ну да, я же и говорю, что старая. Чего уж тут скрывать?

– Вы не понимаете – она очень ценная и стоит гораздо дороже десяти долларов.

– И-и-и, милая! Да кому ж эта рухлядь нужна? Мне бы и десяти долларов хватило, да никто не платит. Вот и достоялась до темноты.

– Я возьму ее, – решительно проговорила Анна, доставая деньги, – но не за десять долларов.

– Ну что же, можно и меньше. Мне бы хоть что-то выручить – и то хлеб, – проявила сговорчивость старушка.

– Вы опять не поняли, – с улыбкой сказала Аня, протягивая женщине купюру в сто долларов. – Вот, возьмите.

– Это что? – Всплеснула руками старушка. – Зачем это?

– Это вам за сумочку. Но должна предупредить, что она стоит как минимум вдвое дороже, и вам стоило бы обратиться к антиквару. Уверена, он предложит вам больше. Вот, видите, эти белые бусинки? Это натуральный жемчуг.

– Да хоть бриллианты, – пробормотала старушка, все еще не решаясь взять деньги. Потом все же взяла и сказала с благодарностью: – Спасибо

тебе, деточка, пожалела старуху, бог в помощь.

– Не за что, – смутилась Аня.

– За доброе сердце всегда благодарить надо, – наставительно произнесла та. Голос женщины неуловимо изменился, в нем появились властные оттенки, заискивающие нотки исчезли. Анна еще не успела ничего понять, а старуха сказала:

– Я в тебе не ошиблась.

И так она это сказала, что Анна поежилась. Только сейчас она заметила, что на улице резко похолодало и обнаженные ее руки покрылись гусиной кожей. Старуха же, похоже, не собиралась уходить, хотя и из тени выходить не спешила. Анна чувствовала, как цепкие глаза осматривают ее всю, не упуская ни единой детали. Ей хотелось уйти, но она почему-то медлила. Взгляд старухи остановился на руке Анны, в которой она сжимала свое приобретение. Но заинтересовала ее не сумочка, а сверкающий на пальце девушки перстень с крупным изумрудом, который она забыла повернуть камнем внутрь, как делала обычно, чтобы не привлекать чужого внимания.

– Кольцо Соломона нашло-таки себе хозяйку, – с непонятым удовлетворением произнесла старуха странную фразу.

– Соломона?

– Ты носишь на пальце один из четырех камней царя Соломона, подаренных ему богами, и не знаешь об этом? – в свою очередь удивилась женщина.

– Ну, как вам сказать... – замялась Анна, отводя взгляд в сторону. – Просто меня удивляет, что вы об этом знаете. Кстати, а откуда... Эй, вы где? Куда подевались?

Анна, раскрыв рот от удивления, оглядывала совершенно пустынную улицу, вертя во все стороны головой. Старушка как сквозь землю провалилась. За несколько секунд, пока Анна смотрела в другую сторону, бабулька попросту сбежала. Анна пожала плечами, подумав, что той, наверное, захотелось унести поскорее вырученное за сумочку богатство в безопасное место, пока неожиданная покупательница не передумала совершать сделку. Старушка, без сомнения, считала сумочку старым хламом. Анна покачала головой, засовывая покупку в свою вместительную сумку; мягкая сумочка заняла в ней совсем немного места, уютно расположившись на самом дне.

Анна, вспомнив наконец о цели своего визита, припустилась к входной двери в музей, но торопилась напрасно: он уже был закрыт, на двери висел огромный ржавый замок, а большие зарешеченные окна погрузились во

тьму.

– Вот и делай после этого добрые дела, – проворчала Анна, понуро бредя по дорожке к выходу. Впрочем, она не слишком расстроилась. Музей она сможет посетить и завтра.

* * *

К утру Анна напрочь забыла про сумочку. В доме Нурии не было душа, и мыться пришлось на кухне, используя вместо джакузи обыкновенное цинковое корыто, обливаясь из ковша ледяной водой. Воду можно было и погреть, так как ледяная жидкость обжигала кожу, но Анна очень торопилась. К тому же она начала входить во вкус. Дома, например, она не пошла бы под ледяной душ даже под дулом пистолета, а здесь – пожалуйста!

После бодрящей процедуры Анна вновь превратилась в стройную женщину тридцати одного года от роду, еще не утратившую счастливой способности быстро восстанавливать силы.

В больнице, куда она позвонила, едва дождавшись восьми часов – начала работы регистратуры, – ей сообщили, что навестить Ника она сможет только вечером, так как малыш хотя и чувствует себя хорошо, но нуждается в особом наблюдении и покое. Немного разочарованная, она решила отвлечься. Посещение музея подходило для этих целей как нельзя лучше.

Нурия, не скрывая любопытства, терпеливо отвечала на многочисленные вопросы Анны, касающиеся местной достопримечательности. Иногда она, правда, задавала встречный вопрос, всегда один и тот же: «А на фига все это надо?» Анна и сама точно не знала, просто хотела поближе познакомиться с загадочным местом, надеясь, что после посещения у нее в голове хоть немного прояснится. Нурия советовала дождаться Лельку, которая благодаря дружбе с Керри, дочкой смотрителя, облазила музей вдоль и поперек и могла показать Ане самые скрытые участки экспозиции, раз уж на ту напала охота дышать музейной пылью. Но Анне не хотелось откладывать, и она отправилась одна.

Идти было не слишком далеко, музей находился в трех кварталах от дома Нурии, и Анна пошла пешком. К концу пути она пожалеет об этом. Несмотря на то, что она старалась выбирать тенистые дорожки, солнце палило всюду, и густые кроны деревьев почти не спасали. Тем

удивительнее и желаннее была прохлада маленького дворика перед входом в музей. Здесь было даже чересчур прохладно, и Анна сразу вспомнила, как накануне вечером ее пробрал озноб при разговоре со старушкой. Заодно она вспомнила и о том, что забыла похвастаться Нурие своей покупкой.

В музее не было посетителей. Точнее, там вообще никого не было, даже кассира. Анна потопталась возле двери, но скоро ей это надоело, и она осторожно переступила порог. Воздух стал еще холоднее, как будто она спустилась на самое дно ледника. Анна обхватила себя руками за плечи и медленно двинулась в глубь зала, усиленно тараща глаза, которые никак не желали привыкать к полумраку.

Окна в здании казались совершенно бесполезным архитектурным излишеством, так как света, который они пропускали внутрь, было явно недостаточно, искусственное освещение было весьма кстати. В некотором роде, конечно...

Анна еще не увидела ни одного персонажа выставки, а ее уже бросило в дрожь. Виной этому была тишина, царившая вокруг. И еще запах. Он был странным и отталкивающим, кроме сырости, она явственно различила запах старой, полуистлевшей материи и еще один, больше всего напоминающий запах давно не мытых волос – сочетание, далекое от приятного. Миновав нечто, напоминающее холл, она попала в зал со сводчатыми потолками, где окна в принципе отсутствовали и свет лился непонятно откуда. Но что это был за свет! Анну передернуло от этого зеленоватого освещения, больше всего напоминающего мутную воду в аквариуме. Сама себе она напонила в этот момент маленькую глупую рыбку, заплывшую явно не туда, куда следовало. Этот непонятный свет почему-то искажал очертания предметов, делая их похожими на призрачное видение болезненного ночного кошмара. Стены, казалось, меняли свои очертания каждую секунду. Теоретически Анна, конечно, понимала, что весь этот впечатляющий эффект не более чем игра света и тени, но спокойнее почему-то от этого не становилось. Она порадовалась, что не очутилась здесь прошлой ночью. Даже сознание того, что за этими стенами яркое весеннее утро, не могло избавить ее от внезапно нахлынувшего страха, а ночью она бы и вовсе богу душу отдала, как небезызвестный гоголевский Хома Брут.

Она собралась уже было повернуть назад, чтобы дождаться кого-нибудь из сотрудников, но в эту минуту заметила на фоне старинной кирпичной стены человеческую тень, которая покачивалась из стороны в сторону, как будто человек старался устроиться поудобнее, чтобы лучше рассмотреть ее. Анна приготовилась окликнуть его, но тут до нее дошло,

что ноги тени не касаются пола, фигура как бы парила в воздухе, в полуметре от дощатого настила. Аня отшатнулась, налетела на что-то спиной, вскрикнула и обернулась, дрожа от страха. И закричала – сдавленно, но достаточно громко, чтобы привлечь внимание любого, кто находился бы в эту минуту в музее. Но никто ее не услышал, а она, пытаясь унять колотящееся сердце, тарасилась на фигуру человека, стоящего, то есть висящего прямо напротив нее. То, что это была всего лишь восковая фигура, не намного улучшало дело. Ане до боли захотелось увидеть солнечный свет, увидеть живых людей, и она попыталась взять себя в руки. Она не позволит свести себя с ума скопищу каких-то чучел! В конце концов, этот музей всего лишь местная достопримечательность и мимо этого висельника за десятки лет проходили толпы любопытных туристов.

Анне стоило больших усилий заставить себя посмотреть на куклу более внимательно. Она сделала это не столько из любопытства, сколько для того, чтобы убедить себя в том, что ей совсем не страшно. Перед ней, слегка свесив голову набок, покачивался высокий, даже красивый мужчина лет тридцати с небольшим. Он был одет в свободную белую блузу и коричневые штаны по моде своего времени. Впрочем, судить о моде в данном случае было странно: насколько Аня могла понять, мужчина был, что называется, в исподнем, и определить его социальное положение было сложно. Анна попыталась угадать, кто был этот человек и за какую провинность его постигла страшная участь, но у нее ничего не вышло. Он не был похож на преступника, его лицо было исполнено достоинства и еще раскаяния. Мастер, создавший куклу, погрешил против истины: лицо повешенного не было искажено ужасной гримасой человека, закончившего жизнь в петле. Никаких синих языков, свисающих до подбородка, никаких выпученных глаз. Но от этой неточности фигура выглядела еще более зловещей, и Аня поспешила отойти от нее, даже не решившись прочесть надпись на аккуратной табличке, размещенной у ног этой фигуры.

Она неуверенно двинулась дальше по галерее, и шаги ее эхом отдавались от толстых каменных стен. Здесь, в темном, холодном склепе, эхо звучало с непривычной мертвенной тяжестью, заставляя ее ускорять шаг.

Анна проходила мимо различных персонажей, очевидно, связанных с той давней трагедией, произошедшей в этих местах. В разной одежде – простой и роскошной – эти куклы были выполнены настолько реалистично, что в полумраке Анне казалось, будто это живые люди, которые живут своей жизнью, недовольные праздным любопытством посетительницы. Они выступали в суде, занимались домашним хозяйством, разговаривали

между собой... И Аня не могла отделаться от ощущения, что, как только она поворачивается к ним спиной, они начинают сверлить ее взглядами и перемигиваться. Когда тебе в спину пялятся стеклянные глаза, это, оказывается, так же противно, как взгляд живого человека, исполненный скрытой угрозы.

Она не могла больше этого выносить: наплевав на самоуважение, призналась себе, что отчаянно трусит, и с облегчением повернула к главному входу, решив дождаться там кого-нибудь из служителей музея, чтобы задать несколько вопросов. Одновременно с этим ей все больше не давала покоя мысль, что неизвестная женщина выбрала отвратительное место для встречи с профессором Хаскинсом. Какие цели она при этом преследовала, предстояло выяснить, и Анна чувствовала, что в этом кроется одна из разгадок.

От этой мысли ее отвлек очередной экспонат, и в первую секунду она даже замерла от неожиданности. Это не был муляж человека, но Анна неожиданно для себя не смогла удержаться от того, чтобы не приблизиться, – экспонат притягивал, будто внутри его был спрятан огромный магнит, сопротивляться этому притяжению она не могла, испытывая странное чувство – дьявольскую смесь ужаса и восхищения, и, сама не понимая как, подошла к нему почти вплотную.

Это был трон. Анна поняла это сразу, даже не глядя на табличку, такую же, как и у прочих экспонатов. Точно так же, как сразу решила, что трон не муляж, а подлинник, сделанный из черного, тускло поблескивающего камня и выглядевший угрожающе. Острые края подлокотников напоминали лезвия бритвы. Если на нем кто-то когда-то и сидел, то он здорово рисковал, опираясь на них руками. Несмотря на устрашающий внешний вид, Анна почему-то не испугалась, а испытала желание прикоснуться к каменному трону, что и сделала, прежде чем успела осознать, что прикасаться к экспонатам не следует.

Ее пальцы ощутили нечто совершенно невероятное, едва коснувшись отполированной поверхности. Ей показалось, что она прикасается к теплой человеческой коже, нежной и шелковистой. И она с ужасом подумала: «Это не камень, это что-то другое!»

Глава 12

– Я вижу, вы заинтересовались Черным Троном?

Больше всего на свете Аня не любила, когда люди подходили к ней со спины, вот так, совершенно бесшумно. Поэтому выражение ее лица, когда она обернулась к заговорившей с ней женщине, было весьма далеким от приветливого. Но женщина не смутилась и не обиделась. Глядя на Анну с сочувствием, она озабоченно произнесла:

– Простите, я, кажется, напугала вас?

– Неудивительно, в таком-то месте, – пожала плечами девушка, стараясь припомнить, где и когда могла видеть эту несколько странную женщину. Ее лицо было определенно знакомо Ане.

Наконец она сообразила, что перед ней Пиковая Дама, которая сидела несколько дней назад недалеко от ее столика в ресторане. Только сегодня в облике Дамы не было ничего пугающего. Наоборот, она выглядела очень ухоженной, элегантной и гораздо моложе персонажа знаменитой поэмы Пушкина. Ей было чуть за сорок, если присмотреться, а если не приглядываться, то можно было дать и тридцать восемь.

– Меня зовут Дороти Спарк, – представилась Дама. – Мне кажется, мы с вами уже встречались, хотя вы, определенно, не из местных. Верно? Ах да, вы были вместе с той прелестной русской женщиной с восточной внешностью в ресторане! Вы ее подруга?

– Да, – ответила Анна одним словом на все вопросы разом.

– И тоже, наверное, из России? – улынулась Дороти.

– Да, – снова кивнула Анна, которой совсем не хотелось сейчас разговаривать, зато здорово хотелось побыстрее убраться отсюда подальше.

– Вообще-то, я немного слукавила, – смущенно улыбаясь, призналась Дороти, – я знала, кто вы такая, еще до того, как окликнула вас. Сама не понимаю, почему не призналась в этом сразу. Вы меня извините?

– Ничего страшного, – выдавила Аня ответную улыбку. – Извините, мне надо спешить.

– О, вы уже все осмотрели? – протянула женщина. Похоже, она не собиралась отпускать Аню вот так вот запросто. По крайней мере, направилась вслед за нею к выходу, попутно пытаясь привлечь ее внимание то к одному, то к другому персонажу выставки восковых уродцев.

Анна рассеянно кивала, из вежливости скользя глазами по экспонатам, казавшимся ей теперь отвратительными мумиями, будто выходцами с того

света. У ее спутницы определенно было на этот счет собственное мнение, причем прямо противоположное. Когда она комментировала ту или иную композицию, в ее голосе сквозило восхищение.

– А вот это – Сара Ингерсол, – в очередной раз попыталась привлечь внимание Анны Дороти Спарк. Когда до девушки дошел смысл ее слов, она споткнулась на ровном месте.

– Сара Ингерсол? – переспросила она дрогнувшим голосом.

– Вы уже слышали о ней? – заинтересованно спросила Дороти. Анна растерянно взглянула на нее, промолчав чуть больше, чем следовало.

«Еще бы не слышала! – едва не вырвалось у нее. – Эта леди назначила свидание некоему профессору, после чего тот скоропостижно скончался, а впоследствии вообще потерял голову в буквальном смысле слова». Но вслух она ответила нарочито небрежно:

– Не уверена. Подруга рассказывала мне много легенд об этих местах, возможно, упоминала и об этой Саре. А кто она такая?

Анна подошла ближе к веревочному ограждению, где прошлое затаило дыхание в образе лукавой рыжеволосой красавицы, сидящей перед зеркалом, в котором отражалось ее лицо с капризно изогнутыми губами. Девушка была очень молода и, безусловно, очень красива. Ее не портило даже более чем скромное платье из грубого сукна, единственным украшением которого был белоснежный воротничок с вышитыми гладью цветочками. В глазах девушки плясали веселые чертики, они казались живыми, слишком живыми для обыкновенной восковой куклы.

– О Саре почти ничего не известно, но ходили слухи, что она была ученицей колдуньи по имени Марион. Хорошей ученицей, – подчеркнула Дороти. Ане показалось, что при этом женщина взглянула на нее чуть более пристально, чем раньше.

– Ее тоже казнили? – спросила Анна, чтобы отвлечь Дороти.

– Как раз нет. Она сама покончила с собой, когда узнала о том, что ей вынесли приговор. Когда за ней пришли утром, она уже была мертва. Но все же...

– Что?

– Поговаривали, что Сара вовсе не умерла той ночью. Она приняла «смертельный фильтр».

– Что это такое? – спросила Анна, поневоле проявляя все больший интерес.

– Ну, как вам сказать. Легенда гласит, что это колдовское зелье, которое умели варить Салемские ведьмы. Выпивший его, впадал в каталептическое состояние, которое ничем не отличалось от настоящей смерти. Даже

прижигание пяток каленым железом, принятое в те времена, не давало никакого результата. Разница же заключалась в том, что, после того как жертву хоронили, ее помощник выкапывал тело через три дня, приводил в чувство – и «покойник» оживал. После этого, само собой, ему следовало сменить имя, по возможности – внешность и убраться подальше от тех мест, где его похоронили. Говорят, Сара проделала именно этот трюк, избежав пыток и позорной казни. Но, сами понимаете, это всего лишь легенда. Как было на самом деле, теперь не узнает никто.

– Вы очень хорошо разбираетесь в... легендах, – невольно вырвалось у Анны.

– Вы мне льстите, – засмеялась Дороти. – Просто я выросла в этих местах. А истории про ведьм и колдунов я слушала с самого детства, их рассказывают вместо сказок Перро и Андерсена в каждом доме нашего городка. Люди берегут свое прошлое, если им нечем похвастаться в настоящем.

Анна кивнула, соглашаясь.

– У девушки странные глаза, – заметила она, вновь обращая взгляд на восковую фигурку перед зеркалом.

– О, да. Еще одна салемяская достопримечательность – разные глаза! Интересно, что с такими глазами рождались только девочки.

– То есть, это не редкость?

– В этих местах – нет. И до сих пор у многих девиц один глаз – голубой, а другой – карий. Какое-то отклонение на генетическом уровне, возможно, связанное с давней традицией заключения браков между близкими родственниками. Но во времена охоты на ведьм этот признак означал приговор, особенно если у девочки были разные, неправильно расположенные глаза.

– Разве разноцветные глаза вообще могут быть правильными? – удивилась Аня.

– В некотором роде, – кивнула женщина. – Если голубой глаз – слева, то это более-менее нормально, таких девочек – большинство. Но если наоборот, то это считалось признаком того, что девочка обладает невероятной силой и врожденной способностью к магии.

Аня посмотрела на фигуру Сары Ингерсол, ее лицо. Хитрый голубой глаз у нее был справа...

– На самом деле все это не более чем предрассудки, можете мне поверить, – поспешила успокоить Аню Дороти, перехватив любопытный взгляд девушки. Вы встретите в этом городке множество женщин с разноцветными глазами. Уверю вас, они все совершенно обыкновенные и

никакие не колдуньи.

– Конечно, вы правы, – с готовностью поддержала версию Анна, с отвращением, однако, понимая, что врет как сивый мерин. Хотя... У нее, например, оба глаза – ярко-голубые, но она обладает этой самой силой, будь она неладна. Так почему бы женщине с разноцветными глазами не оказаться нормальной?

Неожиданная встреча с Сарой в музее, этот странный разговор, таинственный Черный Трон окончательно запутали Анну. Она, как стрекоза, попавшая к пауку на обед, отчаянно била крыльшками, пытаясь выпутаться, но вместо этого, теряя ориентацию, только еще крепче прилипла к паутине легенд и суеверий. Кстати, у нее почему-то возникло жгучее желание проверить, какого цвета глаза у самой Дороти, но она не могла этого сделать, так как женщина была в очках с сильно тонированными стеклами. Но это препятствие только усиливало Анино нездоровое любопытство. Оно было сильным настолько, что она наверняка совершила бы какую-нибудь глупость, не помешай ей неожиданно выбежавшая откуда-то из-за поворота девушка. Они уже почти вышли с Пиковой Дамой из музея. Девушка неслась, ничего не видя перед собой, и от неожиданности врезалась в Анну как торпеда, едва не свалив с ног.

– О, черт! – воскликнула Аня, покачнувшись на высоких каблуках. – Ой, мама! – невольно добавила она, взглянув на отпрянувшую девушку, которая прерывисто дышала от быстрого бега.

Единственная, кто сохранил присутствие духа в этой комичной ситуации, была Дороти.

– В чем дело, Керри? – Спросила она. – Куда ты так несешься? За тобой что, черти гонятся?

– Нет, мисс Спарк, простите меня. И вы тоже, – она обернулась к Анне, которая едва удержалась от того, чтобы не зажмуриться. – Я не нарочно. Мне нужно было кое-что исправить в дальнем зале до прихода первой экскурсионной группы, и я вас не заметила.

– Здесь действительно очень темно, – кивнула Дороти. – Но в следующий раз будь, пожалуйста, внимательнее.

– Хорошо, мисс Спарк. Еще раз извините. Вы уже уходите?

– Да. Я увидела все, что собиралась посмотреть, к тому же познакомилась с очаровательной гостьей из России. Впрочем, вы, наверное, уже тоже знакомы?

Ане не нравилась манера этой женщины задавать вопросы, будто она на экзамене. Очевидно, сказывалась профессиональная привычка директрисы колледжа.

– Мы незнакомы с Керри, – ответила Анна за них обеих. – Хотя я много слышала о Керри от Лели. Вы ведь дружите с Лелей?

– О, так вы Анна? – почему-то обрадовалась девушка. – Леля о вас рассказывала.

– Очень приятно слышать, – заставила себя улыбнуться Аня, помимо воли отводя глаза от восторженного девичьего лица. Она извинилась и пошла было по направлению к вестибюлю, но опять остановилась, увидев быстро приближающегося мужчину.

«То никого, то вдруг целая делегация», – недовольно подумала она, чуть отступив. И вовремя. Еще немного – и мужчина попросту бы сшиб ее, так как смотрел куда-то мимо девушки и вряд ли ее видел. Мужчина был похож на громадного узколобого неандертальца, густо поросшего жесткой щетиной, которая выглядела совершенно одинаково как на его лице, так и на руках. Впрочем, волосы, если можно назвать этим привычным словом давно не чесанную гриву на его голове, стоящую дыбом, выглядели такими же жесткими и черными, только намного длиннее недельной щетины на квадратном подбородке. Анна успела заметить, что при появлении этого неповоротливого, здоровенного мужика с огромными кулаками и длинными ручищами Керри как-то съежилась и мелко задрожала.

– Что ты здесь делаешь? – рявкнул мужлан так, что по залам прокатилось эхо. От этого рева вздрогнула уже не только Керри, к которой он обращался, но и Анна. Даже невозмутимая Дороти слегка отступила назад.

– Доброе утро, мистер Патнэм, – произнесла она.

Патнэм, которого как-то неловко, на Анин взгляд, было называть мистером, даже головы в ее сторону не повернул. То, что он пробормотал себе под нос, больше всего напоминало ворчание рассерженного дикого зверя, а слов Анна вообще не разобрала.

– Немедленно в дом! – продолжал бушевать Патнэм. Керри вжала голову в плечи и опрометью бросилась к дверям музея. До слуха Ани донеслись всхлипывания несчастной девушки. – И ни шагу до моего возвращения! – проорал вдогонку ее папаша, после чего повернулся к обеим женщинам, сверля их более чем недружелюбным взглядом. Будь у Ани нервы послабее, она бы даже назвала его угрожающим.

– Простите, вы хозяин этого музея? – спросила она, преодолевая робость. Он посмотрел на нее так, словно только что заметил, и прорычал:

– Ну?

– Я вошла сюда, никого не встретив, и поэтому не приобрела входного билета. Не подскажете, кому я могу заплатить?

– Два доллара, – заявил неандерталец.

Анна сунула пятидолларовую купюру – мельче у нее не нашлось – в лопатообразную ладонь. Вопрос о сдаче отпал как-то сам собой. Как ни хотелось ей побеседовать со смотрителем музея, она поняла, что момент сейчас не совсем подходящий, и быстро вышла на улицу. Мисс Спарк последовала за ней. Анна слышала, как та, игнорируя хамское обращение грубияна, вежливо попрощалась с ним. Что он ей ответил, Аня не разобрала, но подозревала, что слышать было попросту нечего.

Глава 13

По улице обе женщины продолжали идти рядом – Анну больше не раздражало присутствие чрезмерно общительной дамы. Мысли, возникшие в ее голове после того, как она обнаружила, что Сара Ингерсол – всего лишь восковая кукла, «живущая» в музее и вряд ли способная назначать кому бы то ни было свидания, были самыми разными. Хотя и этому могло быть объяснение. Во-первых, кто-то мог использовать имя исторического персонажа с сомнительной репутацией в качестве псевдонима. В этом случае все объяснялось легко и просто. Правда, совершенно непонятно, кто скрывался за этим псевдонимом. Но кто бы он ни был, профессор очень хотел с ним встретиться, хотел настолько сильно, что даже оставил весьма непрезентабельное на вид послание среди своих бумаг вместо того, чтобы отправить его в корзину. Скорее всего, Хаскинсу было известно, кто скрывается за этим псевдонимом, либо для него несомненно имело значение нечто, что мог этот человек сообщить ему. Ведь недаром немолодой уже профессор помчался в крошечный городок после десятилетнего перерыва. В том, что это было связано со встречей в музее восковых фигур, Анна почти не сомневалась.

Второе объяснение загадочного имени еще проще: в городе живет некто, кто носит ту же фамилию и имя, что и восковая кукла из музея. Этот вариант казался Анне более привлекательным, так как в том случае, если бы ей удалось найти этого человека, многое прояснилось бы. Надо только его найти. Анна искоса взглянула на идущую рядом Дороти Спарк, раздумывая, стоит ли начать поиски с нее или для начала поинтересоваться у Нурии. И решила, что торопиться не стоит. Ее вопрос может вызвать излишнее любопытство у Дороти, а в случае, если она болтлива, по городку поползут слухи, а ей это совершенно ни к чему.

Дороти заметила Анин взгляд, хотя вроде бы не смотрела в ее сторону, сразу обернулась к ней и сказала:

- Вы, наверное, удивлены отношениями отца и дочери Патнэм?
- Тут есть чему удивляться. Его ненависть к девочке очевидна. Она ему неродная?

Анино предположение вызвало у Дороти улыбку, она покачала головой:

- Ну, что вы. Керри его родная дочь.
- Неужели причина в том, как она выглядит?

– Не думаю, – возразила мисс Спарк без особой уверенности в голосе.

– Тогда я действительно ничего не понимаю, – призналась Аня. – Он набросился на нее с такой яростью. Мне показалось, он готов был ударить ее. И потом, ее страх был таким искренним. Мне жаль девочку. Как ее мать допускает такое?

– У Керри нет матери, и полагаю отношение Дикона к Керри связано именно с ее матерью.

– Вот как?

– Именно. Придется мне приоткрыть перед вами одну из наших городских тайн, хотя ни для кого в городе это не секрет.

Анна с интересом приготовилась слушать, понимая, что чем больше она узнает о жителях городка, тем легче ей будет разгадать загадку с отрезанными головами и кошмарами Лельки.

– Не знаю, успели ли вы заметить, но давние события, произошедшие в Дэнверсе, до сих пор влияют на его жителей, которые, мне кажется, порой забывают, что на дворе двадцать первый век, – начала издали Дороти. – Они чрезмерно религиозны, с одной стороны, а с другой – невероятно суеверны. Им до сих пор повсюду мерещатся ведьмы и колдуны.

– Их религиозность – попытка защитить себя от колдовства при помощи веры?

– В некотором роде. Они исправно посещают церковь, соблюдают посты и все такое, но в то же время не брезгают прибегать к самым разным способам «защиты», противоречащим канонам католической церкви. Обвешиваются амулетами от сглаза, сыплют соль на порог, и все в том же роде, – презрительно скривив губы, пояснила мисс Спарк.

– Должна вас разочаровать, – улыбнулась Аня. – Это особенность не только местных жителей. В России происходит нечто подобное. Правда, церковь в основном посещают только по праздникам, а вот соль сыплют, это точно.

– Вот как? Впрочем, наверное, вы правы. Хотя в Дэнверсе со всем этим явный перебор. Возвращаясь к Патнэмам, скажу: жена Дикона всегда вызывала неприязнь у местных жителей, они относились к ней недоверчиво. Она умерла, когда Керри едва исполнилось восемь лет. Вообще, это была странная история, поговаривали даже, что Дикон убил ее, но это полная чушь. Мэри долго болела, ее смерть была естественной, если можно так сказать.

– Вряд ли можно назвать естественной смерть молодой женщины, – возразила Аня.

– Это и породило слухи. И еще то, как повел себя Дикон после ее

смерти. Музей принадлежал родителям Мэри. Они давно умерли, и всем хозяйством заправляли Дикон и Мэри. Только если Мэри относилась к музею пусть не с любовью, но с уважением, то ее супруг это заведение ненавидел всей душой. При жизни Мэри они занимали второй этаж здания. Конечно, не всякому понравится жить в таком склепе, но это было все-таки просторное жилье, не лишенное необходимых удобств и некоторого комфорта. После ее смерти, буквально на следующий день после похорон, Дикон вместе с дочерью перебрался в полуразвалившуюся сторожку, где они и живут уже восемь лет, входя в музей только с началом рабочего дня.

Анна подумала, что поведение Дикона нельзя назвать таким уж странным. У нее еще были свежи ощущения собственного ужаса, и это всего лишь после нескольких минут пребывания в мрачном здании, а каково там жить и тем более ночевать изо дня в день?

– Керри, свою дочь, Патнэм держал в черном теле, не давая малышке сделать и шагу в сторону. Главный запрет касался, естественно, музея. Он запрещал ей входить в него дальше порога, точнее, будочки кассира, где Керри продавала билеты в свободное от учебы время. Он бы и это ей запретил, но музей не слишком доходное предприятие, Патнэмы едва сводят концы с концами, нанять кассира им не по карману. Да и вряд ли кто-то из местных жителей согласится там работать.

– А почему он не продал его?

– Пытался, только покупателей почему-то не нашлось. Были, конечно, предложения, Дикон готов был продать музей за бесценок, лишь бы избавиться от него. Но ни один из покупателей так и не доехал до Дэнверса. Через пять лет бесплодных попыток Дикон сдался. Керри на самом деле вовсе не заслуживает чрезмерной строгости своего отца, – покачала головой Дороти. – В жизни не встречала более послушного и ласкового создания, чем она, и ей приходится много страдать от несправедливости собственного родителя, так что жизнь ее трудно назвать счастливой.

В эту минуту женщины поравнялись с необыкновенно привлекательным домиком, возле которого Дороти остановилась.

– Это мой дом. – Дороти оперлась рукой на калитку.

– Очень красивый!

Анна не лукавила. Яркое солнце бросало густой теплый свет на оплетенные гирляндами глицинии белые стены жилища Пиковой Дамы, придавая и вьющемуся растению, и всему дому неожиданно картинный, невсамделишный вид. Впечатление усиливалось тем, что все было будто выписано двумя красками – белоснежной и сиреневой. Стены дома и

аккуратный деревянный забор вокруг него – белые, а все цветущие растения – разных оттенков фиолетового, от нежно-сиреневой глицинии до темно-лиловых фиалок, устилавших ухоженный дворик сплошным ковром. Зелень листвы и травы служила всего лишь фоном живописной картины, а густой цветочный запах дурманил голову.

Аня приняла за должное, что Дороти не пригласила ее войти, и уже приготовилась попрощаться, как вдруг в доме хлопнула входная дверь и по ступенькам сбежала хорошенькая девочка в светлом летнем платье с распущенными пепельными волосами. Не останавливаясь, девочка добежала до калитки и с детской непосредственностью уставилась на Анну своими васильковыми глазами. Анна улыбнулась, кивнула малышке и повернулась к Дороти, чтобы высказать восхищение на редкость очаровательным ребенком. Ее поразило выражение лица мисс Спарк. Она не видела выражения ее глаз, по-прежнему скрывающихся за темными очками, но и так было ясно, что с ней что-то не так. Ее щеки и губы побелели, было заметно, что женщина, успевшая произвести впечатление уравновешенной особы, впала в состояние паники.

– Кетти, ты зачем здесь? – Невпопад спросила она. Потом спохватилась, и добавила: – Познакомьтесь, Аня, это моя племянница Кетти.

– Здравствуйте, – мелодично пропела девочка, скромно потупив глазки. Смущение ее тети, похоже, не произвело на нее впечатления.

Тем не менее, не желая усугублять неловкую ситуацию, хотя и не понимая, что послужило тому причиной, Аня поспешила распрощаться, сославшись на срочные дела. Она отошла уже довольно далеко от дома, когда услышала позади быстрый легкий стук каблучков.

– Что-то случилось? – спросила она встревоженно, снова увидев Дороти Спарк.

– Нет-нет, все в порядке. Вы извините, что я немного растерялась, увидев Кетти, и поставила вас в неловкое положение. Просто девочка не совсем здорова, ей полагается сейчас быть в постели – дневной сон, а она, как обычно, не желает выполнять предписания врача. Но я догнала вас не за этим.

– Слушаю вас.

– Мне пришла в голову неожиданная идея. Вы не хотите поработать в нашем колледже?

– В качестве кого? – опешила Анна.

– Преподавателя, разумеется.

– Но я не понимаю...

– У нас как раз недавно начался факультативный курс русской литературы. Вы прекрасно владеете английским и производите впечатление образованного человека, – торопливо объяснила директриса. – Мне кажется, для наших учениц было бы полезно услышать рассказ о русских писателях и их произведениях от вас. Ведь вы знакомы с ними с детства.

– Мне очень лестно, конечно, – замялась Анна, не понимая, как реагировать на столь странное предложение, – но я никогда не преподавала. Более того, я не настолько серьезно знакома с русской литературой, чтобы можно было взять на себя смелость знакомить с ней других.

– Я не требую от вас немедленного решения, это просто предложение. Вы подумайте, и, если решите его принять, буду вам очень благодарна. Кроме того, могу вас заверить, что у наших преподавателей очень высокое вознаграждение за труды. Деньги ведь никогда не бывают лишними?

На этой фразе они и попрощались. Во второй раз за сегодняшний день. И у Анны почему-то сложилось странное впечатление о жителях Дэнверса. Она не могла отделаться от мысли, что большинство из них – трудно подобрать подходящее выражение – не совсем в своем уме...

Глава 14

Чувство тревоги, поселившееся в душе Анны в то утро, заставило ее изменить планы. Она решила, не дожидаясь вечера, отправиться в клинику, чтобы повидаться с Ником, как только представится такая возможность. Но беспокоилась она напрасно. Ники выглядел превосходно, насколько это возможно в его состоянии. Врач подтвердил, что мальчик хорошо перенес операцию и теперь главная задача – ускорить процесс заживления, не допустить инфекции.

Сам Ники безудержно радовался Аниному приходу, ни на минуту не выпуская из рук голубого медвежонка. Хитро улыбаясь, он рассказал, что ему принесли на обед порцию клубничного мороженого. Анна заподозрила какой-то подвох в его словах и не ошиблась. Как только медсестра вышла за дверь, Ники спрыгнул с кровати и бросился к тумбочке, распахнул дверцу, сунул руку в глубь ящика и с сияющей улыбкой извлек на свет фарфоровое блюдечко с бело-розовой жидкостью, посреди которой плавал маленький шарик с клубничкой на самом верху. Ники сунул в руки Ане свой трофей и сказал:

– Попробуй, пожалуйста, оно очень вкусное. Я знал, что ты придешь, и спрятал для тебя немного. Жалко только, что оно растаяло.

– Ничего, оно все равно вкусное, – утешила Анна, сглатывая слезы, подкатившие к горлу. Еще никто и никогда в жизни так о ней не заботился, как этот малыш, только что перенесший тяжелую операцию.

Припрятав мороженое, Ники позабыл о ложечке. Чтобы не огорчать мальчика, Анна поднесла блюдечко к губам и отхлебнула тепловатую, но очень вкусную жидкость через край.

– Правда, вкусно? – потребовал Ники ответа.

– Изумительно! Мне очень понравилось. А ягодку ты съешь сам, хорошо? Вот тут и мороженого немного осталось.

– Ты правда больше не хочешь?

– Правда. Кушай на здоровье, мое солнышко, – улыбнулась Аня.

Ники мгновенно опустошил тарелочку. Над верхней губой осталась белая полоска от мороженого. Вытирая испачканную мордашку своим платком, Аня едва удержалась, чтобы не стиснуть изо всех сил хрупкое тельце ребенка, который стал для нее самым близким, самым родным существом на свете.

Расставаться было тяжело, но нянечка не пожелала слушать никаких

доводов и выпроводила Анну за дверь уже через час после ее прихода, проворчав, что малышу нужен покой. Сочтя ее упреки справедливыми, Аня покинула помещение, пообещав Ники, что навестит его на следующий день.

* * *

Первым, кого она увидела, войдя в дом Нурии, был Каспер. Кот сидел на краю раковины в кухне, уставившись в сливное отверстие, будто ждал, что из черной мокрой дырки выскочит жирная мышь. Свежий воздух благотворно повлиял и на этого лентяя, пробудив в нем спящие глубоким, даже летаргическим, сном охотничьи инстинкты. Опыта, правда, у него было еще маловато, судя по тому, что мышь так и не появилась.

– Привет, охотник! – хмыкнула Аня, бросая на стул свою сумочку и осторожно укладывая на стол большой пластиковый пакет. Каспер повернул к ней усатую морду, демонстрируя недоумение по поводу странного поведения гипотетической добычи.

– Что, не ловится? – сочувственно спросила она. Кот обиженно мяукнул в ответ и нехотя покинул насиженное место.

– Он там уже битый час сидит, – сообщила Нурия, входя на кухню. – Как Ники? Поправляется?

– Да, ему уже лучше.

– Ну и слава богу. Есть будешь?

– Нет. Кофе было бы неплохо. Я там, кстати, кое-что купила. Обнаружила сногшибательную кулинарию неподалеку от клиники. Не удержалась и накупила всякой снеди.

Нурия подошла к столу, заглянула в пакет и потянула носом.

– Чарльз-стрит? – спросила она.

– Точно. А как ты догадалась?

– Ну, это нетрудно. Только там умеют готовить такую восхитительную бастурму. Боже мой, копченая осетрина, блинчики с мясом. А это что? Вареники с вишней! Да ты с ума сошла! Это же целое состояние!

– Ничего. Я получила гонорар, – улыбнулась Анна.

– Какой еще гонорар? От кого? – насторожилась подруга.

– От одной милой девушки. Сейчас все расскажу. Извини, что не сделала этого раньше, не хотела заводить разговор при Лельке.

Тем временем Каспер, прислушиваясь к разговору подруг, осторожно продвигался к забытому на время пакету с деликатесами. Кое-что Нурия

уже успела перегрузить в холодильник, но остальное, в том числе и копченая осетрина, по-прежнему лежало в пакете. Каспер, обожающий эту рыбу в любом виде, не в силах был противостоять соблазну. Добравшись до стула, он, напружинившись, прыгнул. Метил котяра на стол, но глазомер его подвел, и он, соскользнув, шмякнулся на стул, зацепив попутно Анину сумочку, вместе с которой и скатился на пол.

Раскрывшаяся сумочка отлетела в одну сторону, шипящий Каспер – в другую, а содержимое сумки раскатилось по всей кухне. Анна и Нурия разом опустились на четвереньки и, награждая забившегося под стул хулигана нелестными эпитетами, принялись отыскивать тысячу и одну полезную мелочь, обычно хранящуюся в дамских ридикюлях.

– А это что такое? Какая прелесть! – донеслось из-под стола, где сосредоточенно ползала Нурия. Анна оглянулась из своего угла, оставив бесплодные попытки выудить из щели между досками любимый карандаш от Lancome. Нурия восхищенно разглядывала вышитую бисером сумочку, про которую Аня совсем забыла.

– Это я купила у вас в Дэнверсе у какой-то старушки. Не слишком ценная вещица, но очень милая, правда?

– Замечательная! А что это у нее внутри такое?

– Внутри? Она была пустая, – нахмурилась Анна.

– Да нет же, я чувствую – внутри что-то есть. Сама посмотри.

Все еще хмурясь, Аня подошла к подруге и взяла у нее из рук сумочку. Так и есть: внутри прощупывалось что-то твердое. Но ведь она точно помнила, что сумочка была совершенно пустая и мягкая. Она, когда купила ее, даже заглядывала внутрь и помнила, что подкладка у нее – из темно-синего шелка. Что за чертовщина?

Анна подергала замочек, который вдруг стал заедать. Наконец она с ним справилась, перевернула сумочку и потрясла ее над столом. С негромким стуком на дощатую поверхность выкатился крупный камень темно-красного цвета. Нурия, замороженно приблизилась, наклонилась над столешницей и негромко присвистнула:

– Не слишком ценная, говоришь? – с иронией произнесла она. – Я, конечно, не ювелир, но, по-моему, это рубин.

– По-моему, тоже. Есть только одно сомнение.

– Какое?

– Таких крупных драгоценных камней не бывает.

– Как видишь – бывают.

– Это надо вернуть. Ничего не понимаю. Его там не было! – с отчаянием воскликнула Аня, кусая губы.

– Ну чего ты расстраиваешься? – попыталась успокоить ее Нурия. – Ты же не грабила эту несчастную старушку, она сама тебе его отдала. Кстати, я бы на твоём месте проверила сумку повнимательнее: вдруг там ещё что-нибудь отыщется?

– Ой, оставь свои шуточки, мне так неудобно! Получается, что я её обманула.

– Да вернем мы ей камень, не грузись. Она небось и сама позабыла, что он у неё был. Ты же говорила – старая совсем бабушка. Зато представляешь, какая для неё радость – этот рубин? До конца жизни будет жить в достатке.

– Слушай, может, это все-таки стекло? – с надеждой спросила Аня, вглядываясь в камень, но не решаясь к нему прикоснуться.

– Не-а, рубин. Только старинный. И явно натуральный.

– Это ещё в каком смысле?

– Ну ты что, не помнишь? Ах да, ты же, кроме своего изумруда, не носишь ничего. У меня свекровь обожает рубины, обвешивается ими в немереных количествах. Так что я на них насмотрелась на своём веку. Вот её рубины – искусственные. В наших ювелирках натуральных отродясь не было. Они бледно-розовые, неприятного такого оттенка, как сильно разведенная марганцовка, а этот совсем другой. У него цвет темнее... и знаешь что?..

– Что?

– Он какой-то пугающий, на кровь похож по цвету. Вот честное слово, похож!

Анна и сама заметила необычный цвет камня, темный, глубокий, таинственно мерцающий. Тут некстати ещё вспомнилось замечание старушки о её собственном изумруде. Старушка, похоже, неплохо разбиралась в истории камней, с первого взгляда, да ещё в темноте, угадать в камне древнюю реликвию – это надобно иметь бо-о-ольшой опыт. Но не это сейчас самое важное. Нужно отыскать старушку и вернуть ей её собственность. Вместе с сумкой, черт бы её побрал!

С этой мыслью Аня схватила злосчастный антиквариат, чтобы запихнуть камень от греха подальше туда, где он лежал, и слабо охнула:

– Там ещё что-то есть.

– Ещё один камешек? – деловито осведомилась Нурия, заметно воодушевляясь.

– Нет. Это не камень, это какие-то бумаги.

– Давай посмотрим! – Загорелись глаза у любознательной подруги.

Ане и самой не терпелось взглянуть, что ещё за сюрприз таила эта

старинная вещица.

– Она просто бездонная какая-то, – проворчала девушка, заглядывая внутрь. – Странно. Я чувствую на ощупь бумажные листочки. Слышишь, шуршат? А внутри их не вижу.

– Какая ты глупая! Дай-ка сюда! Ну конечно, видишь, здесь потайной кармашек. Сейчас...

– Осторожнее! Сломаешь!

– Не бойсь. Сейчас достану. Вот, держи! Ой, какие древние-то! Как бы не рассыпались. Я слышала, что подобные фолианты специальными составами мажут, для прочности.

– Да нет, вполне нормальные, – пробормотала Анна, осторожно разворачивая тонкие листы пергамента. Она сразу отметила, что они ей что-то напоминают. И вспомнила: точно на таком же была написана записка профессору Хаскинсу. Это что же получается? Ладно, с этим она разберется позже. Сначала надо прочитать, что тут написано.

Аня уже успела пробежать глазами первую строчку одного из двух листов, но вдруг, к немалому неудовольствию подруги, снова сложила их.

– Ты чего?

– Слушай, а может, не надо читать? Вдруг это что-то личное?

– Ну, Анька, ты точно больная на голову. Этим бумажкам лет сто, какое может быть личное?

– Не сто, а триста, – машинально поправила Анна, которая успела заметить дату в конце страницы.

– Тем более. Сколько-сколько?

– Триста с небольшим. Бумага писана в 1692 году.

– Мама моя! Это ж музейная редкость! Ну читай же быстрее, будь человеком!

Анна со вздохом раскрыла первый листок и начала:

«Встань, Господь, услышь голос раба твоего посреди вороньего клекота нечестивцев...»

– Что за бред? – перебила ее Нурия, недовольно скривив губы.

– Это то, что здесь написано. Похоже на молитву.

– Дай посмотреть. – Она уставилась в мелкие строчки, испещренные многочисленными завитками, и поморщилась: – Господи! Да на каком языке это написано?

– На английском, только это устаревший вариант.

– А ты, скажи на милость, откуда его знаешь?

– Ну, попадались мне кое-какие книги, где заговоры и прочее были написаны именно на этом диалекте, пришлось освоить. Конечно, я им

владею далеко не в совершенстве, но разобрать могу.

– Ну давай разбирай. Хотя погоди. На втором листке такая же ахинея?

Анна посмотрела:

– Нет. Здесь совсем другое. Это похоже... Ты мне не поверишь, Нурия, но это похоже на... какую-то инструкцию типа плана поиска сокровищ...

– А карта есть? – осведомилась практичная Нурия.

– Чего нет – того нет, – развела руками Анна.

– Ладно. И так сойдет. Только начинай читать, пожалуйста, с этой, второй, бумажки. А помолимся мы потом, на досуге.

Анна рассмеялась, но послушно начала чтение со второй странички.

Глава 15

Начало есть конец, конец всему начало.
И все ж начни, пожалуй, с шести часов утра.
Прыжок один, потом – подряд четыре шага.
Теперь придумать новую нам заповедь пора.
Когда увидишь сосны, к шестой шагай ты смело.
Присядь под ней, подумай ты час, а лучше – два.
Как только сил прибудет, тотчас берись за дело,
Но берегись – под деревом всего лишь пустота.
Ты вспомни, как начался, герой, твой третий подвиг.
Гнилое сердце яблока отбрось, а плод – возьми.
Вторую половинку себе оставь, но помни:
У торопыг впустую летят, как стрелы, дни.

– Что за дребедень? – взывала Нурия, не дослушав. – Стихи какие-то корявые. Ничего не понимаю! Где тут про клад?

– Ты сначала дослушай, а потом возмущайся, – урезонивала подругу Анна, не отрывая глаз от текста. – Может, я, конечно, ошибаюсь, но мне кажется – это зашифрованное указание для поиска какого-то тайника. Шифр, конечно, наивный, но это же писалось триста лет назад. К тому же наверняка предназначалось для конкретного человека и не должно было попасть в чужие руки.

– По-моему, все это глупости, – фыркнула подруга, не разделяя уверенности Ани. – При чем тут яблоко, например? Или сокровище представляло собой плодово-овощную базу?

– Наверное, метафора такая, – пожалала Анна плечами. – Давай дочитаем, а потом уже будем думать, что это такое.

– Ну валяй. Много там еще?

– Ровно половина.

– О господи!

Теперь припомни заповедь, шестую и девятую.
Передохни, ведь труден твой и опасен путь.
Путь долг, но в конце его ждут две звезды закатные...

– О, какая чушь, мама дорогая! – не сдержалась Нурия. – Ну давай дальше!

Но лишь в святой четверг. Об этом не забудь.
У самого порога постой, спешить уж некуда.
Ты в двух шагах от истины, но ложен первый шаг.

– По-моему, все это бред, от начала и до конца, – последовал очередной комментарий, но Анна продолжала читать, делая вид, что оглохла.

Как перед Пасхой святой идет страстная среда,
И первый и второй ларец пусты, лишь в третьем – клад.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее! – оживилась Нурия. – Что там у нас про клад?

Она попыталась заглянуть в пергамент через плечо Анны, но, наткнувшись на малопонятную вязь старинных букв, только застонала от разочарования.

– Осталось всего одно четверостишие, – утешила ее Анна. – Потерпи.

Из кучи драгоценностей...

– Так их там целая куча? Ура! Немедленно идем искать это место!

Из кучи драгоценностей две верхних только выбери.

– А вот это – фигурки!..

Не торопись, от выбора зависит жизнь твоя.

– Ну, тогда другое дело!

Святой четверг спасет тебя и звук святого имени.
Я ж замолкаю – миссия закончена моя.

– И чего он привязался к святому четвергу? Ладно, читай дальше!
– А все. Больше ничего нет.
– Как это?
– Да вот так. Это все, что написано на этом листке. Внизу еще есть подпись написавшего, что-то вроде автографа.

Нурия разочарованно вздохнула:

– Ладно. Может, во втором документе есть какие-нибудь пояснения? Но тут все слишком туманно. Особенно мне не понравилось про яблоко.

– Мне тоже не слишком ясно, – согласилась Аня. – Впрочем, это не имеет значения. Бумаги принадлежат той старушке. Их все равно придется вернуть.

– Разумеется. Но ведь сначала ее надо найти? А пока ты этого не сделала, давай прочитаем вторую бумажку. Ну, пожалуйста! – Нурия умильно сложила руки на груди.

– Ладно. Давай читаем и вторую, – смилостивилась Аня и рассмеялась. Только не перебивай!

– Ни-ни. Читай. Я вся внимание.

«Встань, Господь, услышь голос раба твоего, посреди вороньего клекота нечестивцев, осквернивших леса и поля благословенной земли. Услышь в тот час, когда я готов исполнить твою волю и скрыть великую тайну в паутине слов до тех пор, пока не придет время. Отец наш, царствующий в вечности, первый защитник, луч солнца, согревающий своим теплом каждую тварь...»

– Ты что это делаешь?

– Ну как что? Записываю, – с невинным видом пояснила Нурия.

– Зачем?

– Бумажки мы вернем. Тут ты права. Но никто не запрещает нам оставить себе копию. На память. Все-таки свидетельство старины глубокой или как там говорится? Это же молитва? Молитва. А вдруг она чудодейственная?

– И от чего она должна чудодействовать, по-твоему? – с ехидной улыбкой осведомилась Анна.

– Мало ли от чего? Вот мы и проверим.

– Ладно. Бог с тобой. Делай что хочешь, – отмахнулась Аня, а Нурия снова с готовностью взялась за карандаш.

– Так, на чем я остановилась? Вот: «...каждую тварь. Благослови меня своей милостью. Удостой послать ко мне своего Белого Ангела. Пусть он

проведет меня сквозь мрак, укажет путь к истине – самому бесценному сокровищу, которое откроется только посвященному. Веруйте, ибо воздастся вам по вере вашей. Завтра на закате я приму смерть. Участь, что ожидает меня, не страшна мне, ибо я исполнил волю Всевышнего и верую: каждого из своих детей он встретит с улыбкой у порога вечности. Но лишь истинный верующий, почитающий Бога и святой крест, спасется. Белый Ангел укроет его от дьявольского огня и дарует бессмертие на небесах...»

– Господи, какой длинный текст!

– «...Молитесь во избавление от проклятия, что несет черный ангел. Веруйте, святой крест защитит вас, когда черный ангел, омытый кровью невинных жертв, взойдет на...

– Ты чего замолчала? Там что, неразборчиво? – забеспокоилась Нурия.

Анна, словно не слыша ее, продолжала тарачиться на листок пергамента.

– Ань, ты чего?

– Нет, ничего. Все нормально, – пробормотала Анна и, явно сделав над собой усилие, продолжила чтение:

«...взойдет на Черный Трон. И тьма поглотит землю, и наступит хаос. И люди забудут Бога, если это произойдет. Аминь».

– М-да, просто Апокалипсис какой-то вырисовывается, – задумчиво протянула Нурия и почесала карандашом макушку. – Ну да ладно. Видать, этот богослов – или кто он там – все выдумал. Ведь столько лет прошло, а тьма землю не поглотила.

Анна машинально кивнула, мучительно раздумывая, есть ли какая-нибудь связь между Черным Троном из документа и тем, что стоит в музее восковых фигур.

– Там больше ничего не написано? – поинтересовалась Нурия, отвлекая девушку от мрачных мыслей.

– Нет, только дата и подпись: «Написано в год 1692, 12 сентября, преподобным Джорджем Барроусом».

– Интересно, он действительно умер на следующий день?

– Да, – с неожиданной уверенностью кивнула Анна. Она могла бы поклясться, что в музее даже не взглянула на табличку под фигурой висельника с благородным лицом, но сейчас перед ее глазами отчетливо возникла надпись, сделанная каллиграфическим почерком на белой табличке: «Пастор Джордж Барроус. Приговорен к повешению. Казнен 13 сентября 1692 года».

– А откуда ты знаешь? – изумленно приподняла брови Нурия, глядя на Аню с интересом. – Ясновидишь, что ли? – Да нет, его восковая фигура

есть в музее.

– Надо же, а я и не заметила! погоди, это не тот интересный мужчина с галстуком?

– С каким еще галстуком?

– Ну, с петлей на шее. Он, да?

– Он. Получается, что он действительно написал это перед самой смертью. Но зачем?

– Может, отвлечься хотел? Знаешь, коротать ночь перед казнью – не сладко. Мысли всякие в голову лезут. Мне его даже жалко. Как ты думаешь, он действительно писал о каком-то кладе?

– Не знаю. Вроде похоже, но слишком мало ориентиров. Наверное, тот, кому предназначалось послание, знал, о чем идет речь. Кроме того, за столько лет в окрестностях города все изменилось. Сосен, например, я здесь вообще не видела, только ели.

– Действительно. Нет, погоди-ка! Есть сосны! – радостно откликнулась Нурия.

– Где?

– Ты не поверишь! Возле музея восковых фигур! Позади него целая сосновая аллея!

– Опять этот музей, – неприятно поразилась Аня.

– Ань, а можно я спрошу?

– Ну?

– Давай этот стишок все-таки перепишем? Мне просто интересно, никогда не видела пособия по поиску кладов. Ну, давай, а?

– Ладно, давай перепишем, – уступила Аня. Она и сама заинтересовалась странным посланием и его необъяснимой связью с интересующим ее музеем. Что-то в последнее время она то и дело натывается на него в своих расследованиях. Неспроста это, ох неспроста.

Глава 16

Отправляясь на следующее утро к Нику в больницу, Анна первым делом сунула в сумку театральную сумочку старушки, перед тем тщательно проверив, все ли там на месте. У нее возникли подозрения, что вещи могут исчезнуть так же внезапно, как и появились, но и пергамент, и камень преспокойно лежали на своем месте.

У Ника Анна задержалась довольно долго, радуясь, что мальчик уверенно идет на поправку. В Дэнверс она вернулась уже во второй половине дня и сразу же отправилась в музей, надеясь отыскать таинственную владелицу странных вещей.

Вместо старушки у кованых ворот маячил сам хозяин, такой же тяжелый и мрачный, как чугун, из которого были выкованы эти самые ворота. Анна поначалу собиралась нырнуть в кусты, чтобы лишний раз не встречаться с нелюдимым человеком, но потом набралась смелости и решила подойти к нему, чтобы задать несколько вопросов. Она ожидала, что смотритель, не церемонясь, прогонит любопытную иностранку, но он молчал, исподлобья наблюдая, как Анна на негнущихся ногах приближается к нему.

– Здравствуйте, – вымученно улыбнулась она, уже жалея о своем поспешном решении, потому что вблизи Дикон напомнил ей гранитную гору или действующий вулкан.

– Чему обязан? – несколько старомодно откликнулся он на приветствие девушки. Он, конечно, был не вежлив, но и откровенной агрессией не отличался, поэтому Анна немного осмелела.

– Извините, что беспокою, – пролепетала она, – но в вашем музее меня заинтересовала одна фигура. Фигура молодой рыжеволосой женщины. Мне кажется, я встречалась в городе с девушкой, которая носит то же имя, что и ваша героиня. Они случайно не родственницы?

Дикон неожиданно хохотнул. Правда, Анна не сразу сообразила, что это смех, решив, что гигант просто поперхнулся.

– А почему бы вам самой не спросить об этом ту... хм... девушку? – Он, поглядел на Аню с откровенной издевкой.

– Ну, понимаете, я... мне бы не хотелось... – промямлила она, силясь найти более менее правдоподобное объяснение.

– А как у вас со зрением, детка? – не дожидаясь, пока она разродится ответом, неожиданно поинтересовался мистер Патнэм.

– Ну, если честно, то не очень, – растерянно призналась Анна.

– Тогда понятно, – все еще усмехаясь, кивнул великан.

– Что?

– То, что вы называете девушкой девятиностолетнюю старуху Ингерсол, которая к тому же пропала почти год назад.

– Как это пропала?

– Не знаю, как, просто исчезла – и все дела. Так вы о ней говорили?

Не обращая внимания на сарказм в его голосе, Анна лихорадочно пыталась переварить информацию и решила, что единственное верное решение – выложить этому человеку правду или хотя бы часть ее.

– На самом деле, я не знаю, кто такая Сара Ингерсол, и даже до этой минуты не была уверена, что она существует на самом деле... – начала была она.

– Опять врете.

– Да что вы, в самом деле! – возмутилась Анна. – Я говорю правду!

– Нет, врете, – продолжал настаивать великан, явно получая удовольствие от ее замешательства. И она вдруг сообразила, что находится практически один на один с этим странным и опасным человеком. На улице не было видно ни единого прохожего.

И вдруг Патнэм наклонился к девушке так близко, что она смогла разглядеть маленькие черные точки на его мясистом носу, и сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Мне кажется странным, что вы не знаете имени человека, в доме которого живете.

– Но я живу в доме своей подруги, которая снимает его!

– У кого?

– Не знаю, у какой-то фирмы, – пробормотала Анна, холодея.

– Этот дом принадлежал Саре Ингерсол, если вы и в самом деле этого не знали. Если не верите, посмотрите внимательнее на то старье, которое, я думаю, осталось в доме, наверняка обнаружите что-то, что подтвердит мои слова.

– Хорошо, я посмотрю, – покорно согласилась Анна. Она не удержалась и сделала несколько шагов назад, отодвигаясь от огромного лица великана. И вдруг услышала, как где-то сбоку едва слышно хрустнула ветка: кто-то их подслушивал. Обнаружив это, Аня не решилась спрашивать Патнэма о хозяйке сумочки. Кроме того, ей ужасно хотелось побыстрее убраться отсюда. Пробормотав нечто бессвязное на прощание, она повернулась, чтобы уйти, но Патнэм с неожиданной для его неповоротливой фигуры ловкостью ухватил ее за руку и негромко сказал:

– Не знаю, кто вы, но я бы на вашем месте оставил это дело. Очень неосмотрительно принимать слишком близко к сердцу судьбу постороннего человека. А если он мертв, это не просто глупо, но и опасно.

Не поняв из сказанного ни единого слова, Анна раскрыла было рот, чтобы спросить, кого именно имеет в виду Дикон, но он уже удалялся от нее, шагая на своих длинных ножищах по направлению к музею. Последовать за ним Анна не решилась, проявив благоразумную сдержанность.

Наши лучшие и самые разумные поступки очень часто доставляют нам впоследствии немало неприятностей. Вот и сейчас, идя по дорожке к припаркованной неподалеку машине, Анна сожалела о том, что не решилась расспросить гиганта поподробнее. Легко ему говорить загадками, а у нее в голове теперь настоящая каша. Надо же, они с Нурией и Лелькой живут в доме загадочной Сары, которая, с одной стороны, пропала год назад, а с другой – совсем недавно назначила профессору свидание. Единственное утешение, что Сара все же реальный человек, а не восковая кукла. Но где она скрывается? И зачем она это делает? Как-то не совсем уместно играть в прятки, когда тебе девяносто лет.

Ведя спор сама с собой относительно того, правильно ли она поступила, Анна дошла до машины, забралась внутрь и взялась за рычаг переключения скоростей, как вдруг у нее над самым ухом раздалось тихое:

– Извините...

Анна подскочила на месте, больно ударившись макушкой о крышу автомобиля, тихо охнула и обернулась.

– Ты зачем здесь? – не слишком приветливо спросила она, держась за ушибленное место и скривившись от боли.

– Простите, я хотела с вами поговорить, но, если отец увидит, он меня убьет.

– Вот так прямо и убьет?

– Нет, конечно, но синяков наставит обязательно. Смотрите.

Керри, а это была она, задрала длинный рукав своей блузки и продемонстрировала Анне несколько кровоподтеков на предплечье.

Анна присвистнула. Зрелище тонкой девичьей руки, покрытой багровыми синяками, действительно впечатляло.

– Ладно. Прости, что накричала, – смягчилась Аня. – Зачем я тебе понадобилась? Кстати, это ведь ты подслушивала в кустах?

Девушка кивнула и покраснела. Анна смутилась еще больше. Как заслужить улыбку Фортуны? Нет, в самом деле, почему одним она постоянно улыбается, как какая-нибудь кукла Барби, стереть улыбку с лица

которой возможно только вместе с самим лицом, а другим демонстрирует... ну, если не задницу, то весьма недружелюбный оскал? Когда родилась Керри, эта капризная небожительница, очевидно, пребывала в самом паршивом настроении. С самого младенчества окружающие, превознося доброту и покладистый характер девочки, избегали говорить о ее внешности. Те, кто был настроен менее дружелюбно, откровенно говорили, что она уродлива. К сожалению, это было правдой. С этой девочкой не сработало даже старое доброе правило, гласящее, что из гадких утят непременно вырастают прекрасные лебеди. Увы, из нее выросло именно то, что должно вырасти из неуклюжего, длинноносого, криволапного утенка. В ее внешности не было ни единой черты, на которой можно было бы остановить взгляд, не содрогаясь от отвращения. Единственное, что было в ней безупречным, – это характер. Керри была доброй и отзывчивой, всегда готовой помочь всякому, кто попросил бы ее об этом.

Никто не знал, что творилось в душе бедной девочки, просто потому, что ни единого раза с ее губ не слетело ни единой жалобы, хотя она не могла не понимать, что в ее присутствии даже самая последняя дурнушка выглядела привлекательной. Было бы, наверное, даже справедливо, если бы она возненавидела весь белый свет из-за своего уродства, но она всегда казалась приветливой и милой, так что горожане только диву давались подобной кротости нрава.

Анна почувствовала прилив жалости к несчастному ребенку и спросила гораздо ласковее, чем собиралась:

– Расскажи мне наконец, о чем ты хотела поговорить?

– О Саре Ингерсол. Вы ведь о ней спрашивали?

Анна насторожилась.

– Что ты о ней знаешь? – осторожно спросила она.

– В общем-то, немного, – призналась девочка неохотно. Было видно, что ей очень хочется заинтересовать Анну, и она мучительно соображает, как лучше это сделать. – Я знаю кое-что о Саре такое, что вам не расскажет никто в нашем городе. – Анна уловила в ее голосе вызов.

– Вот как? Ты знаешь что-то, чего не знает никто?

– Знают как раз все, но ни за что не расскажут. Особенно вам.

– Почему?

– Потому, что вы чужая.

– Что ж, это справедливо, – кивнула Аня. – А почему ты хочешь рассказать то, о чем чужим говорить не следует?

– Не знаю, – призналась девочка, кусая губы. – Вы необычный человек. Я это чувствую.

– Не понимаю...

– Ваши глаза...

– Ну, в вашем городе достаточно необычных глаз, – улыбнулась Аня, имея в виду разный цвет радужной оболочки. Кстати, она обратила внимание, что у Керри глаза располагались «неправильно» – голубой был «не с той» стороны, что, если верить Дороти Спарк, должно было означать, что Керри – прирожденная колдунья, чего сама Анна ни при каких обстоятельствах утверждать бы не стала.

– Так почему тебе кажутся необычными мои глаза? – еще раз спросила она.

– Я неправильно выразилась. Не глаза, а взгляд. – Девочка помолчала, подбирая нужные слова. – Он не человеческий, затягивает, будто омут. Вы не сердитесь?

– Нет. – Анна покачала головой и озабоченно подумала: когда же это она прокололась и позволила этой наблюдательной девочке заметить необычное воздействие своих глаз? Обычно она строго контролировала себя и по-возможности старалась не смотреть подолгу в глаза кому бы то ни было, но не в этом случае. Оправдываться было бесполезно. Любые объяснения только ухудшили бы ее положение, поэтому Анна сочла за лучшее промолчать, ожидая, что девочка продолжит разговор сама. Так и произошло.

– Вы знаете, Сара тоже была необычной женщиной, – призналась Керри. – Но не такой, как вы: она была страшной. Все считали, что она ведьма и страшно боялись ее. К счастью, в последние годы Сара редко выходила на улицу: возраст давал о себе знать. Но когда она все же выбиралась из своего дома, то матери загоняли детей по домам. Даже собак старались забрать во двор. Когда Сара пропала, все вздохнули с облегчением. После нее остался дом, но никто не хотел там поселиться, хотя дом крепкий, а в нашем городке полно тех, кому бы пригодилось хорошее жилье. К сожалению, ваша подруга ничего не знала о бывшей хозяйке, когда снимала его.

– Так вот почему он стоил так дешево?

Керри кивнула.

– Скажи, а почему ты не предупредила об этом Лелю? Вы ведь, кажется, дружите?

– Я не знала, как, – призналась девочка. – Она бы не поверила. И мне не хотелось, чтобы она считала меня суеверной.

Анна понимала ее. Вряд ли у Керри было много подруг. Во-первых, из-за слишком строгого отца, во-вторых, из-за ее отталкивающей внешности.

Подружившись с веселой и общительной Лелькой, Керри боялась отпугнуть ее неосторожным словом и терзалась от необходимости сказать правду о доме и невозможности это сделать.

– Спасибо, что ты предупредила меня, – поблагодарила Анна.

– А вы не скажете Леле, что это я вам рассказала?

– Конечно, нет.

– Спасибо. Можно я еще спрошу?

– Пожалуйста.

– Вы не заметили ничего странного в доме Сары?

– Нет. Мне кажется, что жители вашего городка несколько преувеличивают способности Сары. Наверное, она была вполне безобидной старухой. Так что не беспокойся, все будет нормально. Договорились?

Ане показалось, что Керри ответила на ее слова каким-то странным взглядом. В нем неожиданно проскользнуло выражение, очень похожее на жалость и снисходительность. Но, прежде чем Анна успела разобраться в значении этого взгляда, Керри уже опустила глаза, прикрыв их редкими белесыми ресничками. Она почувствовала, что девочка рассказала далеко не все, но ее намерение продолжить разговор не осуществилось: Керри, точно испуганная птичка, выпорхнула из машины и скрылась в густых кустах, росших вдоль дороги.

Глава 17

Иногда с Анной начинало происходить такое, чего сама она не любила и до сих пор побаивалась. Необычный дар, которым наградила ее природа, проявлялся всегда неожиданно, совсем не тогда, когда она сама этого хотела. Иногда это принимало форму сна, иногда видения посещали ее в сознательном состоянии, появляясь в мозгу в виде ярких, отчетливых картинок. Ей понадобилось немало времени, чтобы научиться в такие моменты преодолевать естественный страх. Поначалу эти видения заставляли ее сомневаться в своей нормальности. И она до сих пор не могла поверить в то, что видит реальные картины будущего вот так запросто, настолько они порой бывали неправдоподобными.

После того как Керри поспешно выскочила из машины, Анна некоторое время сидела в задумчивости, пытаясь осмыслить недавний разговор с девочкой. Так и не придя к какому-то выводу, она уже собралась тронуть машину с места, как в ту же минуту зажмурилась от сильной боли, пронзившей мозг подобно стальной игле. Девушка вскрикнула и откинулась на спинку сиденья, по-прежнему не открывая глаз. Из темноты проступили очертания незнакомого места, напоминавшего хорошо подстриженный газон в окружении ухоженных деревьев. Вдалеке она увидела маленькие шевелящиеся точки, которые при ближайшем рассмотрении оказались небольшой группой людей и животных. Это были лошади. Картинка на время пропала, но тут же появилась вновь. Теперь Анна видела всадницу верхом на коне, которая неслась вперед галопом, по направлению к препятствию с явным намерением преодолеть его. Анна не видела лица всадницы, только спину, но почувствовала, что сейчас произойдет нечто ужасное. Люди, мимо которых мчалось пущенное в галоп животное, наблюдали за бешеной скачкой спокойно, почти равнодушно, но у Анны колотилось сердце. Забыв, что это всего лишь видение, она закричала, чтобы остановить несчастную. Лошадь взвилась в красивом прыжке, будто зависнув над барьером, а затем Аня увидела, как хрупкая фигурка, выскользнув из седла, летит вниз, прямо под копыта. Если бы Анна не сидела с закрытыми глазами, то зажмурилась бы, не желая видеть дальнейшего, но это было не в ее власти. Она увидела все – и падение, и страшный удар копытом по голове, и бегущих в панике людей, и мечущуюся по поляне лошадь, потерявшую всадницу.

Какая-то женщина наклонилась над лежащей ничком на земле,

осторожно перевернула ее на спину. Ане не нужно было видеть ее лица, чтобы понять, кто перед ней. При падении с головы девушки слетела жокейская шапочка, и теперь траву устилали волнистые золотые волосы. Девушку перевернули, и Анна вновь застонала: залитое кровью, на нее смотрело бледное до синевы лицо Лельки.

Ничего не соображая, Анна рванула рычаг, вдавила до упора педаль газа и помчалась к дому Нурии на такой скорости, что прохожие вжимались в заборы, даже находясь на тротуарах. Затормозив так, что взвизгнули с обидой тормоза, Анна, бросив машину перед калиткой, понеслась к дому, спотыкаясь на высоких каблуках.

Выражение лица Нурии, которая выскочила на крыльцо, слышав отчаянный визг тормозов, не оставляло сомнений: Анна опять увидела правду. Но почему так поздно?!

– Где Лелька? Что с ней? – выговорила Анна, с трудом переводя дыхание.

– Ты уже знаешь? Откуда? – встревоженно спросила Нурия.

– Видела, – последовал короткий ответ. – Где она?

– Видела? Но тебя же там не было? Ах да, прости, я забыла...

– Она жива? – замирая от страха услышать ответ, прошептала Аня. – Эта проклятая лошадь не убила ее?

– Да, ты знаешь, ей просто повезло. Машина...

– Какая машина? – опешила Анна. Она с недоумением взирала на подругу, ноги ее не держали. Чтобы не упасть, она привалилась к деревянному столбу, поддерживающему козырек над крыльцом.

Нурия растерянно молчала, видя, что Аня явно не в себе. Так оно и было. Вдруг на ее глазах лицо Анны, и без того испуганное, приобрело совсем уж непонятное выражение: глаза расширились, рот приоткрылся, а из груди вырвался протяжный вздох. При этом смотрела она куда-то за спину Нурии. Та обернулась, чтобы узнать причину, и увидела Лельку, которая стояла в дверях и выглядела немногим лучше Анны.

– Ты зачем встала? Ну-ка марш в кровать! – набросилась на нее мать, быстро поднимаясь по ступенькам.

Анна тем временем пришла в себя, хотя по-прежнему ничего не понимала, и последовала за ними в дом. Насколько она могла судить, на Лельке не было ни царапины. Но как же тогда проломленный череп, который она видела собственными глазами? Неужели она ошиблась?

Минут через пять все выяснилось. Перебивая друг друга, мать с дочерью рассказали ей о том, как Лелька чудом избежала смерти под колесами автомобиля. Да-да, никакой лошади не было, хотя опасность была

не менее реальной.

– Ты понимаешь, – говорила Леля, которая уже оправилась от первого испуга и теперь воспринимала случившееся как захватывающее приключение, – я спокойно переходила улицу, как вдруг машина, которая была еще далеко, неожиданно прибавила скорость и понеслась прямо на меня. Я попробовала отскочить, но автомобиль вильнул в мою сторону. Хорошо, что все обошлось, он даже не задел меня, потому что я просто свалилась от испуга и откатилась в сторону. Вот смотри, только коленку разбила, да и то когда падала.

На коленке и в самом деле имелась весьма внушительная ссадина, но совершенно неопасная для жизни. Сейчас, видя перед собой девочку живой и здоровой, Анна совершенно успокоилась и обрела способность рассуждать здраво. Она еще не решила, стоит ли рассказывать друзьям о своем видении, но происшествие с машиной тоже казалось ей весьма подозрительным.

– А что автомобиль? Он скрылся? – спросила она, когда Лелька закончила живописать свои приключения и ненадолго примолкла, чтобы перевести дух.

– Нет, водитель сразу затормозил и всячески пытался оказать Леле помощь, – ответила вместо дочери Нурия.

– Надо же, сознательный какой, – проворчала Анна. – Раньше надо было сознательность проявлять. Куда он смотрел?

– Ты знаешь, я тоже удивилась. Я ведь его хорошо знаю. Это Гордон, владелец местной газеты, очень порядочный человек, – закивала Нурия. – Если честно, мне показалось, что от пережитого он слегка помешался.

– С чего ты взяла?

– Да он нес чушь какую-то.

– Какую именно?

– Ну, говорил, что машина сама по себе на Лельку наехала. Сначала скорость увеличилась, тормоза отказали, потом вилять начала...

– Руль вышел из строя, – кивнула Анна, – а потом оказалось, что все работает нормально, – неожиданно закончила она.

Нурия посмотрела на нее с удивлением:

– Откуда ты знаешь?

– Да ничего я не знаю, – отмахнулась Аня. – А что, так оно и было?

– В точности. Думали, что он выпил, хотя он вообще-то убежденный трезвенник, но оказалось, что он спиртного даже и не нюхал. Может, от жары голову напекло?

– Может, – легко согласилась Анна. «Только вряд ли», – мрачно

добавила она про себя.

– А ты знаешь, Ань, меня ведь об этом предупреждали, – неожиданно вмешалась Лелька. – Только я не поверила.

– Кто предупреждал? – резко повернулась к ней Анна.

– Тебе что, угрожали? – всполошилась Нурия. – Гордон? Господи, бред какой! Да говори же!

– Никто мне не угрожал, – обиделась Лелька. – Чего вы разорались на пару?

– Ладно, извини. Просто мы очень волнуемся. Поэтому расскажи, пожалуйста, кто тебя предупредил и с какой стати, – спокойно попросила Анна.

– Керри, кто же еще? – пожала плечами девочка. Она немного помедлила, словно желая их помучить, а потом выпалила: – Она у нас что-то вроде тебя, Аня. Предчувствует беду и даже предупреждает об опасности. Только ей никто не верит. – Лелька опустила глаза и добавила тише: – Я тоже не поверила, а вон как все вышло.

– Слава богу, ничего не вышло. Ты жива и здорова, – возразила Аня. – И часто ваша Керри такое проделывает?

– Ты говоришь так, словно подозреваешь, что она сама сидела за рулем, – обиделась за подругу Леля. – Если хочешь знать...

– Знаю, ее там не было.

– Почему...

– Потому что в это время мы разговаривали с ней, сидя в машине.

Анна испытывала подозрения относительно странной девочки, но факт оставался фактом: та была рядом с ней и никак не могла подстроить несчастный случай с Лелькой. О своих сомнениях Анна предпочитала помалкивать, чтобы не беспокоить зря и так расстроенную подругу, но выяснить кое-какие подробности ей очень хотелось, поэтому она повторила свой вопрос:

– Часто ли Керри предупреждает о возможном несчастье?

– Да нет, – с видимой неохотой ответила девочка, чувствуя недоверие Анны.

– Только тебя или других тоже?

– Это что, допрос?

– Лелька, перестань! Никакого допроса. Тебе что, трудно ответить? – вмешалась Нурия.

– Если честно, то был всего один случай, – призналась Леля. – Это случилось почти год назад. Мы с мамой как раз только что приехали, я даже еще не знала, в какой комнате меня поселят – я ведь собиралась жить

в общем кампусе. А Керри жила с соседкой, у них сложились хорошие отношения, не дружили, но ладили. С Керри никто не хотел по-настоящему дружить, из-за... из-за ее... внешности. Но Ребекка ее не обижала. В тот раз Ребекка полезла мыть окно.

– А разве девочки сами убирают комнаты?

– Ну да, это что-то вроде трудовой повинности. В воспитательных целях, – усмехнулась Леля. – Так вот, Ребекка открыла окно и влезла на подоконник, а Керри говорит: «Лучше не надо. Давай я сама вымою». Ребекка только отмахнулась, была ее очередь, и ей хотелось быстрее покончить с неприятным делом. Она не хотела быть обязанной Керри и не приняла ее помощь. Но Керри не обиделась, она попыталась отговорить Ребекку еще раз. Разумеется, та только рассмеялась. Тогда Керри ушла... – Леля замолчала. По ее личику пробежала тень, будто она снова увидела что-то ужасное. Тряхнув головой, она продолжала: – Я стояла во дворе. Мы уже были знакомы тогда с Керри, и она как раз собиралась показать мне музей. Когда мы дошли до ворот, то услышали крик, а потом увидели, как из окна третьего этажа вывалилась Ребекка. Она летела очень медленно, по крайней мере, так мне показалось, а потом неудачно упала на землю.

– Что значит неудачно?

– Ну, если бы она упала на газон, который под окнами, то с ней бы ничего не случилось, сломала бы что-нибудь на худой конец, а она приземлилась головой прямоком на каменную дорожку. Знаете, до сих пор в глазах стоит эта картина: у нее голова раскололась, как перезрелая дыня...

Лелька судорожно вздохнула и отвернулась. После ее рассказа беспокойства у Анны не убавилось. Все эти разговоры о ведьмах, отрезанных головах, разноцветных глазах и прочих суевериях основательно попортили ей нервы. Особенно злило то, что она никак не могла сообразить, откуда у всего этого ноги растут, или, если угодно, голова. Аня видела, что Леля расстроилась и устала, но решила все же поговорить с ней еще об одном.

– Леля, а у вас в колледже есть лошади? – осторожно спросила она. Нурия бросила на подругу встревоженный взгляд, удивляясь, с чего это Анну так зациклило на лошадях. Но говорить ничего не стала, надеясь, что Анна сама все объяснит. Ее вопрос о лошадях удивил и Лельку, но она ответила с готовностью:

– Конечно, есть целая конюшня. Причем у каждой из нас практически своя лошадь.

– Это как?

– Одна на двоих. Мою зовут Кора. Очень красивая. А почему ты

спрашиваешь? – все-таки не удержалась она.

Анна словно не услышала вопроса.

– Когда у вас следующее занятие?

– Не занятие. Экзамен, – поправила Лелька. – Завтра.

– Ты не должна садиться на лошадь, – твердо сказала Анна.

Нурия хлопала ресницами и открыла рот, но Лелька опередила мать:

– Да ты что, Ань? – возмущенно начала она. – Из-за этой аварии, что ли? Так со мной ничего не случилось!

– Ты не должна, поверь мне и сделай, как я говорю.

– Но это же экзамен! Мне поставят незачет, и что я потом буду делать?

Анна кусала губы, не зная, как убедить заупрямившуюся девочку. Она с надеждой посмотрела на Нурию, но та только пожала плечами, не вполне понимая, что происходит. Анна не могла рассказать о виденной картинке. Она все еще сомневалась, что это пророчество, а пугать Лелю и ее мать ей совсем не хотелось. Поэтому она сделала еще одну попытку.

– Леля, выполни мою просьбу! Обещаю, что потом все тебе объясню.

– Ну уж нет. Мне это не нравится! – закусила удила девочка. – Мало мне маминых нравоучений, так еще вы приехали! Знаете что? Меня не надо воспитывать! Воспитателей и так хватает. А если вам очень хочется, то родите себе ребенка и на нем тренируйтесь!

– Лелька! Прекрати! – заорала Нурия, но девочка ее не слушала. Она вскочила и выбежала из комнаты. Мать сделала попытку догнать дочь, но Аня удержала ее за руку, прося остаться на месте.

– Анька, прости. Не понимаю, что на нее нашло! – заговорила Нурия, виновато глядя на подругу. – Словно бес вселился.

– Не переживай. Она в общем-то права. Я не имею права учить ее, – грустно улыбнулась Анна, стараясь сдержать слезы. Ей было обидно, но она старалась не показать вида.

– Да брось ты! Лелька – малявка и должна слушать взрослых. Но она просто трясется от одной мысли, что ее сочтут неуспевающей и она потеряет право учиться в колледже. У них все очень строго.

– Понимаю, – кивнула Анна. – Будем надеяться, что я была не права и все кончится хорошо.

Глава 18

Проснулась Аня рано, но вниз спускаться не спешила. Ей не хотелось смущать Лелю своим появлением. Она знала, что переубедить девочку не в ее власти. Но не связывать же ее, в самом деле, а просто так сотрясать воздух не имело смысла. Для себя она все же решила, что подойдет к началу экзамена и сделает еще одну, последнюю, попытку, для чего подробно расспросила накануне Нурию, во сколько этот экзамен начинается. А пока она просто лежала и разглядывала старый, давно не беленный потолок, прислушиваясь к доносившимся снизу редким фразам, которыми перебрасывались дочь с матерью. Слов было не разобрать, но, судя по раздраженному голосу девочки, Нурия пыталась сделать то, от чего Анна накануне благоразумно отказалась. Громко хлопнувшая входная дверь возвестила, что пыталась она совершенно напрасно.

Аня не удержалась, соскочила с кровати и подбежала к окну, чтобы взглянуть на уходящую девочку. Лелька в аккуратной школьной форме – серая двойка до колен, белые гольфы и туфельки без каблуков, – выглядела немногим лучше, чем угрюмый заключенный в тюремной одежде. Сходство усиливала большая холщовая сумка через плечо, в которой, как догадалась Анна, лежала спортивная форма для выезда. Лелька дождалась мать и понуро побрела за ней к машине, как дикий зверек, временно прирученный, но вполне способный вернуться к своему первобытному состоянию. Анна покачала головой и отошла от окна. Ее терзали угрызения совести из-за того, что она со своими видениями послужила причиной размолвки между матерью и дочерью, которые на ее памяти вообще ни разу не ругались. Эта мысль привела Анну к неожиданному открытию: в самом деле, она только сейчас заметила, что Лелька, всегда ласковая и послушная, здорово изменилась, превратившись в нервного, настороженного подростка. У Анны не было опыта в воспитании детей, но она, кажется, читала, что с ними происходят подобные метаморфозы в переходном возрасте. Ей, правда, казалось, что Лелька уже вышла из этого возраста, а вот, поди ж ты, и ее эта чаша не миновала.

Поскольку скрываться больше не было необходимости, Анна спустилась вниз. На столе ее ждал завтрак, заботливо укутанный в прозрачную пленку – нарезанные сыр, колбаса и поджаристые гренки.

Есть не хотелось. То ли от расстройства и чувства вины, то ли из-за мерзкого запаха, который не только не выветрился, но стал как будто

сильнее.

– Нет, это просто невозможно! – вслух сказала Анна, сердито оглядываясь. День обещал быть жарким. Несмотря на раннее утро, пекло, как в аду на сковородке, а запах настолько усилился, что просто было нечем дышать.

– И как только Нурия терпит эту вонь? Пора бы разобраться, в чем дело, – пробормотала Анна себе под нос и направилась к запертой двери в подвал.

Увидев замок, она вспомнила, что у нее нет ключа, но, так как настроена она была весьма решительно, это ее нисколько не смутило. Бурная деятельность, которую она развила, пытаясь отыскать ключ, очень заинтересовала Каспера. Пользы от него было мало, в основном он путался под ногами и один раз по неосторожности не успел убрать хвост, который Анна едва не отдала. Трагедию удалось предотвратить, но Каспер от неожиданности полоснул Аню лапой по голой ноге, оставив две глубокие царапины.

– Каспер, брысь отсюда! – сердито прикрикнула Аня, потирая рукой поцарапанную лодыжку. Тот мяукнул из вредности, но с места не сдвинулся. – Ну и ладно. В следующий раз наступлю на хвост – не жалуйся.

Каспер будто понял ее угрозу и явно принял ее близко к сердцу, так как сию же минуту взлетел в безопасное место – на полочку в прихожей. Сделал он это неудачно, так как попутно сшиб с полки деревянную шкатулку, расписанную под хохлому, которой снизу Анне просто не было видно. Та упала, и Анна в изумлении уставилась на внушительных размеров ключ, выпавший из шкатулки, который безуспешно искала вот уже битый час.

– Ну ты даешь, дружок! – обрадованно воскликнула она, тут же простив коту оцарапанную ногу. – Я бы ни за что не догадалась искать его там. Каспер высокомерно отвернулся, но долго вообразить ему не позволило врожденное любопытство, и, как только Аня принялась возиться с замком, он опять уже вертелся у нее под ногами.

Когда дверь открылась, у Анны отпали всякие сомнения – вонь шла именно из подвала. Смердящий воздух ударил в ноздри с такой силой, что Анна закашлялась. Отступить она была не намерена и потому попробовала не дышать. Хватило ее ненадолго. Она вздохнула по-возможности неглубоко и начала спускаться по шаткой от времени лестнице. Каспер прошмыгнул мимо нее и исчез где-то в недрах подвала, оказавшегося гораздо больше, чем Анна могла предположить. Подвал занимал почти всю

площадь под домом, хотя большая часть его пустовала. Сделан он был на совесть. Дерево все еще было крепким, хотя с балок сыпалась труха вперемешку с дохлыми мухами и паутиной. Воняло здесь еще сильнее, и поначалу у Анны закружилась голова от сладковатого тошнотворного запаха, но уйти она уже не могла. Каспер забрался в какой-то угол и не желал выдавать своего присутствия. Оставить его здесь Аня не решилась и принялась звать злобное животное:

– Каспер, ты где? Кис-кис-кис! Иди сюда.

Без толку! Даже волшебное слово «кушать» не произвело на хвостатого хулигана впечатления: он затаился и выходить не собирался.

– Вот засранец! – проворчала Аня тихо и тут же добавила еле слышным голосом: – Киса, вылезай, пожалуйста! Киса! Ну пойдём отсюда, здесь очень плохое место.

Каспер, как видно, не разделял ее мнения, так как и после этих слов не захотел обнаружить своего присутствия. Занимаясь поисками кота, Анна принялась, и тошнота немного отпустила ее. Она оглядывалась по сторонам со все большим интересом, благо света было достаточно: окна хоть и были пыльными и маленькими, но зато их было много. Недалеко от лестницы девушка увидела сваленные в кучу картонные коробки, набитые старым хламом. Каспер вполне мог спрятаться среди них, и Анна неохотно подошла ближе, продолжая звать на все лады к кошачьей совести.

Кота она так и не обнаружила, а вот содержимое коробок ее заинтересовало. Дикон сказал ей, что этот дом принадлежал Саре Ингерсол, таинственной старухе, которая зачем-то назначила встречу профессору Хаскинсу и, что самое любопытное, смогла его заинтересовать. Чем же, очень хотелось бы знать? Что общего у провинциальной старухи с сомнительной репутацией и ученого с мировым именем? Встретились они или нет? Эти вопросы требовали ответов, и Аня, немного поразмыслив, пришла к выводу, что нет ничего предосудительного в том, что она немного покопается в этих вещах. Ведь так она сможет хоть немного пролить свет на таинственную личность Сары.

В верхней коробке она не обнаружила ничего интересного. Она, впрочем, и сама не знала, что может представлять для нее интерес. Наверное, какие-нибудь фотографии, письма. Но ничего похожего ей пока не попало ни во второй, ни в третьей коробке. Открыв четвертую, Анна почувствовала, что занимается форменной ерундой. Так, что там у нас? Лампа с порванным абажуром, сломанный веер – ну надо же! Молитвенник – шах и мат тем, кто считал Сару ведьмой, – глиняная фигурка... Стоп. Фигурка? Анна с удивлением таращила глаза на вульгарную статуэтку,

которую держала в руках. Это была фигурка лежащей кошки, точь-в-точь такая же, какие коллекционировал Хаскинс. Ну, может быть, и не такая, но Ане они казались абсолютно одинаковыми. Неужели она нашла ответ? Эту кошку мечтал приобрести помешанный на своей коллекции профессор?

Аня повертела зверя в руках. Он неплохо сохранился, по крайней мере, лучше, чем многие из тех, которых она видела: на этой кошке не было ни единой трещины, хотя нет, вот от этой лапки отбит маленький кусочек, а в остальном фигурка выглядела как новенькая. Ее размышления прервал истошный вопль, донесшийся из противоположного угла подвала. Она не сразу сообразила, что это за звук. Не успев испугаться, она поставила фигурку на полку и бросилась в тот угол, сообразив на ходу, что дикий вой – это не что иное, как вопли Каспера, вероятно окончательно свихнувшегося.

То, что она увидела, только подтвердило ее предположение: утробно подывая, Каспер яростно царапал землю, орудуя всеми четырьмя лапами.

– Ты что, нагадить здесь решил? – возмутилась Анна, не понимая, что происходит. – Ну уж дудки! Прекрати немедленно!

Только сейчас Аня обратила внимание на необычайное скопление в этом углу противно жужжащих мух, которые буквально тучей поднялись в воздух и теперь суматошно металась над самозабвенно роющим в земле персом. Заметила Аня и приоткрытое окно, через которое, должно быть налетели эти твари: их, несомненно, привлек отвратительный запах. «Совсем как меня», – неприязненно подумала Анна. Сумасшествие кота следовало прекратить любым способом. Аня ухватила его под брюхо, не ожидая особого сопротивления, но кот вдруг извернулся, зашипел, вздыбил черную шерсть и прицельно царапнул ее по руке когтистой лапой. Анна вскрикнула и уронила его. Каспер шмякнулся на земляной пол и немедленно вернулся к прерванному занятию.

Девушка удивленно смотрела на него, не зная, как поступить. Может, он свихнулся от жары? Немудрено, конечно, но ведь он не испытывает жажды – основной причины теплового удара у животных, – его миска всегда полна свежей воды. Что же с ним тогда?

Каспер как раз на минутку оторвался от своей деятельности и вопросительно посмотрел на нее желтыми глазами. Анна присела перед ним на корточки и жалобно спросила:

– Что с тобой, котик, а?

Каспер мяукнул, несколько раз поскреб лапой в уже достаточно глубокой яме и снова уставился на нее. Анна осмотрелась повнимательнее, хотя это было непросто. Мерзкий запах, к которому она, казалось, уже

привыкла, в этом месте достигал невиданной концентрации. До Анны наконец дошло:

– Ты нашел эту дохлую крысу?! – воскликнула она. – Ай да молодец! Давай, я помогу тебе откопать эту гадость!

На этот раз Каспер не выразил намерения препятствовать ей – должно быть, выдохся с непривычки. Он покорно освободил ей место у ямки, настороженно наблюдая, как Анна, притащив найденную тут же лопату, осторожно углубляет отчаянно воняющую яму.

Совсем скоро она обнаружила прозрачный пакет, в котором лежало нечто, покрытое серой шерстью. Земля в яме вокруг пакета была очень влажной, Анна с удивлением поняла, что кто-то обложил пакет льдом, прежде чем закопать, – несколько прозрачных кусочков все еще были там, облепленные комьями мокрой земли.

Пакет очень заинтересовал Анну. Осторожно переложив его лопатой на край ямы, она попыталась понять, что внутри. Больше всего ее озадачивали мотивы такого странного поступка. Даже если в пакете – любимое животное хозяйки, сдохшее по неизвестной причине, то зачем она похоронила его в своем подвале? Лед, которым предусмотрительно обложили труп, рано или поздно растаял бы, Сара не могла этого не знать. Зачем же она это сделала? Находилось только одно объяснение: Сара не собиралась хранить здесь животное вечно, она спрятала его сюда на время, намереваясь потом достать и... Что «и»? Что можно сделать с трупом животного? А, главное, зачем с ним вообще что-то делать?

Продолжая ломать голову, Анна силилась разглядеть сквозь запачканную пленку, что находится внутри, но земля, плотно облепившая полиэтилен, мешала ей. Подумав, Аня нашла выход. Еще раньше она заметила кран с водой, непонятно для чего проведенный в подвал. Сейчас вода пришлась бы весьма кстати. Отыскав среди вещей Сары в картонной коробке старую кастрюлю, Аня подошла к крану и повернула вентиль. Сначала внутри что-то заворчало, потом кран резко дернулся и выплюнул струю воды, обрызгав ее с ног до головы.

Чертыхаясь, она наполнила кастрюлю и завернула кран. Держась от пакета подальше, она вытянула руки и опрокинула на него кастрюлю. Требуемый эффект был достигнут, но ее любопытство оказалось жестоко наказанным: сквозь покрытую капельками воды прозрачную пленку пакета на Анну смотрели неподвижные глаза мутно-голубого цвета. В пакете была не кошка и не собака, в нем лежало нечто еще более отвратительное и ужасное – это была голова пожилого мужчины с седыми волосами. Прежде чем завопить что есть мочи, Анна узнала это лицо, хотя смерть и явные

следы разложения исказили его почти до неузнаваемости. Это была голова профессора Шона Хаскинса, и оставалось только гадать, как она сюда попала.

Глава 19

К тому времени Анна успела повидать немало ужасных вещей, ей не один раз приходилось сталкиваться с кошмарами, каждого из которых любому человеку хватило бы для того, чтобы навсегда лишиться рассудка. Но у нее не выработался иммунитет. На такие вещи, наверное, иммунитет не вырабатывается никогда. Ей было очень плохо, организм выдал естественную реакцию: ее стошнило. Каспер, будто желая утешить ее, вертелся рядом, выражая сочувствие. Теперь, когда страшная находка была выкопана, он потерял к ней всякий интерес, даже обнюхать не подошел.

Тяжело дыша, Анна поднялась с колен и, пошатываясь, побрела к крану, чтобы прополоскать рот, набрать воды и чтобы немного привести здесь все в порядок. В сторону лежащего на земле пакета она старалась не смотреть, хотя он так притягивал ее к себе.

Вода имела неприятный металлический привкус ржавых труб, но ей все равно стало легче. Умывшись, она набрала в кастрюлю воды и собралась идти наверх за тряпкой. Она уже шагнула на первую ступеньку, когда Каспер снова зашипел. Анна повернулась к нему, рассерженная, намереваясь задать коту хорошую трепку, но тут ее слух уловил шаги над головой, и она застыла, прислушиваясь.

Половицы старого дома протяжно поскрипывали под чьей-то тяжестью. Анна сразу поняла, что в доме кто-то чужой, скорее всего, мужчина. Войти ему труда не составляло – в Дэнверсе не принято запирают двери. Шаги направлялись в сторону полуоткрытой двери подвала, и Аня невольно попятилась. Ей совершенно не хотелось, чтобы кто-то застал ее здесь. О пакете с головой она в эту минуту просто забыла. Спрятаться было негде. Ни одного укрытия, если не считать полуразобранной горы картонных коробок. За неимением лучшего она отступила в самый темный угол, напряженно следя через щель между ящиками за лестницей. Заскрипели ступеньки. Аня нервно облизнула губы, взгляд ее метнулся в сторону, и только тут она увидела, что проклятый пакет преспокойно лежит на прежнем месте. Она похолодела. Не раздумывая, она метнулась к пакету точно тень, преодолевая брезгливость, ухватила его и бросилась в свое укрытие. Голова уже не казалась такой страшной – неизвестный и вполне живой человек пугал гораздо больше.

Добежать она не успела. Где-то на полпути ее остановило восклицание:

– Эй, куда это ты собралась?

Аня, ничего не понимая, остановилась как вкопанная, посреди подвала, машинально прижимая голову к груди. Голос был знакомым, хотя, насколько она могла понять, этого человека быть здесь никак не могло. Но он здесь был, черт бы его побрал! Анна еще не знала, хорошо это или плохо, но удрать не пыталась и, медленно повернувшись к нему, ответила с независимым видом:

– А что?

Мужчина засмеялся, словно она только что рассказала ему свежий анекдот.

– Кстати, а как ты меня нашел? – поинтересовалась Аня. Не то, чтобы ее мучило любопытство, просто молчать в такой ситуации она сочла неприличным.

– Ты в своем репертуаре. Сразу «что» да «как», – продолжал веселиться незваный гость. Аня его веселья не разделяла, поэтому обиженно поджала губы.

– Ты первый начал. Спросил «куда?», – парировала она.

Каспер, игнорируя их перепалку, задрал пушистый хвост трубой и, громко мурлыча, потрусил к мужчине с явным намерением потереться об его ноги. Тот наклонился, погладил его по голове, отчего кот заурчал еще старательнее. Мужчина немного удивленно сказал:

– Вот ты где, разбойник! Надо же. А ваша соседка уже завещание писать собралась.

– Ты явился, чтобы сообщить мне об этом? – по инерции огрызнулась Анна, потом опомнилась:

– Какое завещание?! Ты что, Макс, спятил совсем?

– Почему? – невозмутимо ответил Макс. – Ты попросила ее заботиться о кошке, а та исчезла. Причем, заметь, исчезла из запертой квартиры. Соседка, зная твой... вспыльчивый характер, решила, что ты ее убьешь, когда вернешься. Поэтому и завещание.

Анна посмотрела в его смеющиеся глаза и почувствовала настоящую потребность запустить в него первым, что попадет под руку. Она забыла, что именно у нее в руках, и замахнулась пакетом. Тот выскользнул и упал на пол прямо между ними.

Некоторое время после этого в подвале царило зловещее молчание. Улыбка сползла с лица Макса. С совершенно дурацким видом он смотрел себе под ноги, потом спросил:

– Что это?

– Это? Это профессор Хаскинс, – вежливо ответила Анна. Макс

посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

– А почему его так мало? – Макс поморщился, поняв, что сморозил глупость. – Анька, откуда здесь эта башка? Во что ты опять вляпалась? Скажи мне, только честно: это ты его?

– Совсем сдурел? – разозлилась Анна. Макс вздохнул с облегчением. – Я его только что нашла.

– Где?

– В этом подвале.

– А почему ты его вообще искала?

– Я не искала. То есть искала, но не здесь. И вообще, его нашла не я, а Каспер.

– По-моему, ты совсем запуталась, – вздохнул Макс, косясь то на голову в полиэтилене, то на девушку.

– Это ты меня запутал! – рассердилась Анна. И добавила, немного помедлив: – Хотя ты прав, я уже ничего не понимаю. Что я скажу Нурие?

– Вот что, пойдем наверх, а то от этой вони у меня самого голова не варит. Ты мне все расскажешь. Попробуем разобраться вместе.

– Хорошо. Но сначала скажи, как ты меня нашел?

– Ничего сложного, – усмехнулся Макс. – Ты сообщила соседке, что едешь с Ником в Америку на лечение. Хотя ты нечасто делишься со мной подробностями своей жизни, но о том, что твоя ближайшая подруга живет в пригороде Бостона, сказала.

– Неужели? А я и не помню.

– Ага. Поэтому билеты на самолет я начал проверять именно с Бостона и нашел тебя очень быстро. А там дело техники. В Дэнверсе очень хорошо знают всех чудаков, а такую красавицу, как ты, тем более не могли не заметить, так что первая же старушка подробно объяснила мне, где живут две русские девушки с ребенком. Я только не понял, ребенок – это Ник?

– Нет, Лелька, дочка Нурии. Ник в больнице. Ему сделали операцию.

– Нормально? – с некоторой тревогой спросил Макс.

Анна улыбнулась, впервые с момента их встречи.

– Да. Он молодец. Скоро снимут швы.

– Слава богу, – кивнул Макс. – А теперь пойдем. Нужно разобраться в этой истории с профессорской головой.

– А с головой что делать?

– Оставь здесь.

– Нет. Она протухнет.

– Ну, ты же ее не варить собираешься, – хмыкнул Макс. – Кроме того, она и так уже, как мне кажется, не вполне свежая. Полежит, пока мы не

разберемся, хуже уже не будет.

– Это верно, хуже некуда, – вздохнула Анна и направилась к лестнице, потом остановилась, повернула назад и наклонилась, чтобы поднять пакет с головой.

– Зачем? – коротко спросил Макс.

– Положу в морозильник в коридоре. – Ответила Анна тоном, подразумевающим, что никакие возражения не принимаются. Со стороны ее поступок выглядел капризом. Именно так его и воспринял Макс, но на самом деле Аня вдруг вспомнила, как некто несколько дней назад основательно обыскал дом подруги, и ей вовсе не хотелось, чтобы голова профессора снова исчезла в неизвестном направлении. По крайней мере, до тех пор, пока она сама не решит, что с ней делать.

Держа пакет на весу, она вновь пошла к лестнице. Когда она поравнялась с Максом, он неожиданно схватил ее за плечи и развернул лицом к себе.

– Аня, почему ты все время попадаешь в неприятности? – едва сдерживая ярость, спросил он.

Девушка, казавшаяся в его лапах хрупкой, как стеклянный фужер, запрокинула голову, взглянула в глаза и спросила с вызовом:

– Тебе-то что?

– Мне?! – заорал Макс, потеряв терпение. – И ты еще спрашиваешь? Да неужели ты не понимаешь...

– Не понимаю, – дернула плечом Анна. Ей вдруг захотелось расплакаться. Ну при чем тут она? Разве она виновата, что с ней все время что-то происходит? Разве сама она ищет приключений на свою голову? Да век бы их не видать! Какое право он имеет ее отчитывать? Кто он вообще такой?

Но ничего этого она не сказала, сглотнула колючий комок, шмыгнула носом и еще раз повела плечами:

– Отпусти.

Макс выполнил ее просьбу, растерянно опустив руки. Анна, не оглядываясь, пошла вверх. В прихожей она все так же молча открыла дверцу морозильника и сунула туда голову, надеясь, что Нурия, по обыкновению, не сунет туда носа до ее прихода. Этим морозильником в доме почти не пользовались, так как в кухне стоял другой, тоже весьма вместительный.

Не глядя друг на друга, они прошли в кухню. Анна пыталась решить, стоит ли говорить Максиму о том, что здесь происходит, когда взгляд ее упал на часы, висящие на стене. Увидев, который час, она подскочила: подумать

только, ведь пробыла в подвале больше трех часов, пропустив начало экзамена по верховой езде в колледже Лели!

– О, черт! – взвыла она, бросаясь к выходу.

– Стой, ты куда?

– В колледж!

– В таком виде?

Анна посмотрела на себя и застонала: на ней все еще была пижама в цветочек. Бормоча про себя все известные ругательства, девушка, едва не сбив парня с ног, понеслась вверх по лестнице в свою комнату. Макс последовал за ней с некоторым опозданием. На верхней ступеньке он наткнулся на пижамную кофту, а затем увидел скачущую по коридору Анну, запутавшуюся в пижамных штанах, которые она пыталась стянуть на ходу. В другое время вид полуголой девушки вызвал бы у него приятные эмоции, но сейчас Аня больше всего напоминала сумасшедшую курицу, и он думал только о том, все ли в порядке у нее с головой.

Девушка скрылась за дверью своей спальни и буквально тут же выскочила из нее в джинсах. Футболку она натянула уже вниз, за секунду до того, как вылетела на улицу. Макс бросился за ней, перепрыгивая через две ступеньки, и успел вовремя: Анна уже мчалась по улице. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Задавать вопросы на бегу он не решился – они летели на приличной скорости, – но скоро понял, что спешила Анна не зря. Возле высокой каменной ограды, куда они примчались в тот момент, когда Макс уже почти выдохся, стояло сразу несколько машин: полиция, две «Скорые помощи» и почему-то пожарные. Увидев эту картину, Анна едва слышно застонала, и Макс успел подхватить ее на руки – девушка стала падать.

– Что? Что происходит?! – заорал он так громко, что несколько человек из толпы у ворот обернулись.

– Мы опоздали, – всхлинула Анна, прерывисто дыша то ли от быстрого бега, то ли от подступающих к горлу рыданий.

– Аня, возьми себя в руки, – приказал Макс. – Ты знала, что здесь произошло?

Девушка кивнула.

– Что ты знала?

Она молчала.

Макс подавил возглас удивления и окинул взглядом собравшуюся толпу, пытаясь разобраться в ситуации самостоятельно. Он видел, что сейчас Анна не в состоянии что либо объяснить. Ее всю трясло, зубы стучали, словно в лихорадке. Девушка отчаянно трясла головой, чтобы

справиться с истерикой. Ей это удалось. И тогда она отстранила Макса и медленно, как по льду, двинулась к толпе, показавшись Максиму маленьким беспомощным олененком Бэмби, делающим первые шаги, настолько неверной была ее походка. Чертыхаясь, он крепко схватил ее за руку. Анна нетерпеливо дернулась, но прочла в его глазах решимость не отпускать ее от себя ни на минуту. Ей пришлось смириться, и дальше они пошли вместе.

Макс начал кое-что понимать, прислушиваясь к репликам, доносившимся со всех сторон.

- Бедная девочка!
- Я всегда говорила, что лошади – это опасно.
- Глупости, девчонка просто плохо держалась в седле.
- Как вы думаете, она жива?
- Шутите? Это с проломленным-то черепом?
- Какой ужас! Несчастный ребенок!
- Бедные родители!
- Говорят, у нее еще несколько переломов.
- Невероятно! словно нарочно!

Анна, которая слышала то же, что и Макс, снова задрожала, закусив губу до крови, чтобы не разрыдаться. Макс еще крепче сжал ее руку, и она почувствовала облегчение от того, что он сейчас рядом с ней.

– Может, не стоит нам лезть туда? – спросил он обеспокоенно. – Подождем. Ты еле держишься на ногах.

Она хотела было возразить, но вдруг согласно кивнула. Изменить уже ничего нельзя. То, чего она так боялась, уже произошло. Теперь спешить некуда. Они остановились под деревом. К ним подбежала молоденькая девушка. Макс поразился, увидев ее лицо, – ничего уродливее ему видеть не доводилось. Девочка обратилась к Анне, как к старой знакомой:

– Скажите мне, что случилось? – взмолилась она. – Это Леля, да?

– Да, Керри, я думаю, это она, – неожиданно спокойно ответила Анна. Девочка всхлипнула. Ее и без того некрасивое лицо скривилось, став совсем безобразным. Она бросилась Ане на грудь и обхватила ее руками. Та, сама едва живая от горя, гладила худенькие вздрагивающие от рыданий плечи.

– Я не хотела! Я говорила ей! – бормотала Керри.

– Эй, детка, ты о чем? – насторожился Макс.

Девочка подняла на него заплаканное лицо:

– Я чувствовала, что Лельке не надо сегодня ехать верхом! – выкрикнула она. – Но она меня не послушала! Они никогда меня не слушают! – с обидой закончила она.

– Меня она не послушала тоже, – тихо сказала Анна, глядя куда-то в сторону.

– Значит, вы тоже знали? – отпрянула испуганно Керри.

– Да. И пыталась ее отговорить. Так же, как и ты.

– Но я... Но вы... Вы могли остановить ее, вы же ее друг! – Тон девочки изменился. Теперь она не искала сочувствия, она обвиняла. И обвиняла человека, который меньше всего этого заслуживал. Макс нахмурился, собираясь остановить зарвавшуюся девчонку, но, прежде чем он успел это сделать, Керри бросилась прочь.

– Она сумасшедшая? – осведомился Макс, неприязненно глядя вслед убежавшей.

– Нет, не думаю. Она, в общем-то, права. Я должна была...

Макс увидел, как Анна внезапно побледнела еще больше, рот у нее приоткрылся, и она с ужасом уставилась куда-то за его спину. Обернувшись, он увидел еще одну незнакомую девушку с развевающимися на ветру белокурыми волосами и тоже бледным испуганным лицом, которая бежала к ним. За ней следовал симпатичный парень, который, несмотря на хорошую спортивную форму, едва поспевал за своей спутницей. Макс недоуменно переводил взгляд с девушки на Анну, пока не услышал, как она с облегчением вздохнула:

– Господи, не может быть! Это же Лелька!

Глава 20

Девочка, подбежав к Анне и не обращая внимания на Макса, обняла ее и заплакала. Макс обескураженно наблюдал повторение недавней сцены с Керри, чувствуя, что у него самого начинается что-то вроде дежа-вю. Только белокурая школьница была, не в пример Керри, привлекательной, хотя рыдала так же оглушительно. Слегка запыхавшийся парень топтался рядом.

Первой, как ни странно, опомнилась Аня:

– Лелька, ты жива! А я уж думала...

– Прости меня, Аня. Я тебя не послушалась. Это было так ужасно! – всхлипывала девочка, размазывая слезы по щекам.

– Объясни мне, что произошло? Никто не пострадал? Или...

– Погибла Марта! – выпалила Леля. – Но на ее месте могла оказаться я! Если бы не вы и не он!

Она ткнула пальцем в сторону парня, на лице которого отразилось недоумение.

– Почему Марта? Кто это? – еще больше удивилась Анна.

– Это наша ученица. Она села на Кору вместо меня, понимаешь? Я же говорила, что лошадь у нас на двоих!

– Я помню.

– Вот я и уступила ей свою очередь, а она, она... – Лелька снова зарыдала.

– Подожди, не реви ты, – попробовал остановить ее Макс. – Ты сказала, что все произошло из-за него? – Он кивнул на парня.

– При чем тут я? – занервничал тот.

– Ни при чем, – подтвердила Лелька, противореча самой себе.

– Ничего не понимаю, – покачал головой Макс. – Детка, говори толком.

– А кто вы вообще такой? – сердито посмотрела на него Леля.

– Виноват, – усмехнулся Макс, взглянув на Аню. – Я только что прибыл, к сожалению, без приглашения, но с добрыми намерениями и, кажется, вовремя.

– Леля, это мой друг. Его зовут Максим, можно – Макс, – объяснила Анна Леле, которая смотрела на светловолосого загорелого мужчину во все глаза.

– Теперь, когда мы познакомились, самое время перейти к

объяснениям, – напомнил Макс. – Между прочим, ты едва не довела Анну до инфаркта, я свидетель.

– Я объясню, если хотите, хотя сама ничего не понимаю. Ах, Анна, я так виновата!

– Это тоже пока отложим, говори, – потребовал Макс.

– Марта хотела взять барьер. Не слишком сложный. Но Кора неожиданно сбросила ее, или она сама не удержалась. Не знаю. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, то Марта лежала на земле с проломленным черепом и сломанной ногой. Она была мертва. Я слышала, как говорили, смерть была мгновенной, Кора нечаянно ударила ее по голове копытом, когда приземлялась.

– Ты этого боялась? – деловито осведомился Макс.

Анна кивнула.

– А почему ты не села в седло? Мне казалось, что ты намерена сдавать экзамен во что бы то ни стало, – недоумевала она.

Леля опустила голову, не торопясь с ответом. Ее щеки покраснели.

– Я плохо езжу, поэтому не хотела, чтобы он видел, как я опозорюсь, – едва слышно прошептала она.

Три пары удивленных глаз уставились на девушку.

– Кстати, а кто ты такой? – спросил Макс, чувствуя, что неловкая пауза затягивается.

– Вангелис Элефтериадис, – с достоинством произнес молодой человек, розовея на глазах.

– Понятно, – кивнул Макс. Ему показалось, что парень ожидал какой-то иной реакции на свои слова, так как едва заметно пожал плечами.

– Он сын греческого миллионера, – внесла ясность Леля. – Его отец – жутко богатый тип.

– Разве это недостаток? – довольно резко спросил Вангелис.

– Нет, что ты, – поспешила заверить его Аня, – скорее, достоинство. Мы должны быть тебе благодарны за то, что твое появление спасло жизнь Леле.

– Не стоит. Но я действительно могу рассказать кое-что интересное, если хотите.

– Что?! – в один голос спросили Макс с Анной.

– Давайте отойдем куда-нибудь, – предложил парень. Леля поморщилась. Ей, казалось, хотелось быстрее отделаться от него, но возражать она не посмела.

Все четверо двинулись в сторону от колледжа. Уходя, Анна увидела, как из ворот вынесли носилки, на которых лежал ярко-оранжевый мешок.

«Молния» на нем была наглухо застегнута.

* * *

Вангелис вызвался проводить их до дома. Задерживаться они не могли, так как Анна торопилась увидеть поскорее Нурию, пока кто-нибудь из соседей не сообщил ей о трагическом происшествии в колледже. Не разобравшись, Нурия могла решить, что в беду попала ее дочь, а Анна, только что пережившая подобное заблуждение, хотела во что бы то ни стало избавить подругу от ненужных переживаний.

Когда Вангелис закончил рассказ, на лицах его спутников отразились весьма противоречивые чувства. Макс недоверчиво хмурился. Леля смотрела испуганно, а Анна – сосредоточенно обдумывала новые сведения. Она единственная поверила парню сразу и безоговорочно, хотя объяснить ничего не могла. Пока не могла.

Его рассказ был весьма кратким и сводился к следующему. Для начала он признался, что и в самом деле наблюдал за Лелей, причем не в первый раз. Он не стал комментировать свои действия, но Лелька при его словах внезапно покраснела. Оказалось, что до сегодняшнего дня они даже не были знакомы, хотя и тот и другой незаметно поглядывали друг на друга. Лелька попробовала было отпираться, заявляя, что знать не знала, кто этот приставучий соглядатай, но Макс, не церемонясь, припер ее к стенке, напомнив, что именно она сообщила им об отце Вангелиса. После этого Леля вообще предпочитала помалкивать. Вангелис, как уже говорилось, наблюдал за Лелей издали, но так как капризная девчонка усиленно делала вид, что не замечает его присутствия, старательно глядя в другую сторону, он заскучал и стал поглядывать по сторонам. И не зря, так как его внимание привлекла странная человеческая фигура. Поначалу он даже не понял, кто это. Человек был слишком маленького роста, чтобы быть взрослым, если, конечно, он не был карликом, но одет был именно по-взрослому, да еще не по сезону. Несмотря на дикую жару, человек был закутан в плащ с капюшоном, полностью скрывающим его лицо.

Человек заинтересовал парня, и он переключил свое внимание на него, что привело к неприятному открытию: выяснилось, что тот, так же, как и сам Вангелис, следил за Лелей.

– Может, тебе показалось? – с сомнением спросил Макс.

– Ничего мне не показалось. Я точно знаю. Тот тип прятался в кустах и думал, что его никто не видел, но, могу поклясться, что он глаз с Лели не

сводил.

– А как этот человек повел себя, когда начались состязания? – спросила Анна.

– В том-то и фокус! Его уже не было к этому времени. Он словно сквозь землю провалился за пару минут до начала скачек. Леля и эта... Марта как раз разговаривали возле лошади. Потом Леля отошла, а на Кору вскочила другая девочка. Я и сам сначала перепутал, ведь на них одинаковые костюмы и шапочки на голове. Только когда Леля подошла поближе и повернулась, я догадался, что на старте была другая. Но тот человек этого видеть не мог. Его уже не было.

– Ты говоришь «человек», то есть, это был мужчина? – уточнила Анна.

– Не знаю. Из-за плаща трудно сказать, кроме того, он все время был за кустами, я его даже в полный рост почти не видел. Заметил только, что маленький, как ребенок. Метра полтора ростом, не больше.

Анна прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Вангелису казалось с высоты его роста, что полтора метра – это совсем немного, но Анна, вполне взрослая женщина, была всего-то на десять сантиметров повыше, а значит, утверждение, что под капюшоном скрывался ребенок, не выдерживало никакой критики. Единственное, что можно сказать с некоторой долей уверенности – человек не мог быть взрослым мужчиной, хотя и этот факт можно подвергнуть сомнению.

Нурия с некоторым удивлением встретила увеличившуюся компанию гостей на крыльце дома. Очевидно, Нурия еще ничего не знала о случившемся. Они прошли в комнаты, не обратив внимания на то, что Вангелис последовал за остальными, и Анна, опуская подробности, вкратце изложила подруге то, что произошло. Даже в весьма сжатой форме рассказ произвел на Нурию ужасное впечатление: она вцепилась в дочь, не помня себя принялась ощупывать драгоценное чадо на предмет возможных повреждений, и только после этого немного успокоилась.

– Я рада, что все закончилось хорошо, но мне кажется, дело принимает серьезный оборот, – начала Анна чуть позже, когда они уже сидели кто на чем в просторной кухне. – С Лелей происходит что-то не то. Сначала ее ночные кошмары...

– Я не помню никаких кошмаров! – в нетерпении не сдержалась девочка.

– ...которые она не помнит. Потом эти покушения. Два случая за два дня – не многовато ли.

– Ты думаешь, что все это подстроено и погибнуть должна была Леля? – недоверчиво переспросила Нурия, заметно бледнея.

– Не знаю наверняка, но похоже на то. Судите сами: я «видела» под копытами именно Лелю, о чем собиралась предупредить вас, на лошадь она не села в самый последний момент, так что получается, что несчастье должно было произойти с ней, это-то и страшно. Леля, – она посмотрела на девочку, – только ты можешь объяснить, кто может испытывать к тебе неприязнь настолько сильную, что готов отправить тебя на тот свет.

– Я ничего не знаю! – замотала головой та.

– Ты ни с кем не ссорилась?

– Говорю же – нет!

– Должно же быть какое-то объяснение, – задумчиво проговорила Анна. – Попробуем начать с самого начала. А сначала ты обнаружила тело неизвестной женщины, после чего у тебя начались эти кошмары. Ты уверена, что ничего подозрительного в часовне больше не видела?

– Нет. А что я должна была видеть?

– Ну, не знаю, возможно, преступника...

– Нет, я никого не видела. Хочешь, поклянусь?

– О господи! Не надо. Я тебе верю. Но тогда ничего не сходится!

– погоди, Анна, – прервал ее Макс. – Совершенно не обязательно, чтобы Леля действительно что-то видела. Достаточно, чтобы преступник был убежден, что это так. Он думает, что девочка заметила его, поэтому хочет избавиться от ненужного свидетеля.

Анна и Нурия с ужасом уставились на него. Такое простое объяснение им и в голову не приходило.

– А можно поподробнее о кошмарах, которые мучают Лелю? – раздался неожиданный голос откуда-то из угла. Все головы повернулись к Вангелису, о котором успели забыть. Он несколько не смутился от повышенного внимания к своей персоне и внятно повторил свою просьбу. Не понимая, почему она идет на поводу у мальчишки. Нурия рассказала, что происходит с Лелей по ночам, со всеми подробностями. Слушая, Вангелис кивал, будто его удовлетворяла вся эта не слишком веселая история. В конце концов его бесконечные кивки стали раздражать даже Анну.

– Тебе пришло в голову какое-то объяснение? – спросила она немного резко.

– Ваша дочь хорошо поддается гипнозу? – ответил он вопросом на вопрос, обращаясь к Нурие.

– Не знаю. При чем тут гипноз? – ответила та.

– Ты что, спятил? – возмутилась Леля.

– То, что вы рассказываете, очень похоже на НЛП.

– На что похоже? – переспросил Макс, начиная терять терпение и испытывая настоятельную потребность поставить нахального парня на место.

– На нейролингвистическое программирование, – спокойно ответил тот. – Я немного изучал этот предмет, и у нас на практических занятиях описывались очень похожие случаи. Поэтому я и спрашиваю, не было ли раньше чего-то похожего, не подвергали ли Лелю гипнозу, скажем, в лечебных целях?

– Да нет же, глупость какая, – отмахнулась было Нурия.

– Погоди-ка, подруга, как же ты не помнишь? А год назад, почти перед самым вашим отъездом? Лелька вынесла из дома твое фамильное колечко?

– Действительно. Как это я забыла? Но при чем здесь это?

– Расскажите, пожалуйста, что тогда произошло? – попросил Вангелис.

История, которая приключилась с Лелей за несколько месяцев до отъезда в Америку, была как две капли воды похожа на сотни подобных историй. После школы она возвращалась домой, когда какая-то женщина окликнула ее и спросила, как пройти в поликлинику. Леля не запомнила, как та выглядела, только голос – необычный, слишком низкого для женщины тембра, но весьма приятный. И все. Девочка очнулась в собственной прихожей с раскалывающейся от боли головой и неприятным осадком на душе, будто она сделала что-то нехорошее, но не могла вспомнить, что именно. Посмотрев на часы, она обнаружила, что вернулась домой больше трех часов назад, но с удивлением поняла, что не помнит, чем занималась все это время. Прояснили ситуацию старушки возле подъезда, но гораздо позже, и не самой Леле, а ее матери. По их словам, за это время Леля с короткими промежутками раз шесть вошла и вышла из подъезда. Но удивило их даже не это, а то, что воспитанная Леля ни разу не сказала «здрате» сидящим на лавочке кумушкам. К старушкам Нурия пошла не просто так, а после того, как выяснила, что из дома пропало ценное кольцо, которым Нурия очень дорожила как памятью о бабушке – единственная из домашних ценностей, лежавшая всегда на виду, так как его часто показывали гостям. О том, где хранятся скопленные на черный день доллары, Леля понятия не имела, а других ценностей в доме практически не было, небогатое золотишко – цепочку с кулоном, сережки и обручальное кольцо Нурия носила не снимая.

– Думаю, что это все-таки НЛП, – стоял на своем Вангелис, выслушав рассказ.

– Да что ты заладил: НЛП да НЛП? – неожиданно разозлилась

Нурия. – Лелька же не робот, чтобы ее запрограммировать. Заморочила ей какая-то цыганка голову, вот она и вынесла то, что нашла.

– Она ходила шесть раз, а отдала всего лишь колечко. Вам не кажется это странным? – невозмутимо возразил парень. – Кстати, ту цыганку нашли?

– Нет. Никто не видел и не искал ту женщину, ведь ее запомнила только Лелька, – неохотно призналась Нурия.

– Вот видите!

– Ничего я не вижу!

– Вангелис, вам лучше объяснить, что вы подразумеваете под нейролингвистическим программированием и почему утверждаете, что с Лелей проделали именно это. Честно говоря, я тоже не вижу связи. История с кольцом произошла за тысячи километров отсюда и достаточно давно, кроме того, на этот раз Леля ничего из дома не выносила, – сказала Анна.

Леля после ее слов хотела было что-то возразить, но промолчала.

– НЛП не имеет никакого отношения к роботам, – начал Вангелис. – Это просто умышленное отключение левого полушария мозга. Оставшееся правое отвечает за творческие способности, пространственно-зрительные образы, но совершенно не способно трезво оценивать ситуацию. Профессиональный нэлпер может наладить связь с правым полушарием, минуя левое, и таким образом заставить жертву делать то, что он от нее потребует.

– А как он это делает? – заинтересовался Макс.

– Да легко. Нужно только, чтобы человек впал в трансное состояние.

– Леля просто шла из школы, она не была в трансе! – возразила Нурия.

– Вот тут вы ошибаетесь. Она ходила по этой дороге много лет, и за это время путь стал для нее настолько привычным, что она проделывала его автоматически, не думая. А это не что иное, как состояние транса. В этот момент ее и подловила ваша цыганка. Странно только, что кошмары не начались у нее еще тогда.

– Они начались, – тихо сказала Леля, затравленно глядя на остальных.

– Что ты говоришь? – воскликнула Нурия.

– Правду, мама. После того случая я каждую ночь слышала этот голос. Голос той женщины. Она звала меня, звала, и мне делалось очень страшно. Поэтому я и захотела уехать с тобой подальше, думала, что здесь кошмары прекратятся.

– Господи, девочка моя, – чуть не плача, Нурия схватила бледные руки дочери своими руками, – почему же ты нам ничего не рассказывала?

– Мне было стыдно из-за того, что я оказалась такой слабой и отдала

твое кольцо под каким-то гипнозом, – еще ниже опустила голову Леля.

– Постой, девочка, ты сказала, что думала, будто кошмары прекратятся. А что произошло на самом деле? – спросила Анна встревоженно.

– Они прекратились. Но после часовни начались снова. Сейчас я вспомнила, что снова слышала тот голос, который звал меня.

– Только голос?

– Нет, но больше я ничего не помню, – призналась Леля.

– Я могу попробовать вернуть ей память. – Вангелису не терпелось помочь девушке. – Мы подумаем об этом, – осторожно ответила Анна, поглядывая на Нурию, полностью поглощенную дочерью.

– А когда можно начать? – парень проявил настойчивость.

– Только не сегодня. Позже.

Вангелис попробовал было что-то возразить, но Макс взял дело в свои руки, и ему удалось в кратчайшие сроки выставить новоявленного поклонника за дверь.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Нурия, когда он вернулся, тщательно заперев дверь. – А то мне показалось, что этот молодой человек немедленно начнет препарировать мою дочь, как какую-нибудь лягушку.

– Кстати, познакомься, Нури, это Макс, – с большим опозданием представила друга Анна.

– Я так много о вас слышала, что, кажется, знакома с вами давно, – снова улыбнулась Нурия.

– Взаимно, – кивнул Макс.

– Мама, можно я пойду лягу в постель? – спросила Леля, поднимаясь.

– Тебе плохо? – сразу встревожилась та.

– Немного голова болит.

Анна проводила девочку глазами и почувствовала, как сжалось в груди ее сердце. Леля осталась жива, но с ней еще далеко не все в порядке, а время уходит. И она почувствовала вдруг, что надвигается какая-то большая беда.

Глава 21

Сухая щепка быстро занялась, и вскоре в старом камине запылал огонь.

– Кофе хотите? – попыталась Нурия нарушить повисшее в комнате напряжение.

– Хорошо бы, – кивнул Макс, усаживаясь на другом конце большого обшарпанного стола, и выжидательно уставился на Анну.

– А чего ты на меня так смотришь? – Девушка сказала это, стараясь, чтобы не услышала Нурия, которая в этот момент стояла к ним спиной, доставая из шкафчика кружки и молотый кофе. Макс выразительно скривил губы, давая понять, что ждет от Анны объяснений, но та держалась твердо и упрямо молчала.

Чтобы вскипятить полчайника воды и залить кипятком молотые кофейные зерна, хватило пяти минут. Хлопнула дверца холодильника.

– Черт, где же эти сливки? – пробормотала Нурия несколько озадаченно. – Ах да!..

Она быстро вышла в коридор и, прежде чем Макс с Анной успели остановить ее, открыла морозильник. Анна, а следом за ней и Макс вскочили с намерением броситься к Нурии, но она уже появилась на пороге, бледная, как полотно, беззвучно шевеля губами.

– Нуриюша, успокойся, пожалуйста! – расстроено попросила Анна. – Прости меня, я не сказала...

Нурия перевела на нее полубезумный взгляд и отчетливо икнула. Анна подбежала к подруге, подхватила под руку и увлекла к единственному свободному стулу, не переставая гладить по плечу.

– Это... это что... там? – выдавила из себя Нурия. – Вы это видели? Там, на верхней полке...

– Более того. Мы это туда и положили, – с покаянным видом признался Макс.

– Но зачем? Чье это?! – Шепотом спросила ошарашенная женщина.

Макс посмотрел на нее с восхищением. В подобной ситуации можно было ожидать истерики со слезами и обмороком, но женщина держала себя в руках, хотя и с превеликим трудом.

– Мне кажется, нам пора поговорить обо всем откровенно, – не отвечая на вопрос Нурии, сказал Макс. – И начать следует Анне. Что-то подсказывает мне, что она ориентируется в этом кошмаре лучше нас. Или я

не прав?

– Прав. Поговорим, раз уж до этого дошло. Только сначала выпьем кофе, если не возражаете.

Возражений не последовало. Нурия, обрадованная тем, что можно отвлечься, принялась разливать кофе. Закончив с этим, она протянула Ане с Максом кружки, взяла себе чашку, и все снова уселись вокруг стола. Аромат свежесваренного кофе действовал успокаивающе, смолистый запах горящего дерева в камине приятно щекотал ноздри. Если бы не отрезанная голова в морозильнике, вечер казался бы исключительно уютным.

Анна вкратце пересказала Нурие историю с обнаруженной в подвале профессорской головой, Максу поведала о двух других обезглавленных трупах и покупке сумочки с таинственным содержимым. О том, что происходило с Лелей, он и сам уже знал. После вступления Аня подвела итог, ставший открытием для обоих.

– Возможно, все эти события не связаны между собой, – сказала она, – но мне кажется, что все замыкается на некоей Саре Ингерсол.

– Не вижу связи, – покачал головой Макс. – Кто такая эта Сара?

Анне пришлось рассказать о найденной в доме профессора записке, о слухах, о глиняных фигурках в коллекции профессора.

– Ну и что? – спросил Макс, внимательно все выслушав. – Голова-то здесь при чем?

– При том, что мы нашли ее в доме Сары, – усмехнулась Анна.

– Подожди! – с ужасом воскликнула Нурия. – О чем ты? То есть ты хочешь сказать, что мы живем в доме этой женщины, которую считают ведьмой?

– Насчет ведьмы не скажу, но дом принадлежал Саре Ингерсол. Это точно.

– Ну жук, ну и сволочь! – стукнула кулачком по столу Нурия.

– Это ты о ком? – поинтересовался Макс.

– Об агенте, о ком же еще! Ни слова не вымолвил о прежних владельцах, паразит!

– Ну, его тоже можно понять, – примирительно сказал Макс. – Стала бы ты селиться в этом доме, зная, что в округе болтают о его бывшей хозяйке?

– Да никогда! – запальчиво воскликнула Нурия.

Макс развел руками, давая понять, что все пришло к логическому концу.

– И все же, история с головой мне непонятна, – продолжал Макс гнуть

свою линию. – Старуха исчезла задолго до появления в городе профессора. Как она могла назначить ему встречу?

– Это ее надо спросить, – усмехнулась Анна.

– Ты сама говорила, что ей девяносто лет. Подумай, хватило бы у такой древней старухи сил, чтобы отпилить у трупа голову? Да и вообще: зачем ей его голова. Допустим даже, что профессор чем-то обидел ее, неважно чем. Так он же умер! Зачем ей забирать голову и прятать ее в подвале?

– На память, – мрачно пошутила Анна, вынужденная согласиться, что в словах Макса есть доля истины.

– Ладно, ты меня не убедила, но оставим пока это.

– Как это оставим? – возмутилась Нурия. – Нужно немедленно убрать голову из холодильника! Лелька может на нее наткнуться, да и вообще, что у меня в доме – морг?

– Кстати, о морге. Молодец, Нури! Тело профессора лежало в морге, когда случилась эта неприятность, верно?

– Ты намекаешь, что надо поговорить с охранником морга? – догадалась Анна, удивляясь, как ей самой не пришло в голову такое простое решение.

– Именно.

– А куда вы денете голову? И, главное, когда? – не отступала Нурия.

Макс пожал плечами:

– Голову надо вернуть законному владельцу.

– Труп, что ли? – вытаращилась на него Анна. – Так его же похоронили!

– Нет, я имел в виду жену. Ты же говорила, что она наняла тебя для расследования? Ты выполнила ее задание, остается только предъявить ей свою находку.

– Может, лучше в полицию? – предложила Нурия, поеживаясь.

– Это должна решать Абигейл. Захочет сообщить – сообщит. И еще. Мне кажется, что лучше не ставить полицию в известность о том, где и как обнаружили голову, – заявила Аня.

– А как же объяснить ее появление? – засомневалась Нурия.

– Никак! Скажем, что подбросили на крыльцо. Пусть ищут.

– Как же, найдут они, если ее у них из-под носа украли, – хмыкнул Макс.

Анна не разделяла его веселья. Ей вдруг припомнилось, как несколько дней назад кто-то устроил в доме Нурии черт-те что. Тогда они не знали, что искали злоумышленники, но теперь ей стало казаться, что охотились они за этой самой головой. А если искали, значит, думали, что она спрятана

именно здесь. Так что можно, конечно, попытаться скрыть от полиции информацию о находке. Но в том случае, если о ней осведомлен кто-то еще, вся затея становится бессмысленной. Кто может сказать, какие цели преследуют неизвестные? И почему к этой несчастной мертвой голове проявляют такой повышенный интерес?

* * *

Абигейл, с которой Анна встретилась по предварительной договоренности рано утром, выслушала страшную новость с достоинством. Тщательно упакованную в переносной холодильник голову Анна передала ей из рук в руки и спросила, как Аби намеревается поступить дальше.

– Не знаю, – грустно ответила молодая вдова, – все это так страшно, так непонятно. Как вы думаете, если я ничего не сообщу в полицию, это будет очень плохо с моей стороны?

– Вам решать, – уклонилась от ответа Анна.

– Я знаю, – кивнула Аби. – Но мне не хочется говорить с ними об этом. Вы не представляете, что тогда начнется. Можно быть уверенным, что они попытаются представить все таким образом, будто эта ужасная выходка – дело моих рук.

– Если отыщутся настоящие преступники, никто не станет вас обвинять, – попыталась утешить вдову Анна.

– Да кто их будет искать? – вполне разумно возразила Аби. – Погодите! – неожиданно просияла она. – Вы ведь нашли голову, как я вас просила. – Анна предпочла умолчать о том, что произошло это практически случайно, но легкий румянец покрыл ее щеки. – Вы справитесь, я уверена! А я пока сохраню бедного Шона. – Она ласково погладила пластиковую крышку контейнера, и Анну слегка передернуло от этого жеста.

– Справлюсь – с чем? – осторожно спросила она.

– Ну, с поиском преступников, разумеется.

– Понимаете, у меня нет ни единой зацепки, – мялась Анна, которой вовсе не хотелось брать на себя такую ответственность. – Ничего такого, что бы могло помочь в поисках...

– Кое-что у вас будет, – хитро улыбнулась Абигейл.

Анна подавила тяжелый вздох.

– Помните, вы спрашивали у меня, чем занимался Шон в последнее время? – зачастила Аби, не замечая унылого выражения лица своей собеседницы. – Так вот! Я это узнала! Здорово, правда?

– Да, – снова вздохнула Аня, чувствуя, что вряд ли это ей пригодится. – Здоровее не бывает.

Аби несколько озадачил такой пессимизм, но она решила не сдаваться и торжественно сообщила:

– Он занимался неким Клаусом Гудденом! Вы случайно не знаете, кто это?

– И это вы меня спрашиваете? – удивилась Аня. – А разве ваш муж...

– Нет. У него на этот счет никаких записей.

– Но как же вы решили, что этот человек всерьез интересовал профессора?

– А я наблюдательная, – хихикнула вдова, гордясь собой сверх всякой меры. – Я давно заметила, что Шон очень скрытен, особенно в отношении своих исследований. Но у него, как у всякого ученого, были свои слабости. Они, ученые то есть, такие рассеянные. Шон не исключение. Так вот, когда он чем-либо увлекался, то начинал чертить это слово на полях книг, на черновиках, на салфетках – короче, на всем, что попадалось ему под руку. Наверное, это помогало ему сосредоточиться. Помня об этом, я внимательно осмотрела все его последние бумаги и обнаружила, что он то и дело писал на них это имя – Клаус Гудден.

Информация Аби была, хоть и интересной, но настолько расплывчатой, что вряд ли могла принести хоть какую-то пользу. Этот Гудден мог оказаться кем угодно – от старого приятеля или коллеги до исторического персонажа, жившего в каменном веке. Но Аня не посмела огорчать Аби отказом. В конце концов, девушка была не слишком требовательным клиентом и, в случае неудачи, не стала бы приставать с ножом к горлу. Макс, ждавший Анну в машине, выслушал новость, но на лице его не отразилось никаких эмоций, из чего Аня заключила, что его мнение совпадает с ее собственным, а именно – информация ни на шаг не приближает их к разгадке.

Следующие несколько часов они провели в клинике. Ники так радовался появлению Макса, что Аня даже немного заревновала. Утешало лишь то, что Ники не расставался с ее подарком – медвежонком – ни на минуту.

Глава 22

Анна не теряла надежды отыскать владелицу бархатной сумочки, но им с Максом опять не повезло: возле музея, мимо которого они специально проехали на обратном пути, старушки не оказалось. Мысль о том, что можно попытаться порасспросить местных жителей, показав им редкую вещицу, конечно, посещала ее, но Анна не спешила с этим, подозревая, что результатом окажутся лишь новые слухи и подозрения, а подобного добра хватало и так. Анна не могла не заметить, что после появления Макса, вся их компания стала объектом пристального внимания обывателей. Она то и дело ловила на себе любопытные взгляды, что несколько ее не радовало.

Дома они застали одну лишь Нурию, которая надраивала морозилку, обложившись целым арсеналом моющих средств. Без особого восторга она заявила, что Лелька находится наверху, в своей комнате, и не одна, а с этим Вангелисом.

– Он тебе не нравится? – спросила Анна, присаживаясь рядом с подругой на корточки.

– Не слишком, – призналась Нурия. – Но почему? Приличный мальчик, и Лелька ему небезразлична. Будущий миллионер, опять же.

– Ой, знаем мы этих миллионеров, – фыркнула Нурия. – Ну скажи, на фига ему моя Лелька?

– Глупости. Она хорошенькая, умная девочка. При чем тут его деньги?

– Ты что, книжек не читала? Классиков, например?

– Это ты о «Бесприданнице», что ли? – рассмеялась Анна.

– И о ней тоже. Скажешь, нет?

– Не знаю. Пока, на мой взгляд, беспокоиться не о чем. Лелька – девчонка с головой, разберется, что к чему.

– Она разбере-ется, – протянула Нурия. – К тому же с головой у нас в данный момент как раз проблемы.

Аня сочувственно вздохнула и сказала, правда, не слишком уверенно:

– Ну, мы-то как раз рядом, а значит, все будет хорошо.

Макс не участвовал в разговоре подруг. Анна обнаружила его в комнате Лели, куда его, как единственного мужчину, поселили на время. Леля перебралась в комнату Анны, где великолепно устроилась на диване. Нурия по-прежнему спала внизу, выбрав самое неудобное место, которое по очереди пытались у нее отобрать мучимые угрызениями совести гости.

– Ого! Да ты во всеоружии! – воскликнула Анна, заглядывая Макс

через плечо. – Хорошая штука, – одобрила она, имея в виду ноутбук последней модели с выходом в Интернет.

– Полезная вещь, – согласно кивнул Макс, продолжая стучать по клавишам.

– Я тебе не мешаю?

– Никогда. Я даже могу прерваться, чтобы уделить тебе больше времени, – оскалился Макс. Его пальцы зависли над клавиатурой, а чертики в глазах пустились в пляс. Этим чертятам Анна не доверяла, а потому отпрянула с испуганным видом.

– Что ты, что ты, – замахала она руками, пятясь к двери, – работай на здоровье, а я, пожалуй, пойду.

– Анна, прекрати, – сразу же нахмурился Макс. – Ну что ты, как дикая, в самом деле. Не трону я тебя, успокойся.

– Хотелось бы верить, – проворчала девушка, осторожно присаживаясь на краешек стула. Но любопытство взяло верх над осторожностью, и она, не удержавшись, спросила:

– А что ты делаешь?

– Пытаюсь соорудить конфетку из... сама знаешь, чего.

– То есть?

– То есть ищу информацию о Клаусе Гуддене.

– Ух ты! И как успехи?

– Пока никак, но я не теряю надежды.

– Что, ни одного Гуддена? – разочарованно спросила Аня.

– Гуддены есть, Клаусов вообще немерено, но чтобы вместе... Погоди-ка... Есть один! Так, так, так... Интересно!

– Где? Кто? – забыв об осторожности, Аня сорвалась места и уставилась на экран, по которому бежали ровные строчки.

– Забавно. Только боюсь, что это не совсем то, что мы ищем, – хмыкнул Макс. Откровенно говоря, Клаус, даже с фамилией Гудден, сейчас интересовал его меньше всего. Анна, впервые за многие месяцы знакомства с ним, нарушила установленные ею же самой границы и стояла совсем близко, почти прижавшись грудью к его плечу. От запаха ее кожи и тепла у Макса против воли закружилась голова, большого труда стоило и унять бешено бьющееся сердце. Больше всего ему хотелось схватить ее в объятия, прижать к себе и покрыть поцелуями каждый сантиметр ее тела, такого манящего и такого недоступного. Он забыл только об одном: о ее способности читать чужие мысли. Внезапно нахмурившись, Аня вдруг резко отстранилась и покраснела. Злилась она, правда, не столько на Макса, сколько на себя, особенно на то, что его горячее желание нашло в ее душе

отклик, гораздо более горячий, чем ей бы хотелось.

Макс, знающий по опыту, что настойчивость в случае с Анной не приведет ни к чему хорошему, не стал даже и пытаться, буркнув:

– Прочитала?

– Нет. Я... не слишком быстро читаю на компьютере. Никак не могу привыкнуть, отсвечивает, – нашлась она, с преувеличенным вниманием снова уткнувшись в мерцающее окошко.

По мере того как до нее доходил смысл прочитанного, ее брови непроизвольно ползли вверх. Она надеялась, конечно, что человек, имя которого занимало профессора Хаскинса, окажется для них чем-то полезным, но такого она даже и предположить не могла. Из информации, размещенной на мониторе, следовало, что этот самый Клаус – вор, причем вор международной категории! Надо же, у воров, оказывается, тоже есть иерархия! Последнее громкое дело этого виртуоза, прогремевшее на весь мир, – это кража уникальных рубинов из антикварного креста. Сам крест был утерян гораздо раньше, но камни из него хранились в музее, откуда их и умыкнул знаменитый вор. К сожалению, в этот, последний, раз удача ему изменила – наверное, слишком кощунственным было преступление, – и Клауса схватили вскоре после кражи. Но рубинов при нем не нашли. Полиция установила, что перед самым арестом Клаус посетил гончарную лавку. Владелец рассказал, что посетитель выбрал для себя сувенир – глиняную фигурку лежащей кошки, которых в лавке производили великое множество. Новую партию как раз вынули из печи, находившейся тут же, за небольшой загородкой. Клаус тщательно осмотрел кошку, заплатил за нее и... оставил в лавке, пообещав, что вернется за ней позже. Естественно, он за ней не вернулся, так как через несколько часов его арестовали. Украденных рубинов при нем не оказалось, а про гончарную лавку полиция узнала гораздо позже, года через два. К тому времени хозяин счел, что покупатель забыл о своем сувенире, и продал кошку другому. Произошла эта история в 1894 году, но, едва взглянув на графическое изображение украденных камней, Анна похолодела: один из них в данный момент лежал в ее купленной сумочке... Один из трех, тот, который исчез когда-то вместе с крестом.

Заикаясь и захлебываясь словами, Анна рассказала Максу о своем открытии.

– Чудеса! Значит, наш профессор охотился за рубинами? Поэтому и собирал глиняных уродцев? Но при чем здесь Сара?

– При всем! – завопила Анна, вспомнив о своей недавней находке. Не говоря больше ни слова, она, точно ошпаренная, вылетела из комнаты,

скатилась с лестницы, вызвав удивление Нурии, по-прежнему сидевшей возле распахнутой настежь дверцы морозильника, и бросилась к двери в подвал.

– Ты куда? – взывал Макс, еле поспевая за ней.

– Что это с ней? – шепотом спросила Нурия.

– Ключ! Где этот чертов ключ? – бормотала Анна, шаря по полкам дрожащими от волнения руками.

– Подожди, – остановила ее Нурия, – ты об этом?

Схватив протянутый ключ, Анна попыталась открыть замок, но ей это не удалось. Макс пришел на помощь, хотя ее действия и необычное возбуждение пугали его. Как только дверь открылась, Анна галопом понеслась вниз, позабыв даже включить свет.

– Где же ты, киса? Где? – донеслось до удивленных друзей из темноты ее невнятное бормотание.

– Кого она ищет? – шепотом спросила Нурия. – Каспера, что ли?

– Миау! – подал голос Каспер, слышав свою кличку.

– Надеюсь, скоро мы узнаем, в чем дело, – с сомнением сказал Макс и шагнул в темноту.

– Этот дом плохо влияет на обоих, – вздохнула Нурия и, прежде чем последовать за Максом, щелкнула выключателем на стене возле двери, на самом видном месте.

Яркий свет залил просторное помещение подвала. От неожиданности Анна зажмурилась: она стояла возле горы коробок, крепко прижимая к груди глиняную кошку.

– Аня, с тобой все в порядке? Зачем тебе эта уродина? – спросила Нурия.

Макс промолчал, начиная понимать кое-что. Анна вцепилась в кошку так, что побелели пальцы, потом вдруг резко подняла руки и шарахнула фигурку об пол что есть силы. Нурия взвизгнула и отскочила, Макс, напротив, бросился к разлетевшимся во все стороны осколкам.

Через четверть часа они снова сидели за столом в кухне и молча смотрели на два огромных рубина каплевидной формы, к которым Анна со вздохом добавила третий, похожий на них, как брат-близнец.

– Мамочка, что же это? Откуда? – простионала Нурия. Но предаться отчаянию в полной мере ей помешали заскрипевшие ступеньки. Вовремя спохватившись и вспомнив о том, что в доме посторонний, Нури не растерялась и быстро накрыла камни глубокой тарелкой, стоящей на столе.

– Мам, я провожу Вангелиса до калитки? – спросила Лелька.

– Хорошо, только недолго, – поспешно разрешила Нурия. Лелька, не

ожидавшая такого легкого согласия, поспешила смыться, подталкивая ничего не понимающего юношу к выходу, но у самой двери притормозила.

– Мам, а что это у вас так грохнулось? – спросила она с детской непосредственностью, заметив с удивлением, как одновременно вытянулись лица взрослых.

– Это я споткнулся на лестнице, – первым нашелся Макс.

– Да? А мне показалось, что звук был из подвала, – пожала плечами Лелька. – Ну ладно, я пошла. – Наблюдательная у тебя дочка, – хмыкнул Макс, переводя дух.

– А ты чего хотел? Грохот стоял по всему дому, – огрызнулась Нурия.

– Ладно, не препирайтесь. У нас мало времени, – вмешалась Анна. – Лелька вот-вот вернется.

– А я так не думаю, – хитро улыбнулся Макс. Нурия одарила его выразительным взглядом, от которого он разулыбался еще шире.

Анна подняла тарелку и снова уставилась на камни, о чем-то размышляя.

– Интересно получается, – сказала она. – Вначале мы не могли найти ни единой причины, по которой кто-то залез к нам в дом, зато теперь их целых две. Как вы думаете, что же искали – голову или камни?

– Камни, конечно, – уверенно сказала Нурия. – Зачем кому-то голова? Тоже мне ценность.

В ее словах была определенная логика, но что-то Анну в ней не устраивало: все время казалось, что все, что им известно, – части единой картины и рано или поздно узор сложится, а каждому факту найдется свое место. Жаль, что это были всего лишь ее предположения, обосновать их она пока не могла.

– Давайте попробуем вспомнить все, что нам известно, – предложил Макс. – Желательно в хронологическом порядке. Может быть, тогда что-то прояснится?

– Давайте, – поддержала Анна. – Вначале погиб профессор, его смерть не вызывает особых подозрений, если бы не голова-путешественница.

– Ошибаешься. Сначала была записка от Сары с предложением о встрече, – возразил Макс. – Ведь писать ее имело смысл только тогда, когда профессор был еще жив.

– Хорошо. Пусть будет записка. Мы не знаем, встретились они или нет, но можем предположить, что мотивом для этой встречи послужили рубины, которые много лет искал профессор и которые хранились у Сары все это время.

– Подождите, один камень был не у нее, а у той женщины, что продала

тебе сумочку! – напомнила Нурия.

– Ну, два камня – тоже неплохо.

– Согласна, что дальше?

– Дальше профессор теряет голову. Нурия переезжает в новый дом, и через несколько дней Лелька натывается на труп неизвестной безголовой женщины в часовне. После этого у нее возобновляются кошмары, на нее начинаются покушения.

– Вывод один: Лелька либо видела убийцу, либо ее в этом заподозрили.

– А какая связь между профессором и трупом в часовне? – спросила Нурия.

– Только одна – у обоих отсутствуют головы. Это уже похоже на почерк.

– Но если мы предполагаем, что голову профессора похитила Сара, то выходит, что и женщину обезглавила она?

Неожиданный вывод, к которому пришел Макс, вызвал в рядах женщин замешательство, которое усилилось, когда в полной тишине Анна заявила:

– А что, если женщина в часовне – это и есть Сара?

Макс только присвистнул.

– Смелое предположение, – подала голос Нурия.

– И не такое уж абсурдное, как может показаться на первый взгляд, – одобрительно заметил Макс.

– Не вижу ничего абсурдного, – огрызнулась Анна. – У нас есть неопознанный труп...

– Не у нас, а у полиции. Ты его даже не видела, – напомнил Макс.

– Спасибо за уточнение, – язвительно поблагодарила Аня. – Так вот. Совпадают пол и возраст. Это уже немало, учитывая, что нечасто убивают женщин столь преклонного возраста, а Сара, напоминаю, пропала. – Ну, старух-то в этой истории хватает, – не согласился Макс. – Сара, труп в часовне, и еще та, с театральной сумочкой...

– Последняя, надеюсь, еще жива, – пробормотала Анна. – Я встретила ее уже после того, как нашли труп в часовне. Куда же она, кстати, подевалась?

– А что, если Сара – это не труп, а та старушка, что отдала тебе сумочку? – высказала Нурия довольно неожиданную версию. Макс и Анна воззрились на нее, открыв рот.

– Что ж, это не более невероятно, чем первое предположение, – наконец вымолвил Макс. – Анна, ты запомнила ее лицо?

– Не слишком. Темнело, и на старушке было что-то вроде капюшона

или шали, но кое-что я все же разглядела. А чем это может помочь? Ведь у нас нет ее фотографии – я имею в виду Сару?

– Вот тут ты ошибаешься, – возразила Нурия. – Среди вещей бывшей хозяйки был старый альбом, я положила его в коробку вместе с остальными вещами.

– Где он?! – завопили Анна с Максом в один голос.

– В подвале, где же еще?

Все трое снова спустились в подвал. На этот раз обошлось без шума. Альбом отыскался достаточно быстро, но мало чем помог. В нем было много фотографий, в основном – старых, на которых была запечатлена красивая женщина, которая выросла, а потом старела от страницы к странице. Рядом с ней мелькали какие-то мужские, женские, детские лица, но сама она присутствовала на каждом снимке. С последнего на них смотрела уже очень старая женщина, на изрытом морщинами лице которой жили только глаза – яркие, молодые, необыкновенно пронзительные. Анна внимательно вглядывалась в снимок, но не могла сказать с уверенностью, что именно у этой женщины покупала сумочку. Зато ее ждало другое открытие: фото молодой Сары показалось ей отчего-то знакомым. Она ломала голову до тех пор, пока не поняла – эта Сара и та, что находится в музее восковых фигур, – одно лицо. Природа сыграла странную шутку, воссоздав через столько лет точную копию рыжеволосой красавицы.

Глава 23

Анна положила руку на снимок, решив прибегнуть к последнему средству. Она попыталась прочесть информацию, заложенную в фотографию, чтобы определить – жива ли еще Сара или нет. Она совершенно потеряла связь с реальностью, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, и не заметила, как Нурия тихонько вышла из подвала. Через некоторое время наверху хлопнула дверь, послышались голоса. Мать и дочь разговаривали на повышенных тонах.

– Мама, перестань, я уже не маленькая! – с надрывом кричала дочь, совершенно забыв о посторонних.

Голос Нурии был гораздо спокойнее, но не менее напряженным:

– Пойми, он тебе не подходит.

– Почему? Он умный, симпатичный, богатый, наконец! Что тебе не нравится?

– Это и не нравится.

– Вот как? Интересно!

– Миллионер не пара простой девчонке!

– А кто пара? – взвизгнула Леля. – Слесарь-алкоголик? Нищий инженер? Ты такого мужа мне хочешь? Ну спасибо!

– Лелька, я боюсь за тебя, пойми! Он поиграет с тобой и бросит, а ты будешь всю оставшуюся жизнь зализывать раны.

– Бросит? Как бы не так! Ты ничего не знаешь! Да если я захочу, он будет всю жизнь в ногах у меня валяться! – с вызовом припечатала Леля.

– О чем это она? – насторожилась Анна, с трудом отрываясь от фотографии.

– Обычная истерика, – пожал плечами Макс. – Хотя мать права: родители парня скорее всего не допустят серьезных отношений между ними.

– Мне кажется, Лелька так не думает, – задумчиво проговорила Аня.

– Естественно. Все девчонки в ее возрасте верят в сказку о Золушке, – презрительно хмыкнул Макс.

– Нет, тут что-то другое, – покачала головой Аня, все больше хмурясь. Она прислушалась, ожидая услышать продолжение разговора, но Лелька уже убежала к себе, изо всех сил хлопнув дверью о косяк. Нурия с измученным видом присоединилась к ним через минуту. Анна сразу заметила, что глаза у подруги покраснели – похоже, та только что плакала.

– Ладно, девчонки, пошли что ли, по кофейку хлопнем? – преувеличенно бодрым тоном предложил Макс. – Анна нам расскажет, что увидела новенького.

Анна поморщилась от его слов, думая, что, когда он узнает то, что знает теперь она, веселья у него заметно поубавится.

– Ну так как? Узнала что-нибудь? – поинтересовался Макс, сидя за столом в обнимку с кружкой.

– Ага.

– Выкладывай!

– А у тебя нервы выдержат? – усмехнулась девушка.

– Как-нибудь постараюсь, – обиделся парень. – Не в первый раз. Хуже, чем тогда, в джунглях, быть уже не может, мне так кажется.

Анна придерживалась иного мнения, но промолчала.

– Так что там с Сарой? Она передала тебе сумку или нет? Ты смогла бы ее узнать? – спросила Нурия, старательно демонстрируя интерес, хотя все ее мысли в данную минуту были заняты непутевой Лелькой.

– Думаю, что это была она, – кивнула Анна.

– Слава богу, жива наша старушка. А то уж я начал опасаться, что это ее нашли в часовне, – сказал Макс, прихлебывая кофе из кружки. – Наша задача облегчается: надо отыскать твою хранильницу антиквариата и спросить, где она его взяла и что там произошло с профессором.

– А вот это у тебя не получится, – спокойно заметила Анна.

– Почему?

– Сара была мертва к тому времени, когда передала мне сумку. Я должна была понять это еще тогда, когда обнаружила неожиданно возникшие, словно из воздуха, предметы.

– Ты намекаешь... – начала Нурия.

– Да, я встретилась в тот вечер с привидением.

– Что?! – прошипел Макс, поперхнувшись горячим кофе. Он корчился от кашля, а Анна насмешливо поглядывала в его сторону.

– Стукни его по спине, а то надорвется, – посоветовала Нурия.

Анна послушно встала со своего места, обошла стол и хлопнула Макса между лопаток, не особенно сдерживаясь. Удар такой силы мог бы оставить внушительную вмятину и на металле, а Макс так просто посинел.

– Хватит! – выдавил он, хватая воздух открытым ртом, когда увидел, что Аня намерена повторить попытку. – Вы что, сговорились прикончить меня?

Аня и Нурия переглянулись, а Макс откинулся на спинку стула и, немного отдышавшись, сумел наконец сглотнуть.

– Ань, а ты уверена в том, что только что сказала? – осторожно спросила Нурия. – Мне кажется, это как-то не совсем, прошу прощения, правдоподобно.

Она виновато посмотрела на Анну, но та нисколько не обиделась. Такой реакции она и ожидала.

– На самом деле я действительно должна была догадаться раньше, – вздохнула она. – Ведь я же не сумасшедшая и не до такой степени слепая, чтобы не заметить здоровенный булыжник в маленькой матерчатой сумочке.

– Ничего себе булыжник, – хмыкнул Макс, косясь на слабо мерцающий рубин.

– Если произошло чудо и предметы появились сами по себе, то человек, который мне их передал, не мог не иметь к этому отношения, – продолжала Анна, игнорируя замечание Макса. – Да и человеком вряд ли он был.

– Но зачем она, или оно, или как его там, отдало тебе эти предметы? – искренне удивилась Нурия.

– Не знаю. Она чего-то хотела от меня. Ей нужно было передать камень и документ именно мне, ведь она даже намекнула на это, сказав: «Я в вас не ошиблась» или что-то в этом роде. К тому же она сразу определила, что кольцо у меня на руке не простое. Понимаете? В темноте и с первого взгляда! Нет, она сделала все специально и с какой-то целью.

– Хотелось бы мне знать – с какой? – мрачно задумался Макс. – Привидение она или нет, а втягивать тебя в сомнительную историю безо всяких объяснений – это мерзко.

– Она же не заставляла меня. Я могла бы просто присвоить камень, выкинуть бумажки и жить себе припеваючи, – попыталась оправдать поступок Сары Анна.

– Ну вот, ты ее уже защищаешь! – возмутился Макс. – А между прочим, это твое привидение хранило в подвале голову профессора, а может быть, натворило и еще чего похлеще.

– Ладно, не ссорьтесь. Надо попробовать разобраться, чего же это привидение от тебя хотело, – вмешалась Нурия. – Но, боюсь, без посторонней помощи нам не обойтись, Ань.

– Да, я слышу, – откликнулась девушка. – Мне кажется теперь, когда мы догадались кое о чем, Сара может попытаться вновь выйти на связь. Поэтому я должна побывать в музее. Даже если ее там не окажется, попробую поговорить с Диконом и Керри. Мне кажется, они должны что-то знать.

– Я с тобой, – заявил Макс.

– Нет. Не думаю, что это правильное решение: она не появится, если ты будешь рядом.

– Ну и фиг с ней. Или вместе, или ты никуда не пойдешь. По крайней мере, ночью, – нахмурился Макс.

Но Анна и не думала отступать.

– Прости, но ты лезешь не в свое дело, – тихо, но твердо произнесла она, сверкнув глазами, похожими сейчас на голубое пламя автогена – такое же горячее и опасное. Макс отшатнулся, будто его ударили. Он немного помолчал, потом заговорил, в его голосе чувствовались еле сдерживаемая ярость и обида.

– Я уже понял, – глухо сказал он, – что ты невозможная гордячка. Слышишь меня, детка? Не хотелось навязываться со своей помощью, потому что знаю, как ты на это отреагируешь. Тебе надо все сделать самой! Только самой! Как же, ты же у нас супервумен, укротительница темных сил!

Анна вжала голову в плечи, лицо ее сморщилось, как от сильной боли, но она смолчала. Нурия слабо охнула, но вмешаться на этот раз в спор не решилась.

– В этот раз я нарушил данное самому себе обещание, – продолжал Макс, – потому что чувствую: на этот раз тебе одной не справиться. Да и зачем? Зачем, если я рядом? Черт возьми, засунь хоть раз свою гордость куда подальше и обопрись на мое плечо, даже если тебя тошнит от этого! Ты куда?!

Анна, все так же не поднимая головы, поднялась со стула и пошла к двери. На Макса она даже не взглянула, и он в отчаянии только заскрипел зубами и пробормотал ругательства. Когда она взялась за дверную ручку, он не выдержал и его кулак опустился на стол с такой силой, что толстое дерево столешницы дало трещину. От удара Анна вздрогнула и обернулась.

– Я скоро вернусь, – сказала она и быстро вышла из дома.

– Дрянь! – выдохнул Макс едва слышно. Мягкая рука легла на его напряженные, со вздувшимися венами руки.

– Неужели ты не видишь? – спросила Нурия тихо. – Она же боится за нас и хочет защитить любой ценой! Она плакала, я видела. И еще – ей тоже страшно, не столько за себя, сколько за нас. Ты должен это понять.

– Я хочу защитить ее не меньше, – упрямо возразил Макс.

– Уверена, когда ей понадобится наша помощь, она скажет нам об этом, – заверила его Нурия.

Макс ничего не ответил. Впервые в жизни он чувствовал, что готов

отдать жизнь за другого человека, но этому человеку, как видно, были не нужны такие жертвы.

* * *

Дождь начался, как только Анна выскочила на крыльцо. Вернее, нет, сначала полыхнула молния, осветив двор и даже улицу за калиткой. В ослепительном, каком-то мертвенном свете этой вспышки Анна успела увидеть, как над горами, подступающими к городу, поднимались клубящиеся черные облака, точно густой дым над котлом с кипящей серой. И сразу хлынул ливень. Гром оглушил Анну, заставив помедлить. Но она, упрямо тряхнув головой, стала спускаться с крыльца. Вода прибывала с такой скоростью, что за считанные секунды по земле разлились огромные лужи. Аня по инерции старательно обходила эти лужи – занятие, которое в ее состоянии представляло чисто академический интерес, ибо она в одно мгновение промокла до нитки.

Жуткий вопль до смерти перепуганного ребенка непроизвольно вырвался у Анны, когда прямо над ней с треском обломилась от ветра большая тяжелая ветка и рухнула перед нею на тротуар, загородив ей путь. Девушка понимала, что лучше вернуться, но какая-то неведомая сила гнала ее вперед до тех пор, пока она не очутилась перед воротами музея. В окошке маленького домика, где ютились Патнэмы, горел свет, и это придало Ане сил. Она толкнула мокрую тяжелую калитку и бегом преодолела несколько метров до покосившегося крыльца.

Анна постучала в дверь, не надеясь, что за шумом дождя и ветра ее стук будет услышан, но дверь моментально отворилась. Огромная тень появилась в дверном проеме, заслоняя собой свет, падающий из комнаты. Это был Дикон. Не слишком привлекательный и при свете дня, сейчас он имел вид одного из неудавшихся страшилищ доктора Франкенштейна. Преодолев первый, чисто инстинктивный приступ страха, Анна с удивлением обнаружила, что на лице великана написана тревога, смешанная с удивлением. Если второе можно было отнести к ее появлению, то первое не имело объяснения. Придумать причину, которая в состоянии напугать гиганта, Анна не могла, даже имея богатое воображение.

Между тем Дикон уже успел справиться с собой и теперь выглядел как обычно, то есть мрачным.

– Какого черта вы здесь делаете? – спросил он, даже не пытаясь

казаться дружелюбным.

– Мне надо поговорить с вами, – сообщила Анна, вымученно улыбаясь.

– В такое время? Или вы просто прогуливались мимо и решили завернуть на огонек? – язвительно осведомился он. Неизвестно, что больше удивило девушку, его агрессивность или способность иронизировать.

– Пожалуйста, поговорите со мной. Это важно! – воскликнула она, ожидая, что вот-вот тяжелая дверь захлопнется перед носом.

Судя по всему, именно это пришло в голову и Дикону, но, неизвестно почему, он передумал и, буркнув: «Проходите», – отступил в сторону, оставив узкую щель, в которую юркнула Анна.

Оказавшись внутри дома, девушка робко осмотрелась, отметив, что, несмотря на бьющую в глаза бедность этого крошечного жилища, повсюду царил образцовый порядок. Она топталась у порога комнаты – единственной здесь, не решаясь пройти дальше. Дикон не предложил сесть, протопал к креслу и плюхнулся напротив, сверля девушки недобрый взглядом. И тут она отчетливо поняла, что поспешила воспользоваться его приглашением.

– А где же Керри? – спросила она робко и увидела, как лицо Дикона перекошилось от недовольства.

– Как видите, ее нет, – сказал он, сжимая кулаки, каждый из которых был размером с голову Ани. – Так вам нужна моя дочь? Сожалею...

«А уж я-то как сожалею!» – тоскливо подумала Анна, понимая, что здорово рискует, оказавшись один на один с этим непредсказуемым типом. Шуршание дождя по крыше и протяжные стоны ветра только усиливали жутковатое ощущение. Ане казалось, будто множество таинственных созданий просачиваются внутрь между стропилами прямо в дом.

– Может быть, я зайду в другой раз? – малодушно пискнула Анна, чувствуя, что не сможет в такой ситуации выдать из себя ни единого слова, а уж о том, чтобы связно изложить свой вопрос, смешно было и мечтать – страх парализовал ее.

Дикон в ответ на ее слова оскалился, обнажив огромные желтые зубы, которые не украсили бы и лошадь.

– Отчего же? Мы можем подождать Керри вместе.

– Думаете, стоит? – с сомнением спросила Анна.

– Стоит, стоит, к тому же нам есть о чем поговорить. Вы ведь не послушали меня и продолжаете совать нос во все щели, не так ли?

– Я ничего никуда не сую. В вашем городе творится черт знает что, и все вы, догадываясь об этом, ничего не хотите знать. А я хочу. Потому, что

это касается меня и моих друзей! – неожиданно разозлилась девушка.

– И вы думаете, что справитесь? – Такой вариант явно позабавил Дикона, в его голосе слышалась издевка. Анна не обиделась на хамство, потому что великан был не так уж далек от истины. Она собралась ему ответить что-нибудь в свое оправдание, но вместо своего голоса услышала дикий, какой-то нечеловеческий крик, который донесся снаружи.

Дикон вскочил на ноги и побелевшими губами прошептал:

– Боже мой, это Керри!

– Так что же вы стоите, идемте скорее! – закричала Анна, когда крик повторился снова, еще более страшный и безумный. Невозможно было представить, какие муки должен был испытывать человек, чтобы *так* кричать, не говоря уже о хрупкой девочке.

Видя, что Дикон застыл столбом посреди комнаты, дико вращая глазами, Анна подскочила к нему, без особых церемоний вцепилась руками в рукав его домашней куртки и изо всех сил потянула за собой. С тем же успехом она могла бы попытаться сдвинуть с места гору, но, к счастью, гигант опомнился и двинулся за ней сам. До Анны доносилось его невнятное бормотание, но у нее не было времени прислушиваться. Она первой выскочила на улицу и помчалась к зданию музея, откуда без перерыва несся этот жуткий вой.

Глава 24

Гроза бушевала вовсю. Анна и Дикон бежали сквозь сплошную стену воды по внутреннему двору. Ледяные струи отскакивали от булыжников, которыми был вымощен двор, и хлестали девушку по щиколоткам. Вспыхнула молния, и почти одновременно ее оглушил мощный раскат грома. В эту секунду Аня успела увидеть спешащую прочь от здания маленькую, словно детскую фигурку в плаще с капюшоном.

– Керри! – крикнула она, решив, что видит испуганную чем-то девочку. Но та даже не обернулась на крик, скрывшись среди деревьев. Снова наступила темнота, еще более непроницаемая после ослепительной вспышки электрического разряда. Анна помедлила, не зная, как поступить, но ее подстегнул новый вопль, донесшийся из стен музея, и она побежала вперед.

Анна первая взбежала по ступенькам и принялась дергать дверь. Та не поддавалась.

– Здесь замок! – перебивая шум дождя, сообщил подоспевший Патнэм.

– Но как же она попала внутрь?

– Не знаю. Наверное, спряталась перед самым закрытием.

– Что же делать?

– У меня есть ключ, – успокоил ее Дикон, быстро отпирая висячий замок внушительных размеров.

Крики прекратились, как только они перешагнули порог и очутились в темном и мрачном холле. Анна растерянно озиралась, пытаясь определить, откуда еще недавно доносились крики. Она чутко прислушивалась, но теперь, как назло, – ни единого звука, и это пугало еще сильнее.

Вспыхнул свет. Но он не ослепил, настолько был слабым и зыбким.

– Здесь специально такое освещение? – негромко спросила она Дикона, заметив его возле выключателя, в противоположном конце холла.

– Нет. Просто оно очень старое.

Анна кивнула, словно вопрос о мощности лампочек интересовал ее сейчас больше всего. Вместе они направились в сторону начала экспозиции, внимательно глядя по сторонам. Сейчас, когда за окнами стояла непроглядная темень, а по стеклу лупил проливной дождь, застывшие восковые фигуры выглядели невероятно зловеще: казалось, будто они шевелились, протягивая к ним руки, неожиданно выступая из

темноты.

Керри была там, среди этих мертво-живых экспонатов, похожая на них, но еще более пугающая. Анна не сразу заметила ее, хотя все время ожидала увидеть. Она поняла, почему девочка больше не кричала: мертвые отличаются особенной молчаливостью, а девочка была мертва. В первую минуту Анна не поняла этого и подумала, что девочка просто притаилась в громоздком черном кресле, тускло мерцающем в полумраке. Она открыла было рот, чтобы окликнуть ее, не напугав, но так и не издала ни звука, встретившись со стеклянным взглядом безобразно выпученных глаз на искаженном гримасой ужаса лице девочки.

– Вы нашли ее? – услышала Анна голос Дикона. Они разделились еще в предыдущей галерее, чтобы таким образом ускорить поиски, но сейчас, словно почувствовав что-то, Патнэм спешил к ней навстречу. Не осознавая до конца, что делает, Анна заслонила собой скрюченную фигурку, чтобы отец не сразу разглядел то, что произошло с его дочерью.

– Дикон, стойте! – попыталась она удержать его на расстоянии.

– Где она? – хрипло спросил он, отстраняя Анну со своего пути, как пушинку. – О господи! Что это?!

– Не знаю. Не понимаю, как это могло случиться.

Труп девочки представлял ужасное зрелище. Дело даже не в том, что она была совершенно голая – маленькая хрупкая фигурка на холодном черном мраморе. Неведомая сила раздробила ей все кости до единой. Неосторожно взяв ее за руку, чтобы проверить на всякий случай пульс, Анна отшатнулась, почувствовав, что рука запросто гнется во всех направлениях, будто сшитая из тряпок. Кости, если они были, превратились в труху, прямо на глазах на коже стремительно выступали темные пятна.

Завороженная этим страшным зрелищем, Анна не сразу услышала звук, похожий на тоскливое глухое ворчание. Опустив голову, она увидела Дикона, который плакал, обхватив руками ноги своей мертвой дочери. Он даже плакал по-звериному, тихонько раскачиваясь и подвывая.

– Дикон! – позвала Анна. – Дикон, пожалуйста!

Она прикоснулась к его вздрагивающим плечам, испытывая острую жалость, но он не замечал ее, поглощенный своим горем. Анна вдруг отчетливо поняла, что не было на свете человека, который бы любил Керри сильнее, чем ее собственный отец. То, что он обращался с ней так жестоко, имело, судя по всему, веские основания, и Анна чувствовала, что должна узнать правду. Но как? В данную минуту Дикон был совершенно невменяем, а ей так нужна была его помощь.

Анна задумалась, наблюдая за раскачивающейся фигурой гиганта, и

приняла решение: она подошла к нему сзади. Чтобы приложить руки к его голове, ей не пришлось даже становиться на колени: скорчившийся в три погибели мужчина оказался практически одного роста со стоящей Анной. С жалостью глядя на его взъерошенный затылок, Анна легко коснулась висков человека и принялась шептать что-то, быстро шевеля губами.

Это было испытанное заклинание, снимающее тоску с отчаявшегося человека, которое погружало страдальца в некое подобие анабиоза. При этом человек сохранял способность ясно мыслить, но горе, разрывающее его сердце, немного отступало, как бы прикрытое прозрачным, но прочным занавесом. Заклинание «на слезы»... Анна редко пользовалась им, так как не была уверена, что вправе избавлять человека от горя против его воли, но иногда без этого было не обойтись. Сейчас был именно такой случай.

После того как она прочитала заклинание в третий раз, Дикон шумно вздохнул, обернулся к ней, но ничего не сказал. Потом тяжело, с трудом, поднялся на ноги, снял с себя куртку и накрыл ею тело дочери, будто она была маленькой замерзшей девочкой. Анна поежилась.

– Надо вызвать полицию, – сказала она тихо.

– Нет. Не сейчас, – покачал головой Патнэм.

– Почему? Возможно, преступник не успел уйти далеко.

Дикон только усмехнулся и опять покачал головой:

– Мне надо кое-что рассказать тебе. Ты ведь за этим пришла сюда, правда?

– Но почему? Почему вы решили мне рассказать сейчас?

– Ты такая же, как они. Я сразу это понял. Ты что-то сделала, и мне стало легче. Спасибо.

– Вы о чем? – осторожно спросила Анна, отступая назад. Страх перед этим человеком вернулся, и она пыталась держаться от него подальше.

– Не бойся. Я не держу на тебя зла, – грустно улыбнулся гигант. – Ты ведь ведьма, правда?

– Но почему...

– Меня трудно обмануть, я был женат на такой, как ты, многие годы. Нет. Не то... Ты не такая. В тебе нет зла, только любопытство и желание помочь.

– Вы считали свою жену ведьмой?

– Считал? Нет. Я знал это наверняка. Она была исчадием ада. Пойдем со мной.

Он двинулся по залу не оглядываясь. Анна помедлила, не решаясь последовать за ним. Что, если его неожиданная уступчивость – всего лишь ловушка? Он заманит ее в какое-нибудь укромное место и прикончит. Они

одни. Кто хватится ее до утра?

– Ты идешь? – окликнул ее Патнэм, останавливаясь.

– Да, – внезапно решила Анна.

Он удовлетворенно кивнул. Они пошли в противоположную от выхода сторону. Анна пыталась понять, куда он ведет ее, но скоро запуталась в бесчисленных коридорах. Изнутри музей напоминал муравейник термитов с запутанными галереями и переходами. Поднявшись по лестнице, они остановились перед низкой дверью, почти сливающейся с обшитыми полуистлевшей тканью стенами. Дверь была не заперта, и это обстоятельство вызвало у Дикона новый тяжелый вздох, а Анино сердце наполнило тревогой. Она чувствовала, что за дверью таится зло, настолько явственное, что она воспринимала его как нечто реальное, осязаемое, как некое живое существо, злобно притаившееся в темноте.

Но комната, в которую они вошли, была пуста. Точнее, в ней не было людей, но она была буквально забита леденящими душу предметами, в которых Анна безошибочно узнала колдовские атрибуты. Причем хозяин этого «снаряжения» был магом высшей категории, это не подлежало сомнению. Середину комнаты занимал алтарь, обтянутый черным атласом; таким же материалом были обиты пол, потолок и лишённые окон стены. По всему полу стояли оплывшие свечи, некоторые из них еще горели, распространяя удушливое зловоние. Кости, черепа, сушеные травы и старинные книги занимали все свободное пространство довольно тесного помещения.

– Это комната вашей жены? – спросила Анна, ужаснувшись.

– Была. Теперь, как видишь, у нее другая хозяйка.

– Неужели Керри?!

– Конечно. Я запираю эту комнату на множество замков, запрещал девочке приближаться к ней на пушечный выстрел, но она, как видишь, все-таки добралась до нее. Это ее и погубило.

Анна стояла не в силах вымолвить ни слова. Ее взгляд был прикован к алтарю, точнее, к тому, что лежало на подставке из скрещенных костей, сильно напоминающих человеческие. Это была всего лишь фотография. Яркий моментальный снимок, на котором была изображена смеющаяся девочка. Это была Лелька.

Заметив ужас, отразившийся на лице девушки, Дикон проследил за ее взглядом и удовлетворенно кивнул:

– Теперь ты понимаешь, во что ввязалась?

– Кажется.

– Послушай моего совета. Не связывайся с ними, тебе не справиться.

– Почему бы не попробовать? Мне все время кажется, что надвигается что-то страшное. Кто-то должен попытаться их остановить. Иначе произойдет катастрофа.

– Глупая! Глупая самонадеянная девчонка! Зло всегда сильнее добра! Неужели ты этого не знаешь? Зло всегда побеждает, иначе бывает только в сказках! Забирай своего ребенка и друзей, и бегите отсюда! Немедленно! – заорал Патнэм. Но Анна больше не боялась его рычания.

– Вы правы, – ответила она, твердо глядя ему в глаза. – Зло всемогуще, но слепо. Если его нельзя победить, то можно попытаться обмануть. Это сказал один очень мудрый человек, и я ему верю.

Дикон молчал, пораженный хладнокровием и безрассудством девушки.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – сказал он после паузы. – Но сначала, прежде чем ты примешь окончательное решение, я хочу рассказать тебе о некоторых вещах. Терять мне больше нечего – Керри мертва, и сгубила ее эта проклятая жажда власти, так что я хочу снять грех с души и, может быть, спасти твою жизнь, которую ты ни во что не ставишь.

«Как вы ошибаетесь! – хотелось крикнуть Анне. – Если бы вы только знали, как я хочу жить! Особенно теперь, когда у меня есть Ники. Но именно ради него я должна попытаться предотвратить то, что надвигается на этот город, а может быть, и на весь мир». До сих пор Анне всегда хватало сил, чтобы справиться с любой неожиданностью. Судьба то и дело подкидывала ей испытания, не давая скучать, но ей еще ни разу не казалось так отчетливо, как сейчас, что она попала в переплет, из которого ей уже не выбраться.

Глава 25

– Зачем вы ищете Сару Ингерсол? – задал Дикон вопрос, который привел Анну в замешательство. Ей было достаточно взглянуть на мужчину, чтобы понять: им руководит не праздное любопытство. Поэтому она ответила правду. Сама не ожидая, она рассказала этому нелюдному человеку все о своих предположениях относительно связи Сары и профессора Хаскинса. Не упомянула она только о рубинах и старинном документе.

– Зря вы все это затеяли, – сказал Дикон, когда она закончила рассказ.

– Почему? Вы думаете, что Сара здесь ни при чем?

– Как раз нет, – возразил он, и добавил со злостью: – Сара была злобной, коварной женщиной. Настоящей ведьмой. Это она превратила мою жену в исчадие ада, а затем взялась за дочь. В результате я потерял обеих, – с горечью сказал он.

Анна искренне сочувствовала горю Патнэма, но ей необходимо было двигаться дальше, поэтому она сказала:

– Сара назначила встречу профессору в вашем музее. Если бы я могла узнать, встретились они или нет... Вообще-то это маловероятно, ведь к тому времени она уже длительное время считалась пропавшей. Я склоняюсь к мысли, что кто-то просто воспользовался ее именем.

– Глупости, – прервал ее Дикон. – Сара встречалась с Хаскинсом, я могу это подтвердить.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Перед самым закрытием я был в соседнем зале, а они как раз заканчивали разговор. Меня не заметили, а вот я хорошо разглядел, как почтенный профессор передал старухе увесистую пачку долларов. – Дикон усмехнулся, припоминая эту сцену. Неизвестно почему, но она показалась ему забавной.

– А вас не удивило, что Сара, которую давно потеряли в городе, преспокойно появилась в вашем музее?

– Нисколько. Я видел ее и раньше. Не знаю, зачем и где она пряталась, но они продолжали встречаться с моей дочерью. Чтобы прекратить эти встречи, я следил за Керри и несколько раз натыкался на Сару. Правда, ни разу мне не удалось отловить эту старую поганку, чтобы раз и навсегда объяснить ей, что моя дочь – не для нее.

Из слов Дикона следовало, что профессор передал старухе крупную

сумму денег, ничего не получив взамен, – именно не получив: ведь он считал эту встречу чрезвычайно важной, вряд ли эта важность была продиктована только желанием расплатиться. Он рассчитывал что-то получить взамен, что-то настолько ценное, что рискнул сделать огромную предоплату практически незнакомой женщине. Но собиралась ли Сара отдать ему то, за что получила деньги, – вот в чем вопрос. По крайней мере, в музее она этого не сделала, а потом было уже поздно – профессор скончался спустя несколько часов. Таким образом, предположение Анны о том, что Сара имела прямое отношение к исчезновению профессорской головы и, может быть, к убийству – если это было все-таки убийство – превратилось в уверенность.

– Мне надо отыскать ее во что бы то ни стало, – думая о своем, проговорила Анна.

– Даже и не пытайтесь. Вам это не удастся.

– Но почему? Вам ведь удалось?

– Это было до... это было раньше. Теперь – нет.

– Раньше – это когда?

– Еще до вашего появления в городе, – ответил Дикон уклончиво.

– Ну что ж, вынуждена вас разочаровать, – пристально глядя на него, заявила Анна. – Я уже встречалась с Сарой и могу это доказать. – Анна, не сводя с Дикона глаз, открыла свою сумку и показала ему портмоне, расшитое бисером. Великан отшатнулся, будто увидел в ее руках гремучую змею.

– Это невозможно! – прошептал он побелевшими губами.

– Это ее сумочка?

– Да. Но вы не могли встретиться со старухой. Признайтесь, вы обнаружили это среди ее вещей, в ее доме? – с надеждой спросил он.

– Нет, – продолжала Анна стоять на своем, – я получила это из ее собственных рук. Даже заплатила некоторую сумму.

– Повторяю – это невозможно. Сара уже давно мертва.

– Откуда вы знаете? – быстро спросила Аня.

Дикон молчал. На лбу у него билась голубая жилка, похожая на провод под током, по вискам катился пот. Анна уже начала бояться, что больше не услышит от него ни слова, но Патнэм вдруг заговорил снова:

– Труп Сары нашли в часовне колледжа Святой Елены, – услышала она его глухой голос.

– О чем вы? – искренне удивилась Анна. – Труп до сих пор не опознан из-за отсутствия одной важной части тела! Или я ошибаюсь?

– И да, и нет. Не опознан – это правда. Но это Сара, будь она проклята.

– Откуда вы знаете?

– От человека, который обезглавил ее. Он проговорился по пьяни.

– И вы не рассказали об этом в полиции?

– А зачем? Я ничего не имею против, чтобы ее захоронили в общей могиле, как собаку. Без имени и без креста.

– Тот человек, о котором вы говорите, зачем он это сделал?

– Его наняли. Заплатили большие деньги. Но он бы и без денег сделал это. Сару в городе ненавидели.

– Ненависть – это одно, но убийство – совсем другое, – возразила Анна.

– А он ее не убивал, – неожиданно хихикнул Дикон.

– Как это? Он же отрезал ей голову?

– Отрезал, – с готовностью кивнул Дикон, не переставая посмеиваться. – Только она в этот момент была уже мертвая.

Анна почувствовала, что начинает потихоньку сходить с ума.

– Ничего не понимаю, – пролепетала она.

– Неудивительно. Сара любила загадывать загадки. Сотворила ребус даже из собственной смерти.

– Кто же ее убил?

– Никто. Она повесилась. Сама. Тот человек видел это собственными глазами.

– А как этот человек оказался в часовне?

– Ему позвонили и изложили просьбу, описав все, что должно было произойти. Поначалу он решил, что это шутка, но деньги, которые он нашел следующим утром на своем пороге, были всамделишными, поэтому он, как честный человек, явился в часовню, прихватив на всякий случай топор, чтобы оттяпать старухе голову...

– А дальше?

– А дальше вы уже знаете.

– Вы назовете мне его имя? – робко спросила Анна, не надеясь на удачу.

– Почему нет? Мне уже терять нечего. Меня обвинят в убийстве моей дочери и упекут в тюрьму до конца жизни. Это в лучшем случае.

– Что за ерунда? – возмутилась Аня. – Я могу подтвердить, что вы этого не делали!

– Не стоит. Вам никто не поверит. Думаете, я не знаю, что про меня болтают в городе?

– Но это же несправедливо!

Дикон с благодарностью посмотрел на нее и сказал:

– Ты добрая девочка, но ты не понимаешь. Пусть лучше меня сочтут убийцей собственной дочери, чем ее будут называть ведьмой.

Анна прикусила губу, чтобы не расплакаться, и отвернулась. Дикон решительно вытолкнул ее за дверь, приказав ждать в коридоре, а сам куда-то ушел. Отсутствовал он недолго, вернулся через несколько минут, держа в обеих руках по огромной канистре, от которых резко запахло бензином.

– Надо было сделать это гораздо раньше, – пробормотал он себе под нос и скрылся за дверью страшной комнаты. Анна услышала знакомое потрескивание, из-под двери потянуло запахом дыма. Дикон все не появлялся. Испугавшись, что он вовсе не собирается выходить из горячей комнаты, Анна рванулась к двери, но в этот момент Дикон появился на пороге. Щуря слезящиеся от дыма глаза, он схватил ее руку огромной лапицей и потянул за собой вниз по лестнице.

Остановился он только тогда, когда они оказались в зале, где на черном троне лежало безжизненное тело его дочери.

– Напоследок, если успею, я хочу рассказать тебе еще кое-что, – мягко сказал Дикон. – Теперь я уверен, что ты не отступишься от задуманного, а значит, чем больше ты будешь знать, тем лучше. По крайней мере, то, что я тебе расскажу, может пригодиться. Ты слышала о Салемских ведьмах?

– Конечно.

– Это была жуткая и странная история. Сара, не та, что умерла в часовне, а другая – рыжая потаскуха из музея, сыграла в ней немаловажную роль. Ты обратила внимание на висельника, прямо напротив фигуры девушки перед зеркалом?

– Да. Кажется, это был пастор. Неужели он тоже занимался колдовством?

– Нет. Джордж Барроус был честным и очень набожным человеком. Настоящим священником. Но он совершил грех – может быть, единственный грех в своей жизни, за что был жестоко наказан. И виновата в этом Сара Ингерсол.

Анна поняла, что он говорит о тезке сегодняшней Сары, современнице Барроуса – рыжей красотке Саре.

– Эта рыжая бестия осмелилась положить на пастора глаз, – продолжал Дикон. – И даже добилась взаимности. Она была молода и красива, в ее жилах текла горячая кровь, и пастор, который все же был живым человеком, мужчиной, не устоял. Всего лишь раз! Но чем все это обернулось!.. После грехопадения пастор не подпускал к себе девицу и на пушечный выстрел, и та, отчаявшись, обратилась за помощью к настоящей ведьме. Они поладили, но ведьма схитрила. Пообещав сладострастной

дурочке вернуть любимого, она обратила ее в свою веру. Тем временем жена пастора начала чахнуть, болеть, перестала вставать с кровати. Но Барроус и не думал возвращаться к Саре, считая, что болезнь жены – наказание ему за грехи. Он почти не отходил от постели больной, и Сара, потеряв терпение, решила поторопить события. Она подкараулила пастора и потребовала объяснений. Тот догадался, что девушка имеет какое-то отношение к свалившимся на него несчастьям и вместо ожидаемой любви испытал к ней только отвращение. Возможно, выпущенные силы зла вышли из-под контроля, потому что очень скоро в городке началось настоящее сумасшествие. В двух девиц, которые часто бывали в доме пастора, вселился дьявол. Пока с ними бились, пытаясь понять причину, они принялись обвинять в колдовстве одного за другим самых уважаемых членов города. Закон тогда был очень строг, виновных казнили практически без суда и следствия. Их сжигали на кострах, вешали, топили, закапывали живьем в землю, а девицы называли все новых и новых подозреваемых.

Барроуз заподозрил, что девицы валяют дурака, ведь он знал, кто настоящая ведьма, а ее никто и не собирался обвинять.

– А он? Почему он молчал?

– Ну, у каждого свои слабости. Сейчас нам уже не узнать, почему он покрывал Сару, но, думаю, что просто боялся, что она обвинит его в прелюбодеянии. Ей было просто это сделать, достаточно назвать какую-нибудь приметную родинку на его теле. Вот он и молчал, но девиц решил вывести на чистую воду. Он был уверен, что они оговаривают людей намеренно, и пригрозил им. Но не понимал, с кем имеет дело. Девицы немедленно приняли меры, обвинив в сатанизме его самого. Сара, хоть и была отъявленной стервой, но любила пастора по-настоящему. Поэтому, узнав о предполагаемом аресте, бросилась его спасать. Она предложила ему выпить «смертельный фильтр», но он отказался.

– Я слышала, что она воспользовалась им сама немного позднее?

– Говорят. По крайней мере, ее нашли мертвой, когда пришли арестовывать, а через неделю после похорон ее могила оказалась пуста. Сара – живая или мертвая – исчезла бесследно.

– История действительно таинственная, но какая мне от нее польза? – спросила Анна. – Ведь это произошло так много лет назад!

– Да, но было там и кое-что еще. Говорят, что между Сарой и Барроусом перед смертью состоялся какой-то очень важный разговор. Он спрашивал ее, действительно ли казненные сношались с дьяволом. Сара якобы усмехнулась и ответила, что, конечно же, ведьмы там были, но самых сильных в такие дырявые сети не поймать. Что еще она ему

рассказала, мне неизвестно, но после этого разговора пастор посидел за одну ночь, а наутро передал Саре поручение, которое она поклялась выполнить.

– И что это было за поручение?

– Не знаю. Кто-то донес о нем в инквизицию, но пастор не проронил ни слова даже под жестокими пытками. А Сара, как ты уже знаешь, «умерла».

– Она выполнила его?

– Возможно. По крайней мере, она была последней, кого обвинили в колдовстве. Охота на ведьм внезапно прекратилась.

– А что вы знаете о Черном Троне? – неожиданно спросила Анна.

В глазах Дикона мелькнул страх, но сказать он ничего не успел. С улицы послышался оглушительный вой сирен, и дом мгновенно наполнился людьми – полицейскими, пожарными, медиками...

Американские полицейские оказались не такими дотошными, они не слишком докучали Анне вопросами. Возможно, кандидатура Дикона на роль убийцы вполне их устраивала. Анна увидела его еще только раз, когда с руками, скованными за спиной наручниками, его заталкивали в полицейский фургон. В последний миг он обернулся, отыскивал глазами Анну и едва заметно улыбнулся. Из окна последнего этажа музея клубами вырывался черный дым, Анне казалось, что она слышит завывания и стоны, ей виделись тени, мечущиеся в окне, но, возможно, это были всего лишь пожарные, которые безуспешно пытались справиться с бушующим огнем.

Когда Анна подошла к воротам, от них отделилась высокая мужская фигура и направилась ей навстречу.

– Аня... – пробормотал Макс, встревоженно глядя на нее. – Аня...

– Да? – слабо улыбнулась она.

– Аня...

– Что, Макс?

Ему хотелось отругать ее за безрассудство и обнять, оттого что он видел ее живой и невредимой, но он мог только повторять:

– Анна...

– Кажется, тебе надо выпить, – усмехнулась девушка.

– Точно! – воскликнул он обрадованно. – Господи, как мне надо выпить!

Глава 26

Была уже глубокая ночь, когда они вернулись домой. Военный совет общим решением был перенесен на утро. Несмотря на сильную усталость, Анна проснулась часов в шесть и, понимая, что больше не уснет, осторожно спустилась в кухню. Там ее ждал сюрприз в виде двух пар встревоженных и заинтересованных глаз. Очевидно, не ей одной выпала бессонная ночь: Нурия и Макс уже сидели перед дымящимися кружками кофе, ожидая ее пробуждения.

Анна рассказала друзьям все, что ей удалось узнать от Дикона, все, что случилось с Керри. Когда она дошла до истории в часовне, на лестнице, ведущей на второй этаж, скрипнула ступенька. Все трое обернулись и увидели Лельку, которая выглядела как-то странно.

– Я все слышала, – сразу же возвестила она, спустилась вниз и уселась на свободный стул, забросив ногу на ногу.

– Не могу сказать, что меня это радует, – призналась Анна.

Девочка хмыкнула и дернула плечом, отбрасывая за спину тяжелую копну спутанных волос.

– Вы все считаете, что я ни на что не гожусь, – сказала она, глядя куда-то в сторону, – и Вангелис мне, по-вашему, не пара, а между тем мы вчера добились успехов в этом, как его, НЛП. – Она посмотрела на всех, не скрывая своего торжества, и добавила: – Все именно так и было, как говорит Анна.

– О чем ты?

– Я все вспомнила! То есть почти все! Хотела рассказать еще вчера, но ты, мамочка, достала меня своими предостережениями, и я решила ничего не говорить.

Анна все больше хмурилась, Макс барабанил пальцами по столу, обоим не давала покоя мысль, что в эту историю оказались замешанными еще двое – почти дети!

– Расскажи, что ты вспомнила, – попросила девочку Анна.

– Я вошла в часовню и направилась к колоколу, но вдруг увидела, что возле него возится какая-то женщина. Я почему-то испугалась, хотя она меня даже не видела, и спряталась за колонной. Я не сразу поняла, что старушка прилаживает веревку к какому-то выступу, а когда она накинула ее себе на шею, то испугалась еще сильнее. Потом что-то произошло, и дальше я ничего не помню. Кажется, меня кто-то позвал в открытое окно.

Или нет? Не помню. Но когда я очнулась, то увидела только обезглавленную женщину, толпящихся рядом людей и совершенно забыла о том, что произошло с этой женщиной на моих глазах.

– То есть Вангелису теперь известно, что старушка повесилась и... все остальное? – спросила Нурия с некоторым испугом.

– Конечно, ведь это он рассказал мне об этом, прежде чем я начала вспоминать сама, без гипноза. Но он никому не расскажет, не бойтесь.

– Ну, бояться уже поздно, – философски заметил Макс.

Лелька еще ничего не знала о смерти своей зачатой подружки, которая, как предполагала Анна, имела непосредственное отношение к несчастным случаям с девочкой. Они успели договориться, что Нурия любыми способами будет удерживать Лельку дома как можно дольше, а Макс с Анной собирались навестить того человека, который, по словам Дикона, принимал участие в осквернении трупа Сары. Место его работы давало основание предположить, что и к профессору он может иметь какое-то отношение: Сэм Уильямс работал в морге.

* * *

При морге работала контора по оказанию ритуальных услуг. Анне и Максиму пришлось преодолеть заставленное венками помещение, чтобы добраться до холодильника, где хранились невостребованные трупы и проводилось бальзамирование покойников. В подсобке, сразу за центральным залом, они увидели женщину в рабочем халате, которая занималась тем, что методично отрывала цветочные головки. Ее помощница прокалывала каждый оторванный цветок проволокой и плотно прикручивала к огромному остову венка. У их ног уже валялась целая гора толстых зеленых стеблей со смятыми листьями. Анна содрогнулась от этого зрелища и отвела глаза в сторону. Макс поспешил взять инициативу в свои руки и спросил у женщин, как им найти Уильямса.

– В морозилке он, где ж ему еще быть? – пожалала плечами помощница. – А он вам зачем?

– По делу, – ответил Макс, намереваясь пройти в дверь, на которую указала женщина.

– Если бальзамирование заказать хотите, то с Сэмом лучше не связывайтесь! – крикнула она им вдогонку.

– Почему? – спросила Анна, оборачиваясь.

– Так пьют он по-черному. Почитай и не просыхает никогда. Руки

дрожат, простейший разрез сделать не может, а уж зашивает и вовсе вкривь и вкось. Вон Бетти попросите, она лучше сделает, – женщина кивнула на по-прежнему молчащую напарницу, которая не выразила ни тени заинтересованности в потенциальных заказчиках.

Анна поблагодарила и побыстрее вышла из подсобки, чтобы избежать дальнейших расспросов, касающихся бальзамирования трупов.

Сэма они обнаружили в крошечном предбаннике, непосредственно перед холодильным залом. Плотный скроенный, с гривой густых, жестких, как на новой щетке волос песочного цвета, парень сидел за шатким столиком и лениво листал журнал. На страницах томно изгибались блондинки, одежды на которых было так мало, что Аня с первого взгляда поняла – это не журнал мод. Парня так увлекало занятие, что он не сразу заметил незваных гостей. Анна негромко кашлянула, чтобы привлечь его внимание. Парень вздрогнул и обернулся, глядя на них с удивлением, но без страха. Теперь стало совершенно ясно, что его спокойствие в значительной мере определялось внушительной дозой успокоительного, тара из-под которого занимала в комнате все свободное пространство. Если бы Сэму вздумалось продать пустые бутылки, он мог бы наверняка наскрести на новый мотоцикл, а может быть, и на подержанную машину.

– Вы Сэм Уильямс? – задала Аня вопрос, на который заранее знала ответ.

– Ну. Чего надо?

– Поговорить. О Саре. И о ее потерявшейся голове, – решительно приступила к делу девушка, не тратя времени на предисловия. Присутствие Макса за спиной придавало ей уверенности.

– Че-его? – протянул Сэм, приподнимаясь. – Вы о чем это, дамочка? Какая еще Сара-шмара?

Его изумление выглядело вполне убедительно, и Анна ему бы поверила, если бы не метнувшаяся в бесцветных глазах парня тревога.

– Разве вы не знали Сару Ингерсол? – делано удивилась она. – Мне показалось, что с этой старушкой здесь знакомы полгорода.

– Значит, я отношусь ко второй половине, – буркнул тот.

Девчонка не вызывала у него опасений – любопытная коротышка, от которой он бы отделался в два счета. Но вот бугай, маячивший у нее за спиной, выглядел гораздо серьезнее и настроен был, судя по выражению ледяных глаз, весьма решительно. Сэм пытался заставить мозг работать быстрее, но выпитая доза успокоительного сильно тормозила процесс, и он немного растерялся, пропустив подходящий момент.

– Слышь, парень, давай без этого лепета, – почти ласково сказал

Макс. – Ценю твое чувство юмора, но у нас слишком мало времени и слишком большое желание закончить наш разговор поскорее. Так что ты выбираешь: расскажешь сам или мне привести более убедительные доводы?

Сэм, видимо, не любил доводов, особенно убедительных, но и позиций своих сдавать не желал.

– Ну ладно, знал я Сару. Зачем она вам? Старуха пропала давным-давно, так что сожалею, но помочь ничем не могу, – попытался вывернуться он.

Макс вздохнул, аккуратно отодвинул со своего пути Анну, шагнул вперед и сгреб парня за ворот несвежей рубашки. Легко приподняв его над полом, Макс усадил Сэма задницей прямо на раскрытый журнал, лежащий на столе, и, не выпуская его, сказал еще более ласково:

– Еще одно слово – и ты потенциальный клиент этого заведения, понял?

– Вы кто, русская мафия? – пролепетал парень испуганно, уловив легкий акцент гостя.

– Почти, – усмехнулся Макс. – Ну так как?

– А что я? Я никого не убивал! – заныл Сэм. – Богом клянусь!

– Это ты расскажешь в полиции. Они тебе поверят, если у тебя есть свидетели, – заверила его Анна, которую уже тошнило от сперттого воздуха в помещении, что пагубно сказывалось на ее, в общем-то, безграничном терпении.

– Есть у меня свидетели, вот те крест! Есть! – неожиданно обрадовался парень.

Анна с трудом скрыла удивление, а Сэм продолжал:

– Девчонка, тощенькая такая, из колледжа! – Он явно говорил о Лельке. – Она видела, как эта старуха полезла в петлю.

– Хорошо. Мы ее найдем и попросим подтвердить твои слова, – заверил его Макс. – Может, она расскажет и о том, как ты отрубил несчастной женщине голову? Кстати, зачем ты это сделал? И почему оказался в часовне?

– Меня попросили.

– Кто?

– Не знаю. Сказали, что старуха собирается повеситься в церкви, и предложили за вознаграждение принести ее голову. Я думал – розыгрыш, а она и вправду – того... Удавилась.

– Что было дальше?

– Ничего. Вынул ее из петли, сделал свое дело – и деру, пока девчонка

не очнулась и орать не начала. Да еще веревку прихватил, как велели.

– И что?

– И все.

– Как все? А голову потом куда дел?

– Ах, это! Положил в условленном месте.

– Ладно, с этим понятно. Ты, разумеется, не видел, кто голову забрал?

Парень замялся, потом решил облегчить душу до конца и выпалил:

– Если честно, хотел я посмотреть, кто голову забирать будет, интересно же, кто у нас такой чокнутый.

– Ну, это ты врешь. Не из-за любопытства ты засаду устроил, шантажировать небось задумал заказчика. Нехорошо! – недобро усмехнулся Макс. Парень открыл рот от удивления и залебезил:

– Я что? Я ничего такого. Чистое любопытство, вот те крест!

– Кончай божиться, ирод, – брезгливо бросила Анна. – Говори, что увидел?

– А ничего! – злорадно заявил Сэм. – Ничего я не увидел. Уснул, потому что. А голову в это время стырили.

– С чего это ты уснул? – подозрительно спросил Макс. – Ночью, что ли, караулил?

– Нет. Днем. На Вороньем холме велели голову положить – место уединенное. Там что днем, что ночью – никого, местные стороной обходят. Я из часовни – сразу туда. А потом уснул. – Этот факт, похоже, до сих пор удивлял мошенника.

– А что с девочкой? С той, что видела, как ты говоришь, самоубийство Сары?

– Тут тоже непонятно. Она тихонько стояла, за колонной пряталась. Я-то ее сразу заприметил, как только она вошла. Думал, что помешает мне. Когда старуха уже дергаться перестала, девчонка так и стояла в своем укрытии, а потом ее позвал кто-то, через окно.

– Кто?

– Да я не видел. С моего места было не разглядеть, а высовываться я, сами понимаете, побоялся. Перепугался, правда, до жути: ну все, думаю, сейчас она этому, который в окне, все расскажет, вопли начнутся. Жду, когда заголосят, но нет, тихо. Потом она назад вернулась...

– Кто?

– Девчонка. Бледная, как привидение, и глаза пустые – как у покойника. И – хлоп в обморок. Вот где стояла, там и свалилась, как подкошенная.

– А тот, в окне?

– Не знаю. Ушел, наверное. Девчонка, видать, ничего ему не рассказала. Уж и не знаю почему. Все?

Макс оглянулся на Анну, но та покачала головой.

– Что еще-то? – заныл парень, опасно косясь на Макса и потихоньку отодвигаясь от него подальше. – Я все рассказал.

– Не-а, – насмешливо протянула девушка. – Ты еще забыл про заказ Сары.

Это был чистой воды блеф. Анна совсем не была уверена в том, что парень был именно тем, кто помог самой Саре раздобыть голову профессора, она просто предположила, что старуха, решив осуществить задуманное, воспользовалась бы именно услугами этого прохвоста. Хотя не исключено, что в морге нашлись бы и другие подходящие кандидатуры.

– Скажи мне, кто дежурил в морге в ночь после банкета, с которого привезли тело профессора Хаскинса? – спросила она, напряженно ожидая ответа. Увидев, как сильно побледнел парень, нервно облизывая губы, она поняла, что попала в самую точку.

– Вы и об этом знаете? – прошептал он, становясь похожим на собственную тень.

– Ага. Сара заказала у тебя голову профессора. Так?

– Нет. Это была не она.

Теперь пришел Анин черед удивляться.

– Как это не она?

– Да говорю же – не она! Мне позвонили и попросили... В общем, сами понимаете... Но голос был не Сары.

– Вы что, были так хорошо знакомы с ней, что могли легко узнать ее голос? – с изрядной долей сомнения спросил Макс.

– Нет, – помотал головой парень, но голос старухи от детского я отличить в состоянии.

– Детского?!

– Вроде того. Я подумал, что ребятня балует, но она посоветовала мне выглянуть за окно. Я выглянул. Думал, увижу этих шутников и того... ноги им повыдергиваю. А там, не поверите – пачка баксов.

– Много?

– Пять тысяч. Для меня – целое состояние. И делать-то ничего не надо – трупу голова уже ни к чему. Кабы он живой был, тогда да, а он же все равно того... новопреставленный.

– Как же вас не заподозрили? – искренне удивилась Анна.

– Куда им! – самодовольно ухмыльнулся парень, отчего его рожа сделалась похожей на морду крокодила перед трапезой. – Я окно

специально открытым оставил и нагрузился до белых слонов. Так что полиция поверила, что я все проспал по пьянке. С работы, правда, чуть не поперли, но и с этим обошлось.

– Повезло.

– Как же! Просто желающих нету жмуриков потрошить, вот и оставили с испытательным сроком. Пить, конечно, запретили...

Анна обвела взглядом горы пустых бутылок и поняла, что запрет носил чисто формальный характер.

– Вот-вот, – хихикнул парень, заметив ее взгляд. – Жизнь продолжается. Кстати, меня не только голову просили достать.

– А что еще?

Парень понял, что промахнулся, сболтнув лишнее, и замолчал. Анна и Макс переглянулись, после чего Макс со вздохом полез во внутренний карман за кошельком. Десять долларов не произвели на Сэма должного впечатления, но кулак Макса, невзначай упершийся в стену неподалеку от его сизого носа, повысил котировки вознаграждения на несколько пунктов.

– Могли бы и прибавить, – недовольно проворчал он и тут же съезжился, когда Макс слегка повел плечами, будто потягиваясь. Тонкая футболка не скрывала внушительных мускулов, перекачивающихся под легким трикотажем, и это окончательно решило дело.

– Им еще одна штука понадобилась, – со вздохом сообщил Сэм. – Кошелек такой, потертый, с бусинками. Он у профессора, царство ему небесное, во внутреннем кармане лежал. Старье какое-то. К тому же явно женский. Я даже подумал, что мужик был того... нетрадиционной ориентации.

– Как же полиция не заметила эту вещь? – удивилась Анна, догадавшись, что речь идет о сумочке, которую она получила из рук Сары или ее призрака.

– А она смотрела, ваша полиция? – презрительно фыркнул Уильямс. – Папашка-то своей смертью помер и при свидетелях. Чего его обыскивать? Положили до утра, чтобы не испортился, и по домам. Копам тоже баиньки хочется.

– А как ты передал заказ тем, кто заплатил тебе деньги? – задал Макс последний вопрос.

– А никак. Велели просто сложить все в пакет и выбросить под окно.

– И вы не следили, кто заберет заказ? – засомневалась Анна, припомнив проявленную любознательность горе-коммерсанта в другом случае.

– Нет. Себе дороже. Здесь же свет всю ночь горит, меня бы заметили.

А мне показалось, что с ребенком этим шутки шутить не стоит.

– Что же вы, ребенка испугались?

– Слышали бы вы этот голос! – хмыкнул Сэм. – Мурашки по коже.

Странный ребенок, не иначе – сын самого дьявола.

Глава 27

– Что-то я совсем запутался со всеми этими головами, – со вздохом признался Макс, когда они сидели в маленьком кафе, где решили пообедать после визита в морг. Анна ответила не сразу, дожидаясь, пока официантка расставит на столе тарелки со всякой снедью.

– Меня смущает этот ребенок, взявшийся неизвестно откуда, – сказала она после того, как официантка ушла.

– Ну, это, мне кажется, бред больного воображения нашего друга. Чего спьяну не померещится? – усмехнулся Макс, пододвигая к себе тарелку с гигантской отбивной и принимаясь за еду.

– Не скажи, – возразила Аня. – Мне кажется, он не врал.

– А я и не говорю, что врал. Послышалось ему. Просто голос у звонившего был высокий и звонкий.

– Но точно не Сарин, – уныло добавила Аня.

– Да. Не ее. Как же она заполучила голову?

– И сумку? Ведь она в конце концов оказалась у нее!

– Черт ногу сломит в этой истории, – сочувственно кивнул Макс. – Я вот все думаю, зачем Сара (или ее призрак) совала сумку всем подряд. Сначала профессору, потом тебе. Чего она хотела?

– Не знаю. Кстати, Дикон ошибся, когда говорил, что Сара ничего не передавала Хаскинсу.

– Наверное, она сделала это до того, как он их заметил, – пожал Макс плечами.

– Наверное. Сумка с документом и камнем была чем-то вроде гарантии: два других камня остались у Сары.

– Интересно, а тот, кто потребовал достать сумочку, знал об этом?

– Понятия не имею. Мне почему-то кажется, что для них ценнее был документ, чем рубины.

– Глупости какие! Камни стоят целое состояние, а бумажки представляют собой нечто невразумительное, несмотря на почтенный возраст.

– Это ты так думаешь, – фыркнула Анна.

– А кто сказал, что я думаю неправильно? – сощурился Макс, но Анна не стала вступать в полемику, сделав вид, что полностью поглощена содержимым своей тарелки, к слову сказать, весьма вкусным. Не дождавшись ответа, Макс решил зайти с другого бока.

– А что ты скажешь о таинственной личности в капюшоне? – спросил он.

Анна попалась на крючок, оторвав глаза от тарелки, задумалась, а потом произнесла:

– Я понимаю, к чему ты клонишь, но ее появление может оказаться простым совпадением.

– Не слишком ли часты совпадения? Сначала на скачках, потом возле музея...

– Я могла ошибиться, – возразила девушка. – Я видела эту фигурку какую-то долю секунды, не более того, и потом, разве не логично, если в такой ливень одеваются в плащ с капюшоном?..

– Ага. И отправляются в романтическую прогулку к закрытому музею. Что может быть логичнее?

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не обратила внимания на слова Сэма о детском голосе в трубке? Человек в капюшоне – ниже среднего роста. Это вполне может быть ребенок.

– Ребенок? – приподняла бровь Анна, демонстрируя изрядную долю сомнения. – Ну это вряд ли. Это было бы слишком даже для этого странного города. Детские фантазии все-таки имеют определенные границы. Скорее уж карлик какой-нибудь.

– И много ты видела здесь карликов? – с невинным видом поинтересовался Макс.

– Ни одного, – призналась Аня. – Но это не значит, что его действительно нет. Я же не проводила перепись населения.

– Это неплохая мысль, – сказал Макс на полном серьезе. – Открылось бы много чего любопытного. И вообще, если твоя Сара или кто она там всучила тебе эти вещи с определенной целью...

– Ты не веришь, что это был призрак?

– Почему сразу «не веришь»? Просто высказываю здоровое сомнение. По закону жанра Саре, если она и в самом деле призрак, полагалось держать свою голову под мышкой, раз уж она ее лишилась. А она была полностью укомплектована, если тебя не подвели собственные глаза.

Аня с несчастным видом вздохнула, а Макс вернулся к незаконченной мысли:

– Так вот, если твоя старушка имела какую-то цель, то ей не мешало бы сопроводить свой подарок инструкциями.

– Очевидно, она посчитала, что мы умнее, чем есть на самом деле, и сами сообразим, что к чему, – не без удовольствия съязвила Анна.

– Ну, считать, конечно, полезно, но если хочешь добиться конкретного результата, то неплохо бы подстраховаться, – парировал Макс. – Какой-нибудь знак или что-то в этом роде. Что там у них полагается?

Анна с тоской посмотрела в окно, понимая, что Макс прав, хотя и выражает свои сомнения намеренно грубовато. На улицу как раз в этот момент вырулил служебный фургон с яркой надписью «Холидэй» на борту. Аня равнодушно следила за тем, как рабочие в оранжевых комбинезонах с той же надписью закрепляют над улицей красочный транспарант. Она даже прочла надпись: «2 июня – юбилейная встреча выпускниц колледжа Святой Елены». Что-то в этой надписи ее зацепило. Она нахмурилась, пытаясь поймать удирающую мысль за тоненький хвостик. Ей это удалось, но она не могла понять, что с этим делать.

– Странное совпадение. – При слове «совпадение» Макс скроил мерзкую рожу и закатил глаза к небу: – Они назначили праздник на 2 июня...

– А чем тебе не нравится это число? Экзамены закончатся, самое время праздновать. Кажется, это воскресенье?

– Конечно. Но именно второго июня в 1692 года был вынесен первый приговор по Салемским ведьмам. Они не могли этого не знать.

– Это похоже на знак? – с иронией спросил Макс.

– Не думаю. Но мне пришла в голову дельная мысль. Пора встретиться с одним очень интересным человеком.

– С каким еще человеком? – ревниво нахмурился парень.

– С одной женщиной, – уточнила Аня, улыбаясь едва заметной лукавой улыбкой. – Она многое знает о Салеме и, думаю, разъяснит мне некоторые загадки, связанные с этим городом.

* * *

Здание колледжа, куда Анна попала впервые, почему-то напоминало ей гарем. Наверное, из-за чрезмерной какой-то приторной красоты учебных и жилых корпусов. Наверное, нелегко в такой обстановке сосредоточиться на серьезных занятиях, сочувственно подумала девушка. Бьющая в глаза женственность белокаменных стен, жеманная живописность круглого бассейна с бирюзовой водой, где меж толстых зеленых стеблей водяных лилий золотисто-красными тенями скользили золотые рыбки, дурманящий запах цветущих растений – все это производило впечатление, обратное тому, которое призвано было

производить: вместо восхищения, Аня чувствовала тревогу, будто вступила в заколдованный сад, таящий скрытую угрозу. Она тряхнула головой, упрекая себя за чрезмерную впечатлительность, еще не хватало уподобиться чувствительной барышне, шарахающейся от каждого куста.

Листья деревьев в парке колледжа еще не налились густой, тяжелой зеленью середины лета и пенились в вышине нежно-зеленым кружевом на фоне древних камней и чистого голубого неба. После ночного ливня от земли поднимался густой пар, клубящийся под низко опущенными кронами деревьев, сплетающимися над дорожкой в плотный шатер. Капельки воды оседали на коже, и Анна с неприязнью вытирала их белым платком.

В самом здании было прохладно, очевидно, работал кондиционер, вот оно, нашествие цивилизации. Хотя в данном конкретном случае Анна не имела ничего против цивилизации, присутствие такого обычного технического средства даже вселяло в нее некоторую уверенность. За время пребывания в Дэнверсе она уже успела подустать от овечьих легендами древностей.

Хотя занятия и экзамены закончились, Анна рассчитывала застать Дороти Спарк на месте: подготовка к празднику должна была идти полным ходом. У Ани был отличный повод, чтобы оправдать свой неожиданный визит. Она собиралась принести свои извинения за то, что не откликнулась на предложение директрисы вести факультатив по русской литературе.

Кабинет директора располагался на первом этаже, в самом конце просторного коридора, устланного жемчужно-серой ковровой дорожкой, и был начисто лишен налета легкомысленной игривости, свойственной всему комплексу. Хозяйка восседала за тяжелым столом из темного дуба и подняла глаза от бумаг, как только Анна переступила порог, хотя хорошо смазанные двери даже не скрипнули.

– Анна? Вот так сюрприз! Рада вас видеть, – улыбнулась Дороти. Улыбка получилась искренней, и Анна с облегчением вздохнула. Все-таки она опасалась, что директриса обидится на нее за отказ, но светло-карие глаза смотрели дружелюбно, в них даже угадывалась радость от столь неожиданного визита случайной знакомой.

– Добрый день, Дороти, – сказала Анна, усаживаясь в элегантное, но строгое кресло из темной кожи, на которое жестом указала хозяйка. Анна отметила, что она тактично пересела со своего места в кресло напротив нее, давая понять, что воспринимает гостью как равную.

– Приношу свои соболезнования по поводу гибели одной из ваших учениц, – с подобающим случаю выражением лица произнесла Анна.

По лицу Дороти пробежала тень, но она ничего не сказала, только

кивнула, выражая благодарность. Это несколько разочаровало Анну, так как она рассчитывала, что Дороти хоть как-то прокомментирует случившееся. Ну, на нет и суда нет, задавать вопросы Анна поостереглась.

– Вы не слишком огорчились, что я не приняла ваше приглашение поработать? – с извиняющейся улыбкой спросила Аня.

– Так вот что вас тревожит, милая девочка! Конечно, нет! Полагаю, ваш отказ вызван только боязнью взять на себя чрезмерную ответственность, не так ли?

Почему-то Ане показалось, что в эти обычные, в общем-то, слова был вложен совсем иной смысл. Но Дороти смотрела так открыто, что Анна устыдилась своих мыслей и поспешно кивнула.

– Я и не думала сердиться. Да и год уже закончился. Мы просто отменили факультатив, отложив его на осень. Как ваш малыш? Поправляется?

– О, да, скоро его выпишут.

– Отлично. Но, думаю, вам надо быть с ним очень внимательной, после операции требуется особый уход, который отнимет у вас почти все свободное время, правда?

И снова Аня уловила какой-то скрытый смысл в этой фразе. Что за напасть? Или сидящая напротив женщина просто обладает способностью говорить вещи, которые кажутся двусмысленными?

Дороти тем временем попросила секретаршу принести кофе, и некоторое время разговор напоминал светскую болтовню двух давно знакомых дам. Но Анна в какой-то момент поняла, что время идет, и если она не предпримет каких-то решительных шагов, то ее визит пройдет впустую, а вопросы останутся без ответов. Другой возможности кое-что прояснить у нее не будет, поэтому, улучив момент, она сказала, стараясь, чтобы ее фраза прозвучала максимально безобидно:

– Скажите, Дороти, а какая легенда связана с Черным Троном, который выставлен в музее?

Удивление Дороти проявилось только в едва заметном движении бровей, но Анна тут же пожалела о сказанном: ей не стоило беречь рану директрисы, напоминая о страшной смерти одной из ее учениц.

– Этот экспонат, – Дороти сделала едва заметное ударение на слове, но Анна это отметила, – интересует вас в связи с... убийством Керри?

– Не совсем, – уклончиво ответила Анна. – А полиция разве уже нашла ее убийцу?

– С этим сложностей не возникло. – Пожала плечами Дороти. – Дикон Патнэм не стал заператься.

– Он признался? – опешила Анна, выдав свои чувства.

Дороти посмотрела на нее чуть более внимательно.

– Нет. Но и не отрицал этого. Мне кажется, у вас есть сомнения в его виновности?

– Я ведь там была, – напомнила девушка. – Мы вместе обнаружили тело.

– Это ничего не доказывает. Всем известно, что он жестоко обращался с девочкой. Кроме того, у нее оказались раздробленными все до единой кости, как будто она побывала в мельничных жерновах, а для этого убийца должен обладать невероятной силой.

Анна припомнила огромную фигуру Дикона и с горечью подумала, что у него нет ни единого шанса на спасение. Это повергло ее в уныние. Повисла пауза, которую первой нарушила Дороти:

– Так что вы хотели узнать о Троне, Анечка?

– О Троне? Ах да, откуда он, скажем, взялся?

– Ну, это слишком сложный вопрос, – улыбнулась мисс Спарк. – Он был здесь всегда, как мне кажется, но если вас интересует его возраст, то ученые исчисляют его несколькими веками.

– А какое отношение он имеет к Салемским ведьмам?

– Если верить легендам, то самое прямое, – просто ответила Дороти. – Когда в 1692 году начались массовые убийства Салемских ведьм, то они решили объединить свою энергию, знание и мастерство и передать их единой наследнице, которая должна была уцелеть любой ценой и возродить ведьминский клан. Именно ей передавался Черный Трон владычицы ведьм. Так получилось, что с середины семнадцатого века он никем не был занят. Правда, говорят, что одна самозванка позарилась на него...

Дороти внезапно замолчала. Анна, чувствуя, как похолодели у нее кончики пальцев, спросила, глядя прямо в насмешливые карие глаза:

– И что с ней произошло?

– Погибла, разумеется. Как только она уселась на него, Трон стал быстро сжиматься и в несколько мгновений превратил предприимчивую даму в мешок с костями.

– Но это же!.. – воскликнула пораженная Анна, однако Дороти спокойно остановила ее жестом руки:

– Вы хотите сказать, что это похоже на то, что случилось с Керри? Сожалею, дорогая, но история, которую я вам рассказываю, всего лишь легенда, вы же понимаете, что в действительности ничего подобного произойти не могло? Я даже допускаю, что Трон был чем-то вроде отличительного знака в иерархии ведьм того времени, но его способность

сжиматься по собственной воле?.. Чушь! Это всего лишь камень, не более.

«Керри так не думала», – мелькнуло в голове у Анны.

– А что было с настоящей наследницей? Ее все-таки выбрали? – спросила девушка, делая вид, что соглашается с точкой зрения мисс Спарк относительно способностей Черного Трона.

– Да. Поначалу ведьмы приняли решение, что Трон достанется той, которая будет каждую ночь приходить на Вороний холм и приносить фиалки казненным ведьмам. И такая преемница отыскалась. Это была дочь салемского кузнеца, Кэтти, которая очаровала души казненных ведьм и тех, что остались в живых.

– И ее не остановили стражники? – удивилась Аня. – Ведь место казни наверняка охранялось. Частые визиты туда не могли не вызвать подозрений!

– Как видите, не вызвали, – пожала плечами Дороти и неохотно добавила: – Кэтти была совсем ребенком, ей исполнилось всего шесть лет...

Анне стоило большого труда сдержать возглас удивления. Ребенок? Снова ребенок? Правда, Кэтти, если она существовала в действительности, сейчас давно истлевший труп. Бессмертие, даже для ведьм, – это все-таки недостижимая роскошь, а триста десять лет – это срок.

Впрочем, разговор о Черном Троне и на Дороти подействовал удручающе. Они еще немного поболтали о каких-то незначительных вещах, и Анна поспешила откланяться.

Керри, несомненно, слышала эту легенду. Девочка под руководством матери увлекалась колдовством, и ей вполне могло прийти в голову, что она может наследовать Черный Трон, который изо дня в день видела перед глазами. Получается, что Трон не принял самозванку и жестоко расправился с ней? Дороти категорически отвергала такую возможность, но она не знала главного: она не знала, что Дикон не убивал любимой дочери!

Глава 28

Здание колледжа казалось опустевшим. Каким-то даже чересчур пустым. В данный момент Анна не имела ничего против того, чтобы встретить на своем пути живые молодые лица, услышать смех или хотя бы голоса. Мрачные тени мертвых легенд сковали ее душу холодом, хотелось убедиться, что все это – бред, пустые сказки, как говаривал Макс. Но никто не попадался ей на глаза. Если подготовка к празднику и велась, то где-то в другом месте, за закрытыми дверями и в полной тишине.

Керри верила в легенду о Черном Троне, в этом не было сомнений. В легенду ли? Ведь девочка умерла по-настоящему! И именно таким способом, как рассказывалось в предании. Что это? Инсценировка? Но чья? Или правда? Тогда что же вообще творится вокруг?

Не замечая, куда идет, Анна свернула раньше, чем следовало, и оказалась в незнакомом коридоре. Под ногами была та же серая ковровая дорожка, но стены изменились. Анна с удивлением огляделась вокруг. Она могла бы поклясться, что в богатых рамах, развешанных в простенках между дверями, висели подлинники семнадцатого, ну в крайнем случае – восемнадцатого века. Колледж, безусловно, был роскошным и дорогим заведением, но подлинники в школьных коридорах – это, пожалуй, чересчур. Обращали на себя внимание и сюжеты картин. Это были не умиротворяющие взгляд пейзажи, а сплошь религиозные миниатюры, в основном касающиеся битвы Армагеддона и других довольно мрачных сюжетов Библии. На одной из картин неизвестного художника был изображен поверженный дьявол. Анна невольно остановилась перед нею, замороженная мастерством живописца. Чем больше она смотрела на нее, тем больше ей казалось, что здесь дьявол – отнюдь не воплощение зла, а, скорее, поверженный герой, к которому автор испытывает глубокое сочувствие, смешанное с восхищением.

Послышались шаги. Смущенная тем, что забрела в неположенное место, Анна испуганно отступила от картины. Двойная дверь соседнего помещения была чуть-чуть приоткрыта, и Анна скользнула туда, чтобы избежать лишних вопросов. Шаги приближались и замерли перед дверью. Аня почувствовала, что попала в еще более глупую ситуацию, и, сбросив туфли, на цыпочках побежала к тяжелым, плотно задвинутым шторам. Юркнув за пыльный бархат, она почувствовала, что вот-вот чихнет, и зажала себе нос, стараясь дышать поглубже. Человек по ту сторону двери

почему-то раздумал заходить, но, едва Анна высунула нос, она снова услышала шаги.

Только сейчас она рассмотрела окружающую обстановку. Это, очевидно, была не классная комната: трудно было определить назначение небольшого, довольно уютного зала, стены которого были покрыты изысканной живописью. Поначалу Анна приняла картины за старинные фрески, но, приглядевшись, обнаружила, что это гобелены и ими затянуты все стены – от пола до потолка. Единственный свободный участок занимало огромное зеркало в простой деревянной раме. Эта простота не слишком вязалась с изысканностью гобеленов и драпировок. Казалось, зеркало попало сюда случайно, по недосмотру. Но стоящее напротив него антикварное кресло – единственный предмет мебели в комнате – опровергало подобное предположение.

Дверь тихонько скрипнула, кто-то вошел в комнату. Из-за задернутых штор Анна не сразу узнала остановившуюся в противоположном конце комнаты девочку, а когда узнала, едва не вскрикнула от неожиданности и радости: это была Лелька! Конечно, трудно объяснить девочке, что она делала за шторой, но лучше будет, если они выйдут отсюда вместе, а за объяснениями дело не станет.

Анна уже собиралась было вылезти из своего укрытия, но вдруг поняла, что что-то не так. Поначалу она подумала, что, может, девочка заскочила сюда, чтобы привести себя в порядок, – нормальное желание, – но шли минуты, а Лелька и не думала прихорашиваться. Она застыла у зеркала, напряженно вглядывалась в его поверхность, словно ожидала увидеть там что-то, кроме собственного отражения. Анна с недоверием тоже посмотрела на зеркало: ничего необычного, кроме разве отличного качества самого зеркального покрытия на стекле. Старые мастера знали толк в своем деле, и Лелькино отражение казалось более реальным, чем сама девочка перед ним, ни единого искажения. Анна в недоумении скривила губы, собираясь прервать эту странную игру в гляделки, но тут зеркальная поверхность внезапно дрогнула, будто по поверхности его пробежала рябь. Анна захлопала глазами и запоздало поняла: если она собиралась обнаружить свое присутствие, то надо было делать это раньше. Теперь, когда по ту сторону зеркала возникли две расплывчатые фигуры по обе стороны от Лелькиного отражения, торопиться не следовало. Анна еще сильнее заморгала глазами, желая убедиться, что это не сон. Нет, фигуры оставались на прежнем месте, хотя и были едва различимы. Анна видела лицо Лели, отражающееся в зеркале, заметила, как девочка закрыла глаза, будто погружаясь в сон. Неужели она не понимает, что происходит? Почему

не пытается бежать, едва почувствовав что-то не то? Или она пришла сюда намеренно? А зачем, кстати говоря, она сюда пришла?

Призрачные фигуры из зазеркалья приблизились к самой поверхности, а затем синхронно, словно отрепетированно, строго с левой ноги, шагнули в комнату. Анна в своем укрытии только рот открыла от неожиданности: теперь оба призрака стояли здесь, а в зеркале осталась только девочка. Ее отражение делалось все более размытым, но оно там было, а вот призраки в зеркале не отражались абсолютно.

Анна пригляделась и сумела разглядеть в бесплотных фигурах двух женщин, одетых в нечто длинное, белое и бесформенное, напоминающее лохмотья средневекового платья. Их бесцветные волосы, ниспадая по плечам, были распущены. «Так. Стоп. Пора взять себя в руки», – скомандовала себе Анна, наблюдая, как призраки повернулись лицом к девочке и протянули к ней руки.

Привидения казались очень древними: видно, те, чьи души теперь явились сюда, умерли очень давно. Анна была знакома с теорией, согласно которой призраки по прошествии времени становятся все более бесцветными. То есть тот, кто умер, скажем, недавно, если и появится в реальном мире, мало чем будет отличаться от живого человека. Но чем дальше от момента смерти, тем сильнее блекнут краски. Красный плащ средневекового рыцаря, убитого в собственном замке, с веками превратится сначала в розовый, потом в белый, а потом и вовсе в бесцветный; со временем может и совсем исчезнуть – останутся только наводящие ужас шаги в коридоре. Если же допустить, что теория эта верна, двум дамам, кружащим сейчас вокруг беззащитной девочки, не менее трехсот лет: их силуэты были едва различимы. Хотя что это? Они стали вдруг видны более отчетливо... Или это только обман зрения? Как бы там ни было, Анна решила, что пора немедленно прекратить это безобразие – призраками ее не испугаешь. Она знала, как с ними сладить! Схватившись за штору, она собралась было раздвинуть ее, чтобы впустить в комнату солнечный свет, как вдруг неожиданно получила удар по затылку чем-то тяжелым. Она еще пыталась обернуться, чтобы узнать, кто это преподнес ей такой неприятный сюрприз, но ее ударили снова, и она рухнула на пол, цепляясь за штору и увлекая ее за собой. Уже теряя сознание, Анна услышала истерический визг какого-то насмерть перепуганного существа, но кто это кричал, так и не поняла.

Очнулась она всего через пару минут, если верить наручным часам; в комнате уже никого не было. Сама Анна лежала на полу возле окна, опутанная занавесью, как саваном. В глаза било солнце. Голова трещала. С трудом приподнявшись на локте и придерживая гудящую голову, Анна увидела рядом с собой два обломка гипса – один побольше, другой – поменьше. К одному из них, более увесистому, прилипло несколько черных волосков; второй был чист, но стало ясно, что он виновник ее жуткой головной боли. С трудом верилось, что оба свалились ей на голову случайно, однако большая трещина на потолке и несколько свежих сколов на лепнине вроде бы подтверждали эту нелепую версию. Что ж, здание старое, потолок неожиданно треснул, а давно не реставрированный гипс откололся... Не придерешься. Только уж больно не вовремя все это произошло.

Анна не собиралась дольше задерживаться в этой злосчастной комнате: ее очень беспокоило, куда подевалась Лелька. Нетвердой походкой девушка добрела до двери. На той же стене, буквально в полуметре от нее, висело зеркало, и Анна, преодолевая страх, заглянула в него, прежде чем уйти. Зеркало как зеркало. Может, это плод ее больного воображения? Как бы там ни было, а Лельку она видела совершенно ясно, но сейчас ее здесь уже не видно, поэтому нужно немедленно ее отыскать.

Быстро пересекая ухоженную лужайку перед учебным корпусом, Анна сосредоточилась на том, чтобы справиться с головокружением – ни на что больше сил не хватало. А зря. Ей следовало бы заметить несколько пар злобных глаз, которые провожали ее до самых ворот...

Нурия, увидев взъерошенную подругу, устало опустилась на стул.

– Тебя что, собаки покусали? – спросила она.

– Ага. И еще штукатуркой присыпали сверху, – попыталась улыбнуться Аня в ответ, но улыбка вышла кислой. Она не просто нервничала, она чувствовала леденящий ужас, вот-вот готовый подавить остатки здравого смысла. Страх мешал ей напрячь мозги и попытаться сложить кусочки головоломки воедино. Она честно пыталась это сделать, но у нее не получалось.

– Макс рассказал мне о вашем разговоре с Уильямсом, – сообщила тем временем Нурия. – И о ваших предположениях. Ты всерьез считаешь, что второго июня может что-то произойти?

– Все может быть. Но ты не бери в голову, – рассеянно ответила Анна, исподтишка оглядываясь и прислушиваясь в ожидании появления Лели. К счастью, слишком озабоченная Нурия, не обратила внимания на странное поведение подруги, точно сидящей на раскаленных угольях.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь. – Нурия была иного мнения. – Ведь дата не круглая! Триста десять лет – ни то ни се, ведь правда?

– Я думала об этом, – машинально кивнула Аня. – Дело не в количестве лет, а в самой дате, точнее, в том, что на дворе – 2002 год. Понимаешь?

– Високосный, что ли? Да вроде нет... При чем тут год?

– Он – зеркальный, неужели не заметила?

– И что?

– В такие годы стирается грань между прошлым и будущим, между всем, что лежит по разные стороны времени и реальности. Например, между тобой и твоим зеркальным отражением. О, черт!

– Что? – подскочила Нурия, выронив полотенце.

– Где Лелька?

– Наверху, в своей комнате, где ж ей быть? Переживает из-за Керри. Даже к обеду не спускалась.

– Ты хочешь сказать, что она там с самого утра? – не поверила Анна.

– Конечно, с утра.

Анна покачала головой и, вскочив со стула, понеслась на второй этаж, без стука отворив дверь в свою комнату, которую временно делила с девочкой.

– Что-то случилось, Аня?

Лелька подняла склоненную над книгой голову и удивленно смотрела на раскрывшую от удивления рот Анну.

– Мне... я... ты дома? – выдавила Аня, чувствуя, что травма головы гораздо серьезнее, чем ей показалось поначалу.

– Да. Мне захотелось немного побыть одной, – вежливо ответила девочка, закрывая книгу и придерживая нужную страницу пальчиком.

– То есть в колледже ты не была? – спросила Анна, понимая, что вопрос прозвучал по меньшей мере глупо.

– Нет. У нас же каникулы. Вы забыли?

– Я-то не забыла, – пробормотала Анна, заходя в комнату.

Нурия, примчавшаяся следом, с тревогой переводила взгляд с подруги на дочь. Ели бы не их долгое знакомство, она подумала бы, что у Анны не все в порядке с головой. Лелька настороженно следила, как Анна, словно бы невзначай выглянула в окно, разглядывая кривой ствол платана, поднимающегося до самой крыши. Уши девочки уловили едва слышную фразу:

– Что ж, вполне возможно. Но зачем?!

– Вы о чем? – открыто спросила Лелька.

– Так, ни о чем, – улыбнулась Анна. – Извини, не буду тебе мешать. Отдыхай.

Она быстро вышла из комнаты, не заметив, как мать и дочь обменялись за ее спиной удивленными взглядами.

Анна дождалась, пока Нурия присоединится к ней, и сказала с необычной для нее жесткостью:

– Что бы ни случилось, не отпускай от себя Лельку ни на шаг.

– Хорошо. Но почему?

– Для профилактики. И еще, проверяй время от времени, в комнате ли она.

Оставив Нурию разбираться в том, кто из них троих окончательно спятил, Анна вышла в сад. Ей нужно было побыть одной. Пора принимать решение. Избегать очевидных фактов становилось все более опасно. Она вышла через главную калитку, прошла немного вдоль покосившегося забора и снова оказалась на участке Нурии, проникнув туда через запасной вход.

Эта часть сада выглядела особенно запущенной: старые, полусохшие ветви плодовых деревьев, лишенные должного ухода, переплелись между собой, создав невиданные абстрактные фигуры, пугающие и одновременно завораживающие. Анна не искала вдохновения, ей необходимо сейчас уединение, но при этом нельзя упускать из виду оставшихся в доме женщин. С того места, где она остановилась, было хорошо видно здание колледжа. Если Лелька воспользовалась этим путем, то она сэкономила кучу времени – дорога через овраг была значительно короче, чем путь через город. Анна заметила след недавно прошедшего здесь человека – нехоженая трава, примятая чьими-то шагами, еще не успела распрямиться. Из этого следовало, что Лелька нагло соврала, когда сказала, что не выходила из дома. Она была в колледже, это несомненно. Для молоденькой девочки спуститься по дереву, раскинувшему свои ветви прямо под окном, не составляло труда. Воспользовавшись более короткой дорогой и имея фору в десять минут, Лелька успела не только вернуться раньше Анны, но и привести себя в порядок, изобразив саму невинность. Но зачем? Что происходило в той комнате перед зеркалом? Понимала ли Лелька всю опасность того, что делала? Знала ли о призраках?

На эти вопросы ответов не было. Зато прояснилось кое-что другое. Например, Анна вспомнила одну деталь, которую раньше упускала из виду, когда думала о погибшей Саре Ингерсол. Теперь ей не давал покоя вопрос, почему Сара, которая считалась колдуньей, выбрала для самоубийства церковь? Почему тот, кому понадобилась ее голова, не сделал все сам: ведь

ему или им было прекрасно известно, когда и как это произойдет, зачем же понадобилось втягивать в это сомнительное дело какого-то алкаша, рискуя, что однажды он выболтает все, если не сознательно, то по пьяни? Ответ напрашивался сам собой, но Анне понадобилось время, чтобы принять его: тот, кто хотел завладеть головой Сары Ингерсол, просто не мог войти в церковь, это было выше его сил. Что же получается? Кем должен быть человек, который ни при каких обстоятельствах не может войти в освященное место? Хотя вряд ли в данном случае уместно определение «человек»...

Странно, но это открытие даже обрадовало Анну. По крайней мере, теперь она знала, с чем имеет дело, хотя до уверенности в том, что она с этим справится, было еще далеко. Самое отвратительное, что она чувствовала, – это то, что Лелька каким-то образом замешана во все это. Нужно было постоянно держать ее в поле зрения, при этом, по возможности, скрывая правду от матери. Хотя, может, Анна и преувеличивала опасность и все эти тайны не представляли собой реальной угрозы. Впервые Анне захотелось, чтобы ее выводы оказались ошибочными. Не ради себя, но ради подруги, ближе которой у нее никого не было.

Оставался неразрешенным и вопрос о головах. Что это? Ритуал? С нынешней точки зрения – единственное разумное объяснение. Что там у нас делали с блуждающими головами? Анна наморщила лоб, припоминая. Варили зелья? Нет. Не то. Сара ничего не варила. Не успела? А вот это – вряд ли. Она покончила с собой, то есть лишила себя жизни тогда, когда захотела, смерть ее не была внезапной, а значит, она имела возможность довести свои дела до конца. Если она спрятала голову профессора в своем подвале, то это и было ее конечной целью. От кого она ее спрятала? Ответ напрашивался сам собой: от тех, кто заказал ее у простоватого служителя морга и оплатил заказ. Сара утащила голову у них из-под носа и, похоже, вела с кем-то жестокую борьбу. В душе Анны все больше крепла уверенность, что, несмотря на отвратительную репутацию, Сара была на их стороне. Кем бы она ни являлась при жизни, она изменилась. Существует такое понятие, как раскаяние...

Так что же происходило с головами? Все вертелось вокруг них, Анна это чувствовала. Довольно долго она изо всех сил напрягала память, припоминая все, что слышала о различных обрядах, подходящих к данному случаю. И вспомнила! В давние времена существовала некая секта, главным магическим ритуалом которой как раз являлось общение с головами умерших. Сектанты полагали, что мертвый мозг хранит всю

информацию, которую накопил при жизни человек. Надо только уметь эту информацию извлечь. А они это умели... С помощью страшных и опасных заклинаний они высасывали из мозга все знания, весь его потенциал. Согласно легенде, они с особым рвением охотились за головами гениев, иногда охота заканчивалась успешно.

Анна понимала, что, кажется, нащупала именно то, что нужно. Некто знал, что Сара поделилась своей тайной с профессором. Очевидно, она нуждалась в его помощи и знала, как эту помощь заполучить. Он погиб, и некто проявил любопытство, желая узнать тайну Сары хотя бы посредством проникновения в мозг покойного. Сара опередила их. Она спрятала бесценный источник информации в месте, которое при ее жизни было недоступно противникам. Но она понимала и другое – рано или поздно они доберутся до нее. Она пыталась укрываться, но это не могло длиться долго. И когда поняла, что кольцо вокруг нее сжимается, то решила разом прекратить все и выбрала церковь – место, куда враги не могли попасть при всем желании. Она сделала это, так как понимала, что секреты, хранящиеся в ее мозгу при жизни, станут легкодоступными после ее смерти. Но здесь она просчиталась. Ее опередили, и теперь некто владеет всей информацией, если только... Если только Сара не придумала какую-то защиту, не позволяющую воспользоваться ее мозгом. На эту мысль Анну натолкнул тот факт, что даже после смерти Сары голова профессора так и не была обнаружена. А ведь они не оставляли своих попыток! Недаром шарили в доме сразу после приезда Анны, воспользовавшись первым же удобным случаем! Если так, то Сара пока свела счет в неравной борьбе к ничейному результату. Дальнейшее уже зависит от Анны и ее друзей, на помощь которых рассчитывала загадочная Сара Ингерсол – раскаявшаяся ведьма.

Приведя мысли в порядок и наметив какое-то подобие плана, Анна отправилась в Бостон, чтобы навестить Ники. На этот раз она была одна, так как Макс куда-то запропастился. Правда, позднее оказалось, что он как раз в Бостоне: они встретились в палате мальчика. Кроме них двоих, там оказалась и его тетка, миссис Клэрксон, которая пришла навестить спасенного племянника. Анна испытывала к ней благодарность, но была рада, когда та ушла, оставив их втроем. Девушка ничего не могла с собой поделаться, но эта женщина, совершившая такой добрый поступок, вызывала у нее стойкое чувство неприязни. Возможно, дело было не в ней, а в самой атмосфере, нависшей над всеми без исключения жителями Дэнверса.

Глава 29

Вечер начался со странного события: Лелька наотрез отказалась продолжать сеансы гипноза вместе с Вангелисом. Нурия, которой следовало бы обрадоваться трещине, появившейся в отношениях дочери с сыном миллионера, как раз и огорчилась больше всех. Выпроводив обескураженного парня, Лелька с независимым видом засобиралась в свою комнату, но Анна остановила ее, спросив напрямик:

– Скажи, для чего предназначена комната с зеркалом?

Даже невооруженным взглядом было видно, как напряглась девочка, услышав этот вопрос – простой вопрос, который не должен был вызвать страха, появившегося на ее лице. Ведь Лелька всегда с удовольствием рассказывала о своем обожаемом колледже. Сейчас же глаза ее потемнели, губы приоткрылись, с языка готова была сорваться какая-нибудь дерзость. Но неожиданно морщинки меж бровей разгладились, Лелька улыбнулась и, невинно хлопая глазами, ответила:

– Вы говорите о комнате для медитации?

– Возможно, – кивнула Анна. – Там только зеркало и кресло, а стены обиты старинными гобеленами, – уточнила она, внимательно вглядываясь в безмятежное девичье лицо.

– Я никогда не видела этой комнаты, – широко улыбаясь, сообщила Лелька. Теперь она уже в достаточной степени владела собой и сообразила – чтобы избежать вопросов, нужно стараться вести себя как можно естественнее. – Я слышала, что она представляет собой что-то вроде памятника. Но туда пускают только старшеклассников, да и то за особые заслуги.

– Музей имени кого? – спросила Анна.

– Основательницы колледжа, разумеется. Не Святой Елены, конечно, – снисходительно улыбнулась Леля, – а баронессы Ромин-Стэймонс. Это был ее кабинет. Она, как говорят, любила подолгу сидеть в кресле и смотреть в зеркало. Кабинет перенесли еще до мисс Спарк, а комнату превратили в музей. Она всегда заперта на ключ, и окна всегда зашторены, потому что гобелены очень старые – им вреден солнечный свет. Это все, что вы хотели узнать?

Анна едва сдерживалась. Девчонка врала, нагло глядя ей в глаза. Да что с ней происходит, черт возьми? Лелька становится сама на себя непохожей. Анна всегда знала ее искренней, доброй девочкой, а стоящая

перед ней изворотливая лгунья не имела с прежней Лелькой ничего общего. И еще – она была напугана. Маска взрослой и независимой женщины, которую Леся нацепила на себя, трещала по всем швам, а сквозь эти дырки проглядывал перепуганный ребенок. Преодолев желание встряхнуть девчонку как следует, Анна позволила ей уйти, а сама присоединилась к Макс и Нурие, которые как раз садились ужинать.

Покончив с трапезой, они вернулись к обсуждению дальнейших планов. Откладывать уже ничего нельзя, вокруг творилось что-то странное. Кроме изменений, случившихся с Лелькой, появилось немало и других тревожных фактов. И Макс, и Нурия сообщили, что всего в течение одного дня стали свидетелями нескольких крупных ссор между горожанами, возникших практически на пустом месте. Нурия заверила, что до сих пор ничего подобного не видела, по крайней мере, ей не приходилось наблюдать, как две почтенные женщины пытались повыдергать друг у друга волосы из-за пучка петрушки, который обе хотели приобрести в лавке зеленщика. Макс рассказал, какое впечатление произвел на него озверевший водитель, который с ломом погнался за машиной, подрезавшей его на светофоре. Таких примеров было множество. Приходилось признать, что если до сих пор с головами горожан все было в порядке, то теперь город тихо сходил с ума.

– Нам придется вновь вернуться к документу, который передала мне Сара Ингерсол, – вздохнула Анна.

– Своевременная идея, – кивнула Нурия.

– Она будет более плодотворной, если окажется, что от нее есть хоть какой-то толк.

– А у нас все равно нет выбора, – пожала плечами Анна. – Либо мы его – в смысле, расшифруем, – либо они нас – уж и не знаю что, но мне бы этого не хотелось.

Разглядывание двух страничек, на которые был переписан текст со старинного пергамента, разложенных на столе, в течение четверти часа не принесло ощутимых результатов, поэтому Макс рискнул высказаться:

– По-моему, первый листок с молитвой можно смело пока отложить. Он не содержит никакой информации.

– Я тоже так думаю, – согласилась Нурия, которую с самого начала интересовала только та часть документа, в которой говорилось о кладе.

– Мне и вторая-то часть не кажется слишком внушающей доверие, – призналась Анна. – У меня неприятное предчувствие, что документ сохранился не полностью.

– А вот тут ты не права, – покачал головой Макс.

– Тоже мне открытие, – огрызнулась Анна, – да не было еще такого случая, чтобы ты признал мою правоту.

– Не злись. Я серьезно. Здесь есть печать, которая удостоверяет, что все на месте. Смотрите сами.

Макс осторожно пододвинул на середину стола подлинник документа и указал на подпись в самом низу.

– Ну и что? Где печать? – не сдавалась Анна.

– У тебя перед носом, глупая. Вот эти строки – что-то вроде подписи – растянуты на оба листа. В них ничего не упущено, текст выглядит законченным, а значит – перед нами все части документа. Поняла?

Впервые в глазах Анны, устремленных на Макса, промелькнуло что-то вроде восхищения.

– Класс! – озвучила Нурия то, о чем промолчала ее подруга. – Жаль, что толку от этого открытия немного.

– Ладно, попробуем воспользоваться второй частью документа, – кивнула Анна. – Что мы имеем? Практически ничего. Никаких конкретных указаний на определенное место. «Прыжок один, потом – подряд четыре шага», – процитировала она. – И где мы собираемся совершать эти телодвижения, господа?

Макс задумчиво поскреб пятерней затылок, давая понять, что не имеет ни малейшего понятия на этот счет. Анна вздохнула и развела руками, а вот Нурия неожиданно запротестовала:

– Послушайте, вы оба не правы! – воскликнула она, быстро пробегая глазами текст. Здесь все указано, и очень точно!

– Да? И где же? – растерянно спросил Макс, заглядывая в бумагу через ее плечо.

– Да вот же, во втором четверостишии! – ткнула Нурия пальцем в нужное место.

– Это ты про сосны, что ли? – удивилась Анна.

– Про них! Наш пастор родился и умер в этих местах. Он мог писать только про Салем и его окрестности, так как никогда не покидал его пределов! А сосны здесь испокон века растут в единственном месте! Догадываетесь, где?

– Возле музея восковых фигур! – воскликнула Анна, с восхищением глядя на смутившуюся подругу.

– А что, место весьма подходящее, – одобрил Макс. – К тому же у нас есть точное время для начала поисков. Четверг, если не ошибаюсь. Не думаю, что день играет какую-то роль, но...

Тут все трое переглянулись, вспоминая, какой сегодня день. Был

именно четверг. Близилась ночь, до воскресенья, второго июня, оставалось три дня. Все складывалось как бы само собой. Даже то, что музей пустовал после гибели Керри и ареста ее отца. Никто не мог помешать им осуществить задуманное, если бы у них хватило на это смелости.

– Ну что, отправимся немедленно? – спросил Макс, обводя взглядом притихших женщин. – Лопата и фонарь, думаю, найдутся?

– Может, лучше обратиться в полицию и все им рассказать? – робко предложила Нурия.

– Знаешь, куда меня отправят, если я заявлюсь в полицию с рассказами о привидениях и ритуалах с отрезанными головами? – усмехнулась Анна.

– В тюрьму?

– Хуже. В дурдом.

– Она права, – поддержал девушку Макс. – Нам никто не поверит. Я и сам-то почти не верю во все это, если честно.

– И я, – призналась Нурия.

– И я, – грустно кивнула Анна. – Но, раз уж мы все не верим, то и бояться не стоит. В крайнем случае немного взрыхлим землю под деревьями.

* * *

Лелька, которую по настоянию Анны решено было взять с собой, неожиданно воспротивилась:

– Вы что, спятили? – возмутилась она, услышав, что предстоит тащиться ночью в центр города и совершать там какой-то подкоп на частной территории.

– Возможно. Но для тебя это ничего не меняет, – заверил Макс. – Ты пойдешь с нами, даже если это тебе не нравится.

– Да меня уже просто тошнит от ваших фокусов, – скривилась девочка. – Взрослые люди, а играете в искателей приключений.

– Вот и поиграем вместе. В твоем возрасте это вполне допустимо, – усмехнулась Анна. – Не стоит торопиться взрослеть. Это от тебя никуда не уйдет.

Под аккомпанемент Лелькиных стенаний они поспешно собрали необходимое снаряжение, которое оказалось на редкость простым – лопата, небольшой ломик, крепкая веревка и фонарь. И еще, конечно, захватили инструкцию Барроуса, которую Макс засунул в нагрудный карман.

Пока они шли к машине, Анна чувствовала нарастающее возбуждение.

Сад вокруг вдруг наполнился звуками: таинственно, неестественно громко в ночной тишине шуршала трава под ногами. От порывов ветра пришли в движение листья, их шелест напоминал человеческие вздохи. Слышно было, как хрустнула вдруг ветка, переломившись с сухим щелчком, пугающе близко раздался пронзительный писк. «Это всего лишь летучая мышь», – попыталась успокоить себя Анна, но дрожь во всем теле не проходила. Казалось, ночь, как и они все, затаила дыхание, наблюдая за ними.

Глава 30

Машину они оставили за два квартала от музея – ненужная предосторожность. На пустой улице они были совершенно одни, и если кому-то не спалось, то заметить их довольно живописную компанию, нагруженную инвентарем, было нетрудно даже на плохо освещенной улице. Они старались держаться в тени деревьев, когда это было возможно, но зеленых насаждений явно не хватало, чтобы проделать весь путь под их прикрытием.

Друг за другом они крадучись пробрались вдоль чугунной ограды музея и остановились возле калитки. Анне казалось, что сердце ее стучит на всю округу, заглушая даже скрип несмазанных петель.

– В бумаге говорится, что начинать следует в шесть утра, – напомнила Нурия.

– Возможно, это не так уж и важно. Барроус считал это время самым безопасным, когда, с одной стороны, меньше свидетелей, а с другой – уже видно сосны, – напомнил Макс.

– Так их видно и в четыре, – возразила Анна.

– Это летом, а зимой, например, шесть утра – в самый раз, – не сдавался парень.

– Много бы он накопал зимой, – фыркнула Леля презрительно. – Земля-то мерзлая.

– Тоже верно, – вздохнула Анна. – Но, если следовать инструкциям пастора Барроуса буквально, то получается, что сейчас самое время подпрыгнуть.

– Что-то не хочется, – покачала головой Нурия, зябко поеживаясь. – Может, пропустим первый куплет? Вон же они, сосны. Отсчитаем шестую, и все дела.

– Ладно, топаем к соснам, – поддержал ее предложение Макс.

Они прошли через мощный двор и остановились в начале сосновой аллеи. Свет фонарей давал достаточно света, чтобы свободно ориентироваться, но их ждал еще один сюрприз: сосны росли в два ряда, то есть шестых оказалось целых две.

– Вот те раз, – усмехнулся Макс. – И что теперь делать?

– Копать, раз уж вы сюда явились, – хихикнула Лелька, с довольным видом наблюдая за растерянностью взрослых.

– Если ты такая умная, посоветуй, с какой начать, – огрызнулся Макс.

– А вы сделайте, как велел ваш наставник: присядьте под деревцем, подумайте пару часов, – не унималась Лелька и вдруг неожиданно выпалила: – Ладно, копать надо под той, что справа.

Этот совет удивил всех без исключения.

– Это что, шутка? – Нурия недоверчиво посмотрела на дочь.

– Мне не до шуток, я замерзла, как цуцик, – хмыкнула девочка. – Если бы не это, ни за что не стала бы вам помогать. Вы же такие тут все умные – жуть прямо.

– Значит, ты – умнее, – спокойно сказала Анна. – Только объясни нам, почему ты выбрала это дерево, а не соседнее.

– Так оно же сухое! – С недовольным видом пояснила Лелька. – Если под вашим деревом и в самом деле что-то было, то могли повредиться корни или воды ему не хватало, в общем, не знаю, я в ботанике не сильна, но я бы выбрала то дерево, которое чувствует себя хуже. Кстати, оно в аллее единственное.

– Ну что ж, в логике тебе не откажешь, – признался Макс, обходя дерево и примериваясь, откуда начать раскоп.

– А гнилое яблоко делить не будете? – язвительно поинтересовалась девочка, наблюдая за ним с любопытством.

– Отвяжись, – бросил через плечо Макс. Нурия подошла к девочке и попыталась обнять ее за плечи. Но Лелька недовольно повела плечами, сбрасывая руку. Нурия отпрянула, в глазах ее застыло удивление и обида. Анна, стоящая рядом, взяла подругу за руку и крепко пожала, выражая сочувствие.

– Послушайте, здесь и правда что-то есть, – раздался удивленный голос Макса.

Все, даже Лелька, бросились к нему и устали на то место, где в землю была воткнута лопата. Анна поспешно зажгла фонарь и направила туда мощный пучок света. Макс расчистил небольшой участок, и все они увидели ровную поверхность плоского камня. Еще немного – и стало понятно, что плита служит крышкой люка, посередине которого имелось ржавое кольцо.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – не совсем к месту протянула Лелька.

Макс, расчистив крышку, ухватился за кольцо и попытался сдвинуть ее с места. Это удалось сделать только с четвертой попытки, и сразу из-под земли повеяло холодным и сырым воздухом.

– Прямо как из могилы, – не унималась девочка. Все остальные молчали.

– Насчет передохнуть Барроус был прав, – Макс вытер рукой со лба выступившие бисеринки пота. – Тяжеленный, зараза!

– В заветании еще что-то есть про заповеди, шестую и девятую, – заглянув в бумажку, сообщила Анна. – Кто-нибудь помнит, что это такое?

– Я – нет, – призналась Нурия. – Не убий, не укради – это я знаю, а вот с остальными – проблема.

– Я помню еще про «не возжелай жену ближнего своего», – усмехнулся Макс. – Мне она всегда не нравилась.

Анна смерила его негодующим взглядом. К сожалению, никто больше ничего так и не припомнил.

– А может, ну их, эти заповеди? – заявил Макс, которому не терпелось проверить, что за колодец они обнаружили. Предварительно осветив его внутренность фонарем, они увидели вделанные в каменную стену скобы, которые уходили далеко вглубь, куда не доходил свет фонаря.

– Правильно это или нет, но заповедями придется пренебречь, раз уж мы их не знаем. Может быть, Барроус упомянул их только потому, что был священником? Вся его жизнь была связана с богословием, он привык пользоваться цитатами из Библии по любому поводу... – В голосе Анны не было слышно особой уверенности.

– Короче, я спускаюсь, – преувеличенно бодро заявил Макс.

– Будьте осторожны. Вдруг этот колодец – обычная выгребная яма? Воняет вполне подходяще, – нагло напутствовала его Леля, не обращая внимания на побледневшее лицо матери и возмущенное Анны. Последняя подошла к девочке вплотную и прошипела:

– Еще слово – и я тебе врежу.

– Не имеете права, – оцетинилась Лелька, которая была выше Анны на целую голову, но все же отодвинулась подальше.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании. Наконец затаившие дыхание подруги услышали шорох в колодце и над люком показалась голова Макса.

– Вы сами должны на это взглянуть, – сообщил он, вытряхивая из волос набившийся в них мусор. – Попробуйте спуститься. Ступеньки крепкие, так что это вполне безопасно. Только держитесь крепче за скобы – колодец довольно глубокий. – Вы что, обнаружили там две сияющих звезды? – спросила Лелька с любопытством. Макс на этот раз просто не удостоил ее ответом.

Анна начала спускаться первой. Это оказалось не так-то просто. В колодце было сыро, капельки воды осели на металлических скобах, а те норовили выскользнуть, лишив девушку опоры. Она судорожно цеплялась

за них застывшими от холода пальцами, радуясь тому, что снизу слышится дыхание Макса – его присутствие придавало ей смелости. Нурия с Лелькой последовали за ней. К счастью, все достигли дна целыми и невредимыми.

– Грязища-то, мамочки! – Леля брезгливо оглядывала густую паутину, свисавшую со стен. – Если мы лезли сюда только за этим, то не стоило стараться. Такими сокровищами изобилует сарай на задворках нашего участка.

– Нашла чем хвалиться, – усмехнулся Макс. – В своем сарае могла бы и порядок навести.

Девочка с досадой прикусила губу, замечание Макса задело ее за живое.

Под ногами хлюпала вода. Пару раз Анне показалось, что кто-то пробежал мимо, коснувшись ее щиколотки мягким боком. Она с трудом удержалась, чтобы не посветить под ноги. Вряд ли то, что она увидела бы, прибавило ей мужества.

– Идите за мной! – Макс отобрал фонарь у Анны и направил луч света на стену.

Темный проем, словно нарисованный черной тушью на сером картоне, оказался началом длинного узкого коридора.

– Самое время вспомнить, что у нас там говорится в путеводителе, – пробормотала Нурия, стараясь внимательно глядеть себе под ноги. – Помоему, здесь крысы. И вообще, мне тут не нравится.

– Там дальше про порог, который в двух шагах от истины, – сообщила Анна, которая уже выучила злосчастный документ наизусть.

– И где же этот порог?

– Кажется, там, – неуверенно ответила Анна, показывая туда, откуда доносились не слишком деликатные выражения Макса и звук падения чего-то тяжелого. – Думаю, наш гид как раз только что об него споткнулся.

Догнав Макса, девушки застали его уже на ногах: он смущенно потирал ушибленное колено. Поперек коридора тянулся каменный выступ, который в темноте не был заметен. Анна посмотрела через арку и поняла, что помешало ему вовремя обнаружить препятствие: подземелье заканчивалось тупиком. Этот тупик имел форму круглого зала, в стене которого, прямо напротив того места, где они сейчас стояли, угадывались три глубокие ниши, над которыми в камне были вырублены две пятиконечных звезды – пентаграммы.

– Знак защиты, – прошептала Анна, точно замороженная, приближаясь к нишам, – как и сказано в документе: в каждой находится деревянный ларец. Едва Анна дотронулась до первого из них, как он рассыпался в

прах, – насквозь прогнившее дерево превратилось в труху.

– Фу, мерзость какая, – отпрыгнула Лелька в сторону, яростно стряхивая с себя опилки, попавшие на юбку.

– Он действительно пустой, – удивился Макс. – Может, сразу перейдем к третьему?

– А кто знает, где тут третий, а где второй? – философски заметила Анна.

– По-моему, ты усложняешь, – пожал Макс плечами и протянул руку к третьей нише. Его спасла быстрая реакция, он успел вовремя отдернуть руку от рассыпавшегося ларца, из-под обломков которого стремительно выскользнула похожая на шнурок маленькая змейка. Не успев вонзить в жертву ядовитые зубы, она поспешно нырнула в тень, скрывшись в глубокой щели под каменным сводом.

– Вот черт! Есть желающие проверить последний тайник? – поинтересовался Макс. – Только советую прежде составить завещание. Эта тварь, возможно, не единственная.

– Ладно, я попробую рискнуть.

– Не дури, Анна, это действительно опасно, – встревожился Макс. Девушка отстранила его со своего пути и протянула руку к оставшемуся ларцу.

От легкого прикосновения крышка с легким стуком откинулась. Этот ларец и не думал превращаться в грудку опилок, с готовностью демонстрируя свое нутро, битком набитое переливающимися драгоценностями.

– Господи, и в самом деле клад! – ахнула Нурия, всплеснув руками.

Глаза всех без исключения светились восторгом, в зрачках множилось и дробились сияющие даже при слабом свете разноцветные камни, оправленные в золото и платину. Леля, растеряв весь свой гонор, тарасила широко распахнутые глаза на сокровища, как ребенок на рождественскую елку, и ее тонкая рука как бы сама собой потянулась к украшениям. Анна решительно перехватила ее запястье и отвела руку в сторону.

– Ты чего? Жалко, да? – обиженно скривила губы девочка. – Я же только посмотреть!

– Мне не жалко. Но трогать их нельзя.

– С ума сошла? Макс, скажи ей! Это же теперь наше! Мы нашли клад, и теперь он принадлежит нам!

– Мы должны взять отсюда только две вещи, так написано у Барроуса, – напомнила Анна.

– Да мало ли что пастор написал, – усомнился Макс. – Он давно умер,

а драгоценности – вот они. Это же целое состояние.

Нурия молчала, но Анна чувствовала, что она разделяет мнение Лели и Макса.

– Послушайте, это не шутка! Я не знаю, почему этот преподобный Барроус запретил прикасаться к золоту, но лучше бы нам его послушаться. По крайней мере до утра третьего июня.

– А что будет третьего июня? – быстро спросила Леля.

– Надеюсь, что ничего уже не будет, – тихо сказала Анна.

– Ладно. Сделаем так, как советует этот пастор, будь он неладен, – согласился Макс. – За несколько дней этот сундучок никуда не убежит. Стоял же он здесь триста с лишним лет. Только надо выбрать те две вещи, которые нужно взять. Как ты думаешь, Анна, что это? Может быть, колье? Или вот этот браслет?

– Тут и думать нечего, – улыбнулась Анна, бережно беря в руки золотой, довольно массивный крест.

– Ну ты и выбрала! – фыркнула Леля. – Из такого количества побрякушек схватила самую уродливую, да еще и бракованную: у него же камни повывырены!

В самом деле, в кресте зияли четыре пустых гнезда, в которых раньше были вставлены камни; они напоминали пустые глазницы черепа, глубокие и тоскливые.

– Анна права. А я знаю и вторую драгоценность. – Макс подхватил похожий на каплю рубин и подбросил его на руке. – Я прав?

– Абсолютно, – кивнула Анна. – Оказывается, их должно быть четыре!

– Идиоты, – пробормотала сквозь зубы Лелька и пожала плечами.

Поглощенные разглядыванием легендарного креста, выполненного искусным ювелиром прошлого, взрослые не заметили, как девочка за их спиной проскользнула к шкатулке, быстрым движением выудила из сверкающей кучи браслет в виде змеи с бриллиантовыми глазами и сунула трофей в глубокий карман кофты.

Кроме ларца с драгоценностями, в зале обнаружился и еще один сюрприз – тяжелая дверь, скрывшаяся в глубокой тени. Поэтому они не сразу обнаружили ее, а когда обнаружили, то не смогли открыть. Даже недюжинная сила Макса не помогла сдвинуть ее с места.

– Возможно, она заперта с другой стороны, – предположила Нурия.

– А что у нас может быть с другой стороны? – деловито осведомился Макс. – И вообще, кто-нибудь знает, где мы сейчас находимся? Я говорю о поверхности над лабиринтом.

– Мне кажется, что мы уже за пределами города, – подумав, сказала

Нурия. – Мы шли довольно долго, и все время – в западном направлении, то есть от центра города. Получается, что над нами... лес!

– Вот интересно! Зачем было рыть подземелье, которое выводит в лес? – удивилась Леля, которая, заполучив вождеденную безделушку, заметно подобрела.

– Это как раз понятно. Подземный ход позволял достигнуть леса, не опасаясь преследования. Не забывайте, что он появился примерно в те времена, когда в Салеме бушевала охота на ведьм. Этот путь мог стать единственным спасением. Похоже, ведьмы сумели сохранить свою тайну, раз до сих пор никто не добрался до сокровищ.

– Но Барроус-то знал!

– Не забывайте, что в него была влюблена одна из них – Сара Ингерсол. Кстати, он тоже не выдал тайну.

– Похвально. Только что нам делать с этой дверью? – задал Макс насущный вопрос.

– Оставим ее. В документе про дверь ничего не сказано, а значит, нас она пока не интересует. Нужно возвращаться. Скоро начнет светать, а мы забрались довольно далеко, – сказала Анна.

Она и понятия не имела как далеко они забрались в действительности, а если бы знала, то первая проголосовала бы за то, чтобы оставить эту затею.

Глава 31

В пятницу они проспали до полудня. Проснувшись, Анна с трудом поверила в то, что произошло с ними накануне, хотя тело нещадно ломило от усталости. Леля мирно спала в своей постели. Она уже давно перестала кричать во сне, но Анне почему-то казалось, что это совсем не говорит о ее выздоровлении.

Сунув руку под подушку, Анна достала завернутый в полотенце крест и осторожно развернула его. Золотая резьба, немного потемневшая местами от времени, засияла в солнечных лучах ослепительным светом. Здесь же лежал и рубин. Он был точно таким же, как и три предыдущих, только чуть крупнее. Анна вложила его в центральное гнездо и невольно залюбовалась мерцающим темно-красным сиянием. Так вот что искал профессор! Вот о какой сенсации говорил! И он был прав! Крест, овеянный легендами, исчез так давно, что его даже не пытались отыскать. Ученые с великим сожалением признали, что все следы реликвии утеряны, а крест все это время хранился в тайнике, ожидая своего часа.

Размышления о Хаскинсе неожиданно приняли иное направление. Анна опять подумала, так ли случайна была его гибель. Подобным совпадениям она не доверяла – профессор скончался именно тогда, когда вплотную приблизился к тайне... Следовало до конца прояснить этот вопрос, по крайней мере для того, чтобы не мучиться сомнениями. А для этого нужно было вернуться на место предполагаемого преступления. В газете Анна прочла, что банкет проходил в самом престижном и дорогом ресторане Дэнверса. Туда она и собиралась направиться, не теряя даром времени.

Все еще спали, когда Анна тихо оделась, наскоро натянув джинсы и белую рубашку, в которой чувствовала себя особенно уютно. Подумав, решила, что ее наряд слишком прост для визита в дорогой ресторан, и решительно перевернула свой перстень камнем наружу. Женщина, носящая на пальце целое состояние, имеет право одеваться как хочет, хотя бы и в джинсы. Расставаться с крестом и рубинами Анна побоялась, потому засунула его поглубже в свою сумку. Она бы оставила сокровище любому из своих друзей с легким сердцем, но оба они спали, и Анна не решилась их будить. Леле же она не доверяла.

Отойдя от дома на значительное расстояние, Анна вдруг обнаружила, что идет не одна: за ней, задрвав хвост трубой, семенит Каспер, временами

переходя на неуклюжий галоп, чтобы не отстать.

– А ты что тут делаешь? – строго спросила Анна, останавливаясь. Каспер, обрадованный передышкой, мгновенно плюхнулся задом на тротуар и уставился на Анну прищуренными от солнца глазами.

– Отправляйся обратно, путешественник! – приказала Анна. – Ишь, какой самостоятельный стал!

Жизнь в деревне превратила городского кота во вполне независимое животное. Это качество он и продемонстрировал, не сдвинувшись с места вопреки желанию хозяйки.

– Ну ты и наха-ал! – протянула Анна. – Куда ты за мной увязался, дурачок? Что же мне с тобой делать?

Анна действительно попала в трудное положение. Ей хотелось побыстрее закончить с посещением ресторана, а тащить кота обратно – это потерять минимум полчаса драгоценного времени. А к вечеру ей нужно было успеть попасть в клинику, чтобы оформить бумаги Ника – его должны были выписать уже в понедельник. В конце концов она махнула рукой на Каспера, заявив ему, что он сам выбрал себе проблему на усатую голову, и пошла своей дорогой, тем более что ресторан уже был совсем близко. Каспер потрусил следом, выражая готовность проделать весь путь до конца. Его намерения, однако, натолкнулись на непреодолимое препятствие в виде упитанного швейцара, дежурившего у входа. Каспер каким-то образом сообразил, что с этим детиной договориться не удастся, и примостился на газоне прямо перед входом, выбрав в качестве наблюдательного пункта густую тень под розовым кустом.

Анна заранее продумала стратегию своего поведения. Она хотела поговорить с официантом, обслуживающим столик профессора в тот памятный вечер. Официантам вменяется в обязанность внимательно следить за своими клиентами, чтобы вовремя менять тарелки, подавать чистые приборы, подливать вино в бокалы. Они видят гораздо больше, чем опьяненные вкусными блюдами и напитками расслабленные гости. Именно на это и рассчитывала Анна, надеясь, что узнает нечто такое, после чего она либо утвердится в своих подозрениях, либо развеет их в пух и прах. Ни на что особенное она не рассчитывала, ибо если бы существовали кокетные факты, свидетельствующие об убийстве, то об убийстве бы и шла речь. И, насколько она знала, естественная смерть престарелого профессора до сих пор не вызывала у полиции и тени сомнения. А вот у Анны вызывала.

– Вы поступили совершенно правильно, решив заказать столик заранее, – заявил администратор, внимательно выслушав ее просьбу. – Наш

ресторан пользуется заслуженной популярностью, и у нас почти не бывает свободных мест, особенно по вечерам.

– Да, мне очень нравится ваше заведение. Здесь так уютно и солидно, – улыбнулась Анна, небрежным жестом отводя за спину выбившуюся прядь тяжелых черных волос и таким образом демонстрируя чопорному господину огромный изумруд, оправленный в старинное золото. Перстень, как и ожидалось, произвел должное впечатление, администратор заулыбался еще шире и постарался не замечать довольно потертые джинсы девушки. У богатых свои причуды. Его даже не слишком удивила ее просьба встретиться с конкретным официантом, которую Анна объяснила полученными от подруги рекомендациями. Она также изъявила желание обсудить с ним лично детали предстоящего ужина. Желание объяснялось тем, что Анна хочет сделать сюрприз своим друзьям.

Короче, через несколько минут она уже беседовала с неким Майклом Грэйвсом, слишком юным, чтобы остаться равнодушным к обществу красивой женщины, и слишком вышколенным, чтобы не исполнить ее пожеланий.

– Знаете, Майкл, меня беспокоит одна вещь, – изображая смущение, промурлыкала Анна. Официант вытянулся в струнку с твердым намерением избавить красавицу клиентку от малейшего неудобства. – Я слышала, что в вашем уважаемом заведении умер человек... – Она взглянула на юношу из-под ресниц, чтобы он мог прочесть испуг, написанный каллиграфическим почерком в ее глазах. Читать Майкл умел и тут же бросился ее успокаивать:

– Что вы, мисс, это был всего лишь несчастный случай. Ни малейшей вины нашего ресторана! Клиент скончался от старости.

– Вот как? Это меняет дело. А то я уж было подумала, извините, конечно, что он отравился чем-нибудь... ну... не совсем свежим. Вы меня понимаете?

– Ни в коем случае! Да этот профессор весь вечер чувствовал себя превосходно, кушал с большим аппетитом и даже, смею заметить, флиртовал! – сообщил парнишка вполголоса, наклоняясь к самому уху девушки.

– Как мило! – хихикнула Анна, отодвигаясь. – Я слышала, что он женат. И на молоденькой! Наверное, дама была необычайно хороша, если он позволил себе увлечься?

– Старовата, на мой вкус, – пожал парень плечами. Неожиданно он счел, что позволил себе чересчур смелое высказывание и с опаской покосился на Анну, но она напустила в глаза туману, изображая

непроходимую тупость, и парень успокоился.

Надо сказать, что Анну редко принимали всерьез при первой встрече. Миниатюрная, грациозная, она казалась юной и незащищенной. Нужны были недели, а то и месяцы, чтобы распознать под этой маской сильную, наделенную недюжинным умом взрослую женщину. За несколько минут недалекий Майкл не успел разобраться, что к чему, и Анна с удовольствием воспользовалась его близорукостью, расставляя все новые ловушки.

– Мне кажется, вы пристрастны, говоря о возрасте этой дамы, – лукаво погрозила она ему пальчиком, чувствуя, что ее уже начинает тошнить от этой глупой маски. Но таковы были правила игры, и она вынуждена была подчиниться, чтобы докопаться до истины. – Вы сами еще слишком юны. Вам и я, должно быть, кажусь старухой.

– О, нет! Как вы можете! Да сами посудите – профессор увивался за дамой, которую я хорошо знаю. Это весьма уважаемая горожанка почтенного возраста – Дороти Спарк!

У Анны в буквальном смысле отвисла челюсть.

– Кто? – пролепетала она.

– Мисс Спарк. Ей уже за сорок, так что я нисколько не обидел ее, сказав, что она уже не девочка.

– Да-да, конечно.

– Вы знакомы с нею? – тревожно спросил паренек, представив, что произойдет, если его нелестный отзыв дойдет до ушей директрисы.

– Нет, нет, но я много слышала о ней, разумеется. И мне не верится, что она могла кокетничать с профессором. Это на нее не похоже. Вы не ошибаетесь?

– Еще как кокетничала! И профессор тоже. Он даже воспользовался ее ножом, чтобы разрезать бифштекс на своей тарелке.

– О! Это интересно! – из последних сил изображала заядлую сплетницу Анна.

– Не думайте, что это какой-то секрет. Сами понимаете, в зале было полно народа. К сожалению, вскоре после этого профессор и свалился замертво. От переизбытка эмоций, наверное, – хмыкнул Майкл.

– Через какое время это случилось после начала банкета? – быстро спросила Анна, на минуту выходя из своей роли.

К счастью, Майкл не обратил внимания на проскользнувшие металлические нотки в ее голосе.

– Где-то через час, – ответил он, припоминая.

– Печально, что и говорить, – вздохнула Анна. – Но я рада, что это не имело отношения к качеству вашего обслуживания. Вы были на высоте. В

наше время так мало осталось приличных мест, где можно спокойно насладиться хорошей кухней. Кстати, а нельзя ли попросить вас, чтобы приборы на моем столике были те самые, что и на банкете профессора? Я слышала, что они были какие-то особенные?

Конечно, Анна вралла, она понятия не имела, что за ножи лежали на столе профессора, но что ей оставалось делать? Не спрашивать же напрямик? Хотя вряд ли с этой стороны можно было ожидать подвоха, ведь парень ясно сказал, что Дороти предложила Хаскинсу свой собственный нож, которым до этого пользовалась. И все-таки она с напряжением ждала ответа. И не прогадала.

– Должен разочаровать вас, мисс! Тот комплект изъят из обращения. Это и в самом деле были уникальные приборы – серебряное каре девятнадцатого века.

– Почему вы говорите «были»? Разве они пропали? И что такое «каре»? Четыре штуки, что ли?

– Да, именно. Но один из приборов исчез после банкета. Такая неприятность, но такое, увы, случается.

– Надеюсь, это не нож? – неловко пошутила Анна.

– Вы угадали, – развел руками Майкл.

– Боже, опуститься так низко, чтобы украсть столовый прибор!

– Серебряный!

– Да хоть золотой! Можно мне взглянуть, на что польстился этот воришка, кем бы он ни был?

Просьба немного удивила Майкла, но девушка была так мила и заплатила такой солидный аванс, включив в него чаевые для самого Майкла, что он не устоял. Извинившись, он на несколько минут вышел из комнаты и вернулся, неся в руках бархатную коробочку с вензелем на крышке. Приподняв ее, он предоставил Ане возможность полюбоваться начищенными до блеска изящными столовыми приборами: четыре вилочки, четыре ложки для первого и четыре – для десерта, четыре ножа, точнее три. Одно бархатное гнездо зияло пустотой. Ложки-вилки и в самом деле были красивы – витые ручки оканчивались изысканными букетиками лилий. Скромно и благородно. Такую вещицу могли и в самом деле свистнуть, Анна слыхала про любителей утянуть из ресторана какую-нибудь милую безделушку. Но, возможно, это сделал преступник. Анна ни минуты не подозревала саму Дороти, но кто-то мог что-либо сделать с ножом в ее отсутствие. Вечер был длинным, она наверняка выходила из зала – попудрить нос или просто в туалет.

Попрощавшись со словоохотливым Майклом, Анна вышла из

ресторана. Ее планы изменились. Если она поначалу собиралась всего лишь побеседовать с официантом, больше для очистки совести, то теперь решила навестить мисс Спарк. Соседка могла что-то заметить во время обеда. Что-то такое, о чем не захотела рассказывать в полиции. Что поделать – версия о естественной смерти устраивала полицию, и больше всех – саму Дороти. Накануне юбилея ее колледжа директорисе ни к чему были слухи и неприятные сенсации.

Каспер, лениво развалившийся в тени, на самом деле зорко следил за входом и, как только Анна появилась в дверях, немедленно вскочил на все четыре лапы, выражая готовность не отставать от нее ни на шаг. Анна вздохнула, покачала головой и двинулась вдоль по улице, стараясь идти помедленнее, чтобы кот не слишком уставал.

Глава 32

Запах фиолетовых цветов стал как будто еще гуще. Любуясь цветущими ирисами и фиалками, Анна прошла по дорожке и остановилась на выкрашенном свежей белой краской крылечке под резным козырьком. На вежливый стук бронзового дверного молоточка никто не ответил. Анна сразу заметила, что дверь в дом не заперта. Это ее не удивило – в Дэнверсе совершенно не опасались случайных грабителей, многие держали входные двери незапертыми в течение всего дня. Анна постучала еще раз и, решив, что формальности ею соблюдены, вошла внутрь.

– Дороти! Где вы? – громко позвала она.

Хозяйка не ответила. Анна пожалала плечами и несмело двинулась через прихожую в гостиную, откуда неслась негромкая музыка. В воздухе витал запах легких духов, тонкий и изысканный. А может быть, это пахли стоящие в вазе ирисы. Гостиная выглядела очень уютной. Мягкий голубой диван с горой шелковых подушечек, обтянутые таким же голубым шелком стулья, расставленные вдоль стены, на полу – голубой ковер с толстым шелковистым ворсом. Обувь по старой российской привычке Анна сняла еще в прихожей, и теперь ее босые ноги наслаждались мягким прикосновением ковра. Стены были увешаны пастелью в белых простых рамках. На них снова были цветы, те же фиалки, сирень, ирисы и анютины глазки, разумеется, фиолетовые, с трогательными ярко-желтыми тычинками.

Анне нравилась не только гостиная, нравился весь дом. Если бы она решила когда-нибудь поселиться в коттедже, то хотела бы, чтобы он был именно таким. Увы, она прекрасно понимала, что вся эта простота стоит огромных денег, которых ей никогда не скопить.

Но куда же все-таки подевалась хозяйка? Анна позвала ее еще несколько раз, но та все не откликнулась. Это немного обеспокоило Анну. Она стояла посреди гостиной в нерешительности, раздумывая, уйти или остаться? Каспер, просочившийся в дом следом за ней, настороженно принюхивался. Он выглядел испуганным – плотно прижатые уши, напряженная походка; казалось, кот ожидает чего-то неприятного. Хотя, возможно, на него так действовала незнакомая обстановка и сильный цветочный аромат, непривычный для чувствительного носа животного.

Уйти Анне мешало беспокойство за Дороти. Она вовсе не считала себя самой умной и вполне допускала, что не только ей могла прийти в голову

идея о том, что Дороти заметила что-то необычное на банкете. А значит, она была в опасности. Поэтому, когда Анне послышался слабый шорох, донесшийся из глубины дома, она решительно направилась туда, открыв первую попавшуюся на пути дверь. Это была спальня. Поначалу Анна смутилась, очутившись в столь интимной части дома, и попятилась, но тут заметила стоящую на туалетном столике фотографию мисс Спарк и задержала на ней взгляд. Женщина на снимке выглядела моложе и красивее, чем в жизни. Похоже, портрет был сделан профессиональным фотографом: каждая черточка на лице была словно прорисована тонкой кистью. Особенно глаза. Глаза? Анна даже зажмурилась, пораженная открытием. Она хорошо помнила приветливый взгляд светло-карих глаз директрисы, но на снимке один зрачок был совсем иного цвета – он был зеленым, как майская трава. Вот оно что! У Дороти разноцветные глаза! Открытие скорее удивило, чем насторожило девушку. Она поставила себя на место Дороти и поняла, что, имея она такой дефект, точно так же попыталась бы скрыть его от окружающих. Впрочем, совершенно необязательно, что Дороти это скрывала. Просто пользовалась цветными линзами в эстетических целях, а может, и не только в эстетических – Анна понятия не имела, какое у нее зрение. Если плохое, то Дороти убивала двух зайцев – избавлялась от очков, которые ненавидят все женщины, и получала возможность иметь тот цвет глаз, какой ей хотелось.

После спальни Анна заглянула в кабинет и комнату, похожую на библиотеку, уставленную книгами от пола до потолка, но, не обнаружив хозяйку и там, не стала задерживаться. Последняя дверь по коридору вела в кухню, которая выходила на задний двор, точнее – в огород, разглядеть который целиком мешали заросли сирени, заслоняющие окна. Стеклопанельная дверь была распахнута, и Анна видела несколько ухоженных грядок с петрушкой и укропом. Они были политы и тщательно прополоты. Анна улыбнулась, представив элегантную директрису, занимающуюся прополкой грядок. Оглядевшись, она поняла, что хозяйка где-то рядом. Под белой крахмальной скатертью стол был накрыт к завтраку, к которому, судя по всему, еще не приступали. Горячий кофе еще дымился. На серебряном подносе стояли кувшинчик со сливками, джем и сахар. В плетеной корзиночке горкой высились свежеподжаренные тосты. В фарфоровой масленке лежал аккуратный кусочек масла – он еще не успел растаять, а, значит, его только что вынули из холодильника. «Поздновато завтракает хозяйка», – подумала Анна. Она и сама отличалась дурной привычкой приступать к еде не раньше полудня, хотя вставала в семь. Утром она была в состоянии впихнуть в себя только кофе, аппетит пробуждался гораздо

позже.

Рассеянный взгляд девушки скользил по столу, пока не замер в одной точке, сосредоточившись на блестящем предмете. В глазах ее заметалась тревога, сердце застучало где-то в висках. Точно замороженная, она протянула руку, словно желая убедиться, что ей не привиделся этот изящный серебряный ножик с букетиком лилий на ручке. Она была так обескуражена находкой, что не заметила черную извивающуюся ленту, медленно вползающую в комнату через дверь, прямо за спиной Анны. Но девушка услышала слабое шипение, похожее на тихий свист, и обернулась, невольно отпрянув. Блестящая иссиня-черная змея с напоминающим рог выростом на верхней челюсти собрала пружинистое тело, готовясь к прыжку. Анна застыла, понимая, что убежать она уже не успеет. Надо было взять себя в руки, преодолеть ужас, искать путь к спасению. Но она не сводила взгляда со змеи, которая пока еще медлила перед смертельным броском, однако могла наброситься в любую минуту. Змея приподняла голову и снова зашипела. Девушке почему-то показалось, что тварь изучает ее неподвижными желтыми глазами, присматривается и наслаждается ее страхом. Анна заметила страшную припухлость на челюсти маленькой отвратительной головки – мешочек, до отказа наполненный смертельным ядом. И девушку заколотила дрожь от сознания неизбежной и нелепой гибели.

Когда гадюка молнией мелькнула в воздухе, ей навстречу метнулась черная тень. Тело змеи упругой дугой изогнулось в сторону, ее хвост скользнул по бедру Анны, но увернуться змея не успела – Каспер молниеносно откусил ей голову. Извивающееся тело упало на пол, судорожно двигаясь и свиваясь в тугие кольца предсмертной агонии. Анна с визгом отпрыгнула, когда холодная тварь, уже безвредная, случайно коснулась ее босой ноги. Каспер, мурлыча, потерял об ее ноги, энергичными движениями задних лап отпихивая змею подальше. Наклонившись, Анна подхватила кота на руки, а он посмотрел на нее ласковыми, немного сонными глазами, потом зажмурился и принялся с упоением мурлыкать.

– Как это ловко у тебя получилось! Ты понимаешь, что спас мне жизнь, мохнатый охотник? – прошептала Анна, раздумывая, как ей перешагнуть все еще извивающееся черное тело, чтобы добраться до выхода. У нее вдруг отпало всякое желание общаться с кем бы то ни было, по крайней мере, сейчас, и хотелось только одного – бежать отсюда.

Ее остановил визг и звон разбитого стекла. Поглощенная видом змеи, Анна выпустила из виду дверь, ведущую в сад. Сейчас на пороге стояла

побледневшая от ужаса Дороти, а у ног ее валялась вдребезги разбитая стеклянная чаша. Острые осколки перемешались с красными ягодами клубники, превратив их в кашу. Каспер зашипел, спрыгнул на пол и юркнул в коридор.

– Господи, Анечка, что здесь произошло? – причитала Дороти, опасливо обходя скользкое змеиное тело. – Неужели эта гадина напала на вас? Какой ужас!

– Все обошлось. Мой кот неожиданно проявил чудеса героизма, – успокоила ее Анна. – Не понимаю, как здесь оказалась гадюка?

– Увы, это случается не так уж редко, – с сожалением сказала Дороти. – Издержки сельской местности. Лес совсем рядом, и эти твари время от времени норовят забраться в дом. Надеюсь, с вами все в порядке?

– Да. Каспер прикончил ее в последний момент, иначе, боюсь, у вас в кухне оказался бы не змеиный труп, а мой собственный, – попыталась отшутиться девушка.

– Какие глупости вы говорите, – замахала руками Дороти. – Мне так неловко, что это случилось в моем доме. Хотя, хорошо, что ваш кот оказался таким проворным. Мне бы стоило завести такого же.

– Да я и сама от него не ожидала такой прыти! Он совсем домашний и очень ленивый. Кстати, прошу меня простить за вторжение без спроса. Я звала вас...

– Не надо извиняться. Я рада вас видеть, хотите – позавтракаем вместе?

– С удовольствием. Только надо избавиться от этой гадости. Найдется у вас что-нибудь, чем ее можно подцепить? – улыбнулась Аня. Сейчас, когда она немного успокоилась, ее снова занимал серебряный нож, пропавший с банкета и оказавшийся на столе этой весьма уважаемой женщины, к которой Анна испытывала симпатию.

Сообща женщины запихнулидохлую змею в пакет вместе с осколками чаши и безнадежно испорченной клубникой, отправив весь этот винегрет на помойку. Единственное, что они не смогли отыскать, – это змеиную голову. Анна подумала, что ее утащил Каспер в качестве военного трофея, и сказала об этом Дороти. Покончив с неприятной процедурой уборки, Дороти набрала свежих ягод взамен пропавших и налила девушке чашку ароматного кофе, пригласив ее к столу.

Анна изъявила желание намазать уже остывший тост маслом и, взяв в руки нож, сделала вид, что восхищена изящным изделием.

– Какая прелесть! – воскликнула она, вертя ножик перед глазами и умудряясь одновременно следить за выражением лица Дороти. Она была

разочарована, так как на лице женщины не отразилось ничего, кроме удовольствия от похвалы.

– Вам нравится? – польщенно спросила она.

– Конечно! Никогда не видела ничего подобного. Это, наверное, антикварная вещица? – забросила удочку Аня.

– У вас хороший глаз. Это и в самом деле девятнадцатый век. Не слишком солидный возраст, но вещь действительно уникальна. Она из набора, сделанного на заказ для одной весьма знатной особы.

«Что это? – подумала Анна обескураженно, изображая интерес и не забывая кивать головой в нужных местах. – Невероятная наглость или...»

– Я должна вам кое-что показать! – немного возбужденно проговорила Дороти, поспешно поднимаясь со своего места и быстро направляясь к подвесному шкафчику. Анна с опаской следила за ее действиями. Ее удивляло, что Дороти и не думала смущаться, напротив, хвасталась краденой вещью с непосредственностью ребенка. Конечно, она не могла знать, что Анне известно об этой краже, но все-таки ей не мешало бы вести себя поосторожнее.

Когда женщина повернулась, Анна ожидала увидеть в ее руках что угодно, но только не знакомую бархатную коробочку с затейливым вензелем на крышке.

– Каре? – удивленно пробормотала она.

– О, вам знаком этот набор? Поздравляю!

– Спасибо. Правда, я полагала, что он единственный.

– А вот и нет. Они парные. Та знатная особа заказала два набора, чтобы в случае утери можно было заменить предмет. Вы представить себе не можете, сколько сил и нервов я потратила, чтобы отыскать этот набор! Первый уплыл от меня в самую последнюю минуту. Его перекупил на аукционе ресторан. Пришлось ждать еще целых два года, чтобы найти второй экземпляр. Но я это сделала!

Дороти явно гордилась собой и своим приобретением, а вот Анна окончательно запуталась, и у нее осталась последняя надежда разобраться со своими подозрениями.

– Можно посмотреть? – попросила она, протягивая руку к коробке из темно-синего бархата.

– Конечно! – Дороти с готовностью открыла крышку. Анна впиалась взглядом в ровные ряды лежащих бочком приборов. В самом конце ровного ряда зияло пустое место.

– Не могу удержаться, пользуюсь этими приборами, хотя не стоит этого делать, – пояснила Дороти, указывая глазами на нож, лежащий

посреди стола, тот самый, которого не доставало в наборе...

Что ж, этот вопрос обрел объяснение, хотя ясности не прибавилось. Было по-прежнему непонятно: кто и почему украл один из четырех ножей, лежащих на столике профессора Хаскинса?

– Дороти, мне очень неловко, но я должна вас кое о чем спросить, – осторожно начала Анна.

– Разумеется. Ведь за этим вы и пришли, не правда ли?

– Да. Дело в том, что я услышала, будто вы были последней, кто разговаривал с профессором Хаскинсом перед его смертью...

– Вот как? Что ж, это не тайна, – пожала плечами Дороти. – Я была последней, но далеко не единственной. Хотя сидели мы действительно рядом и весь вечер очень мило беседовали. Меня, кстати, уже спрашивала об этом полиция.

– Не сомневаюсь, – вздохнула Анна.

– А что вас смущает, Анечка? Спрашивайте, не стесняйтесь. Я же вижу, что вы как-то не в себе.

Анна решила, что если не расскажет правду, то ничего не добьется. А оставаться ни с чем в своих поисках ей порядком надоело. И она рассказала о своих подозрениях, касающихся смерти профессора.

– Так вы думаете, что его отравили? – переспросила Дороти, задумчиво вертя в руках серебряный ножичек. – Но зачем? Он был совершенно безобидным старым чудаком.

– И все же у него могли быть враги, – уклончиво ответила Аня.

– Вы намекаете на его молодую жену?

– Ее там не было, а вы были. Неужели в тот день не случилось ничего необычного?

– Конечно, случилось: профессор умер. Это ведь необычно, правда? – горько усмехнулась женщина. – А если говорить о том, что имеете в виду вы, то должна вас разочаровать – никто на моих глазах не подсыпал мышьяк ему в тарелку.

Анна чувствовала себя крайне глупо, но не хотела сдаваться.

– Неужели вы ни разу не выходили из зала? – спросила она.

– Ах вот вы о чем, – нахмурилась Дороти. – В самом деле. Я об этом как-то не подумала... Конечно, выходила, но... Это странно...

– Вы уже не так уверены, правда?

– Что толку от моей уверенности? При вскрытии не обнаружили никакого яда, значит, наш с вами разговор – всего лишь досужая болтовня двух сплетниц.

– Не совсем. Вскрытие проводилось только на следующее утро.

Существуют яды, которые рассасываются без следа за несколько часов, разве вы не знали?

По лицу мисс Спарк пробежало легкое облачко. Она взглянула на Анну с интересом и задумчиво сказала:

– У вас очень острый ум, Анечка. Настолько острый, что вы сами можете порезаться. Я беспокоюсь за вас. Вы стремитесь докопаться до истины, хотя даже не уверены, что она там есть, а это опасно, поверьте мне.

Слова директрисы прозвучали искренне, но Ане почудилось в них скрытое предупреждение. Похоже, женщина знала о чем-то, о чем не желала говорить. Знала гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд. Тем не менее Анна отчетливо понимала, что вытянуть из нее правду не удастся – не в этот раз, по крайней мере. Она поспешно стала прощаться, извинившись и поблагодарив за завтрак еще раз. Оглянувшись во дворе, она увидела стройную фигуру в дверном проеме, провожающую ее задумчивым взглядом светло-карих глаз – даже дома Дороти носила цветные линзы. Спеша поскорее уйти, Анна не заметила, что Каспер на сей раз не последовал за ней.

Глава 33

Обстановка в доме Нурии напоминала небо перед самой грозой. Свинцовую тяжесть напряженного молчания в любую минуту могли расколоть молнии взаимных обвинений. Кого и в чем, Анна разобрала не сразу, так как действующих лиц на кухне было трое: две женщины и мужчина – нет-нет, не Макс. За столом, уткнувшись носом в какие-то бумаги, сидел Вангелис. Нурия делала вид, что занята приготовлением обеда, но даже масло на сковороде, казалось, шкварчало с раздражением. Лелька смирно сидела рядом с парнем, выражая неподдельную заинтересованность в том, чем он был занят.

– Что на этот раз? – спросила Анна, с порога оценив, что военные действия в полном разгаре. Она подумала, что Нурия сердится на присутствие Вангелиса, но ошиблась.

С тех пор как Анна приехала в Дэнверс, безупречная интуиция частенько подводила ее, и она постоянно делала ошибки. Все оказалось гораздо хуже. Нурия швырнула полотенце на стол и резко обернулась, сверля глазами дочь.

– Ну, что же ты молчишь? Рассказывай! – потребовала она.

– А что такого? – прикинулась невинной овечкой девочка.

– Что случилось? – спросила Анна, устало опускаясь на стул. – Говорите быстрее, мне нужно ехать в клинику.

– Можешь не торопиться. Макс уже уехал. Он забрал документы и обещал оформить все, что нужно для выписки. Кроме того, случилось такое, что без тебя нам не обойтись.

– Мама, хватит драматизировать, – возмутилась Леля. – Да, я рассказала все Вангелису. И что? Он почти член нашей семьи, а теперь, когда мы станем богатыми, я могу принять его предложение. Разве не так?

– погоди, Леля. Какое предложение? Какой член семьи?

– Я не член семьи. Я – жених, – спокойно пояснил Вангелис.

– Вы оба – идиоты! – воскликнула, не сдержавшись, Нурия. Анна сделала несколько глубоких вдохов, чтобы взять себя в руки. Вангелис, судя по рассказам Лели, закончил самую дорогую в мире школу-интернат, где на фоне цветущих Альп будущих джентльменов учили оставаться джентльменами в любой ситуации. Анна подобного образования не получила, а именно сейчас оно бы так пригодилось, потому что ей до смерти хотелось наброситься на доставшую ее девчонку с кулаками, стуча

ногами, как базарная торговка. Единственное, что удерживало ее, это нежелание портить репутацию российским женщинам. Неожиданный приступ патриотизма уберег Лельку от серьезных увечий. Анна только выругалась сквозь зубы, надеясь, что Вангелис не настолько силен в русском языке, чтобы разобраться в трехэтажном построении. Нурия слабо охнула и рухнула на стул.

– Анька, ты же никогда...

– Прости, подруга, вырвалось, – улыбнулась Аня и повернулась к Лельке: – Так что ты, мать твою, ему рассказала?

Лелька никогда не видела Анну такой рассерженной и невольно опустила глаза.

– Ну, про подземелье, про клад... – Она замолчала, вжав голову в плечи. Злая, напуганная и в то же время упрямая, она глотала злые слезы. Нурия закрыла глаза, словно поступок девочки причинил ей боль.

– Это еще не все, – тихо проговорила она. Анна и сама уже поняла, в чем дело. Бумаги, лежащие на столе, которые Аня поначалу не разглядела из-за своей близорукости, оказались посланием пастора Барроуса. Рука Вангелиса по-хозяйски лежала на них, словно тяжелая печать. Последние реплики ускользнули от его понимания, так как были произнесены на русском, и теперь он растерянно посматривал на женщин, ожидая, что кто-нибудь объяснит ему, что происходит. Но им было не до него.

– Простите, но, мне кажется, я мог бы быть вам полезен, – негромко сказал парень, обращаясь к Анне. Она скривилась.

– В России, когда кажется, принято креститься, – пробормотала она.

– Простите?

– О какой пользе речь? – спросила Аня, переходя на английский.

– Леля показала мне документы. Они уникальны!

– Да, – кивнула Анна рассеянно.

– Нет, вы не понимаете! Вы сделали ошибку!

– Это точно! – усмехнулась Анна, поворачиваясь к Леле. – Надо было тебя просто связать, моя девочка, и запереть на ключ, – прибавила она на русском. Лелька, нервно улыбнувшись, дернула плечом и бросила с вызовом:

– Вы сами виноваты. Ты, мама, в первую очередь! Это ты твердила, что Вангелис использует меня словно игрушку, потому что он богат. Теперь я тоже стану богатой, и ты не сможешь запретить мне встречаться с ним. Вот поэтому ты и бесишься. И еще потому, что Вангелис оказался умнее вас обеих!

Слова, полные обиды и горечи, звучали невнятно, но больно ранили

Нурию и вызвали возмущение Анны. Вангелис же понимал только то, что Лелька обижена и расстроена, поэтому он накрыл ее руку своей ладонью, как бы желая защитить. Этот жест, одновременно трогательный и смелый, неожиданно произвел на Анну впечатление. Она слегка вскинула брови, взглянув на юношу более внимательно. Он выдержал ее взгляд, что, по правде говоря, удавалось немногим, и она вдруг улыбнулась, на этот раз искренне. И больше не смотрела на Лельку, которая, всхлипывая и продолжая бормотать что-то неразборчивое, уткнулась Вангелису в плечо, ожидая сочувствия. Анну интересовал Вангелис: ее пронзительно-голубые глаза требовательно разглядывали красивое, открытое лицо юноши, и, судя по тому, что лед в них начал таять, ей было по душе то, что она видела.

– О'кей, парень, ты меня убедил, – наконец довольно улыбнулась она, спрятав улыбку в уголках пухлых губ.

– В чем? – спросила Нурия настороженно.

– В своих серьезных намерениях, – хмыкнула Анна. – Знаешь, я понятия не имела, что у миллионеров могут вырасти такие порядочные дети. Хотя миллионеры тоже бывают разные. Так о какой ошибке ты говорил, парень?

– Понимаете, вы все время пользовались только второй частью документа, пренебрегая первой, – с готовностью откликнулся он. – Но ведь очевидно, что обе части представляют собой единое целое!

– Почему? – заинтересованно спросила Аня. Из ее голоса исчезла ирония. Теперь они говорили на равных.

– Вот эта строчка внизу – что-то вроде подписи. Она подтверждает мою правоту: обоими документами можно пользоваться только вместе.

– Но ведь мы же нашли клад! – вмешалась Нурия, которая все еще недоверчиво смотрела на парня и возражала, скорее, из принципа.

– Нашли, – легко согласился Вангелис. – Но только малую часть. Преподобный Барроус зашифровал на пергаменте еще один тайник, в котором хранится нечто куда более ценное, а найденные сокровища – всего лишь приманка!

– Что же может быть ценнее драгоценностей? – снисходительно скривила губки Леля.

– Еще большая драгоценность, – повернулся к девушке Вангелис, примирительно улыбаясь. Он произнес эти слова тоном терпеливого отца, увещающего капризного, но любимого ребенка. Анна улыбнулась краешком губ, поражаясь его мудрости и терпению, но скоро опять стала серьезной.

– Интересное замечание, – сказала она. – А доказать ты его сможешь?

– Конечно. Я даже знаю, в чем ваша ошибка. Вы работали с копией документа и не имели возможности заметить одну деталь. Причем очень важную! Посмотрите еще раз внимательно на подлинник. – Он пододвинул оба листка пергамента к Анне и положил их рядом: сначала молитву, затем – зашифрованный текст.

– Ну-ка поглядим. – Анна склонилась над бумагами, несколько минут внимательно вглядываясь в строчки. Наконец ей бросилось в глаза нечто поразившее ее. – Вот почему он воспользовался стихами в зашифрованном тексте! – воскликнула она восхищенно.

– Количество строк, да? – Радостно кивая, подхватил Вангелис.

– Нурия, мы все непроходимые идиоты! – закричала Анна.

– Говори за себя, пожалуйста, – обиделась подруга.

– Ладно, пускай я идиотка. – Анна, восхищенная открытием, готова была согласиться на что угодно. – В документе номер один ровно столько же строк, сколько и во втором! Понимаешь? Это подсказка. Барроус дает понять, что каждая строка из первого текста перекликается со строкой под тем же номером из второго. Который же из них ключ? – Она с надеждой взглянула на Вангелиса, будто ожидала подсказки.

– Мне кажется – второй, который в стихах. Там содержится большое количество чисел, которые могут составлять ключ к шифру.

– Верно. Но что он зашифровал? Буквы? Слова?

– Думаю – слова. Это наиболее очевидно. Строчки длинные, около шестидесяти знаков, а числа в ключе – в пределах десятка. Если бы речь шла о буквах, то он придумал бы текст молитвы покороче или использовал бы более крупные числа в ключе-стихотворении.

– Что ж, логичная версия, – согласилась Анна, – тем более что другой у меня на данный момент просто нет. Попробуем? – Она подмигнула юноше, и он расцвел улыбкой, польщенный заслуженной похвалой.

– А вдруг ничего не получится? – Леля ревниво следила за этим обменом любезностями. Налаживающийся контакт между Анной и Вангелисом явно не приводил ее в восторг.

– Тогда придумаем что-нибудь еще! – заверила ее Анна.

Они с Вангелисом взяли себе по листку и начали читать по очереди. Нурие поручили записывать на листке отдельные слова, которые удастся выделить из текста молитвы, используя ключ.

Анне досталась первая часть документа, поэтому начал Вангелис:

– «Начало есть конец, конец всему начало», – с выражением продекламировал он.

– «Встань, Господь, услышь голос раба твоего, посреди Вороньего...»

– откликнулась Анна. – Здесь строчка обрывается. И что получается?

– Мне кажется, что надо взять первое и последнее слово, начало и конец, – сказал Вангелис.

– А мне кажется, что два последних и первое, – возразила Аня. – Здесь, перед словом «посреди», запятая явно не к месту. Других ошибок в тексте нет, так что он, я думаю, поставил запятую специально. Так что пиши, Нурия: «Встань», «посреди», «Вороньего»... Мамочка!

– Это тоже писать? – деловито осведомилась Нурия.

– Что? Нет! Это я от радости. Получается, вы чувствуете? Встань посреди Вороньего...

– Я предлагаю до конца расшифровки не читать полный текст, чтобы не отвлекаться. Вы согласны? – предложил Вангелис. Никто не возражал. – Тогда я продолжаю: «И все ж начни, пожалуй, с шести часов утра».

– «...клекота нечестивцев, осквернивших леса и поля благословенной земли...» – подхватила Аня. – Шестое слово – «холма».

– «Прыжок один, потом, подряд четыре шага».

– У меня: «Услышь в тот час, когда я готов исполнить твою волю и скрыть». Раз прыжок, то первое слово надо пропустить, перепрыгнуть. Нурия, записывай второе, третье, четвертое и пятое слово.

– «Теперь придумать новую нам заповедь пора».

– Это мне непонятно, – задумчиво проговорила Анна. – Что он имеет в виду? Эх, жаль, что я не помню эти десять заповедей!

– А это и не нужно, – успокоил Вангелис. – Он же советует придумать новую, то есть – одиннадцатую! – Гениально! Так, четвертая строка: «... великую тайну в паутине слов до тех пор, пока не придет время...»

Она читала, а Нурия, старательно загибала пальцы, беззвучно шевеля губами. Когда Анна замолкла, подруга склонилась над своим листком бумаги:

– «Когда увидишь сосны, шагай к шестой ты смело».

– «...Отец наш, царствующий в вечности, первый защитник...»

– «Первый»! – завопила Лелька, включившаяся в игру. – Шестое слово! Мама, пиши!

– «Присядь под ней, подумай ты час, а лучше два».

– Первое и второе слово – «Луч» и «солнце», – кивнула Анна. Нурия послушно записала и это.

– «Как только сил прибудет, тотчас берись за дело», – прочел Вангелис.

– А здесь никаких чисел нет, – разочарованно протянула Леля.

– Правильно. Наверное, он имел в виду, что следующую строку я должна просто пропустить, – предположила Анна. – Что ж, попробуем.

Давай дальше, Вангелис.

– «Но берегись – под деревом всего лишь пустота».

– Пустота! И эту строчку – в утиль! – констатировала Леля.

– «Ты вспомни, как начался, герой, твой третий подвиг».

– «Пусть он проведет меня сквозь мрак...» – зачитала Анна. – Интересно, и что теперь?

– Третий подвиг – это третья строка, – размышлял вслух Вангелис. – Что мы там делали? Ага. Выписали слова со второго по пятое. Значит, и здесь то же самое.

– А вот и нет, – неожиданно не согласилась Леля. – Он говорит не о третьем подвиге, а о его начале! Мне кажется, что нужно брать только второе слово. – Сказав это, Леля с надеждой посмотрела на Анну.

– Молодец, Лелька! Ты совершенно права. Выписываем второе слово. Нурия?

– Да я уже давно записала.

– О, мое любимое, про яблоко! – хихикнула Лелька, взглянув на строчку, которую готовился читать Вангелис.

– «Гнилое сердце яблока отбрось, а плод – возьми».

– «...укажет путь к истине – самому бесценному сокровищу», – откликнулась Анна. – Ну что же. Истина – это, конечно, сокровище, но именно это слово и придется отбросить, оно стоит в самой середине строчки. Остальное записываем. Вот вам и яблоко на завтрак, – усмехнулась она.

– «Вторую половину себе оставь, но помни»...

– «...Которое откроется только посвященному...» Так, делим это дело пополам и записываем два последних слова.

– «У торопыг впустую летят, как стрелы, дни». Опять пустышка, – вздохнул Вангелис и сразу перешел к следующей строке:

– «Теперь припомни заповедь шестую и девятую».

– Я их так и не вспомнила, но шестое и девятое слово мы выпишем. Читаю: «...Завтра, на закате, я приму смерть. Участь, что ожидает...»

Раздалось шуршание ручки по бумаге. От усердия Нурия, как в детстве, прикусила кончик языка.

– Так, в следующей строке он советует нам передохнуть. Пропускаем, – пробежав глазами нужную строчку, сообщил Вангелис. – А вот дальше: «Путь долог, но в конце пути ждут две звезды закатные».

– Два последних слова в строке: «...Каждого из своих детей он встретит улыбкой у порога».

– «Но лишь в святой четверг об этом не забудь».

– Анна, скорей прочитай нам нужную строчку, нам нужно четвертое слово! – сгорая от нетерпения, потребовала Лелька.

– Пожалуйста: «...вечности. Но лишь истинный верующий, почитающий Бога и святой...»

– Мама, пиши слово «истинный»!

– Сама знаю.

– «У самого порога постой, спешить уж некуда». Пустышка?

– Не уверена. «У порога» может означать первое слово. На всякий случай запишем слово «крест», оно первое в следующей строке. Дальше идет «...и дарует бессмертие на небесах...» – коротко и ясно.

– Этому соответствует: «Ты в двух шагах от истины, но ложен первый шаг». То есть – второе слово и третье. Союз «и» отбрасываем.

– Отлично, продолжаем: «Молитесь во избавление от проклятия, что несет черный ангел...»

– Инструкция гласит: «Как перед Пасхой святой идет страстная среда».

– Какая-то невнятная инструкция, – наморщила лоб Лелька. – Я лично ничего не поняла. А вы?

– Черт, что бы это значило? – задумалась Анна.

– А по-моему, ничего сложного, – откликнулся Вангелис. – Среда – это третье слово, а Пасха – седьмое.

– Почему это? – насупилась Леля.

– Так ведь Пасха всегда приходится на воскресенье – это седьмой день недели.

Анна и Нурия переглянулись.

– Да, подружка, мало мы с тобой в детстве в церковь ходили, – протянула Нурия насмешливо.

– Так ты ж мусульманка! – рассмеялась Анна. – А для меня действительно позор! Ладно. Записала третье и седьмое?

– Естественно.

– «И первый и второй ларец пусты, лишь в третьем – клад», – прочел Вангелис.

– Ну надо же, какое совпадение, – проворчала Анна. – Вот почему мы едва не ошиблись там, в подземелье. Клад был в одном из трех ларцов, но не в третьем. Это была ловушка!

– Строчку давай! – поторопила Нурия.

– Получите: «Веруйте, святой крест...» – кстати, «крест» – нужное слово – «...защитит вас, когда черный ангел...».

– «Из кучи драгоценностей две верхних только выбери».

– Говорила я вам, что надо забирать все, а вы заладили «две верхних», «две верхних»! – укорила их Лелька.

– Оставь свои претензии на потом, – одернула дочь Нурия. – Ань, что там у тебя?

– У меня просто жуть несусветная, судите сами: «...омытый кровью невинных жертв, взойдет на Черный Трон...»

– Так, ясно. Два первых слова. Господи, какой кошмар, получается «омытый кровью»! – покачала головой Нурия, но слова старательно записала.

– Из последних трех строчек полезна только вторая: «Святой четверг спасет тебя, и звук святого имени». Четвертое слово в двадцать третьей строке.

– «И люди забудут Бога, если это произойдет», – послушно прочла Анна. – Последнее слово – «Бога».

Нурия сделала последнюю запись, и в комнате повисла тишина. Работа была закончена, но ни у кого из присутствующих не хватало смелости прочесть полученный текст целиком.

– Читай ты, Лелька, – решила Анна. – Ты у нас самая отчаянная.

– С большим удовольствием! – преувеличенно бодро воскликнула девочка, принимая из рук матери исписанный листок.

Выдержав паузу, Лелька в полной тишине прочла следующее: «Встань посреди Вороньего холма в тот час, когда придет первый луч солнца. Он укажет путь к самому бесценному сокровищу только посвященному. Смерть ожидает у порога. Истинный крест дарует бессмертие. Избавление несет крест, омытый кровью Бога».

Глава 34

Максу досталось больше всех. Не успел он войти в дом, как ему начали в четыре голоса излагать последние новости. Три галдящие женщины – это кошмар, но когда к ним присоединяется еще и уравновешенный юноша, забывший о своей уравновешенности, – это уже полный маразм. Однако Максу удалось ухватить суть беспорядочных воплей, и он принял радикальное решение: ухватил запястье размахивающей руками Лельки и вытащил из ее стиснутых пальцев изрядно помятый листок. Прочитав текст, он присвистнул:

– Вот тебе и молитва преподобного Джорджа Барроуса!..

– Этот пастор был не так прост, как оказалось, – кивнула Анна.

– Да уж, хитрости ему не занимать, – хмыкнула Нурия. – Всех провел святой отец.

– Думаю, он сделал это для того, чтобы предотвратить нечто чудовищное. Ему удалось спрятать некие реликвии, которые помешали ведьмам в 1692 году одержать полную победу, – задумчиво проговорила Анна. – И помогла ему в этом Сара.

– Пошла против своих, что ли? – спросила Леля. – Это предательство, как я понимаю.

Анна посмотрела на нее более пристально, но девочка не отвела взгляд. Тогда Анна сказала:

– Предательство или нет, но она помогала человеку, которого любила. И это стало главной удачей пастора, ибо сама она виртуозно владела колдовством.

– И что из этого следует? – не понял Макс.

– То, что она сумела сохранить тайну в течение трехсот с лишним лет. Если бы на ее месте был простой человек, то ведьмы легко вычислили бы его и завладели секретом. Она одна знала, как избежать этого, и сделала все, что было в ее силах.

– Но теперь что-то изменилось. Ты сама говорила, что готовится нечто страшное, – напомнила Нурия.

– Верно. Этот год дает невероятные возможности для тех, кто знает, как ими воспользоваться. В течение зеркального года возможно повернуть время вспять, вплоть до того, что заставить мертвых восстать из могил и занять место живых. Сами понимаете, что для живых это катастрофа!

– Получается, что выжившие ведьмы или их наследницы собираются

повернуть историю вспять? – высказал Макс предположение, ему самому показавшееся диким.

– А по-моему, все это чушь, – возразил Вангелис. – О чем вы толкуете? Какие ведьмы? Это же легенды и суеверия! Сами подумайте, если эта Сара хранила секрет столько времени, то с какой стати он стал известен ее товаркам?

– Ну, во-первых, триста лет – большой срок, – улыбнулась печально Анна. – Не думаю, что поиски прекращались хоть на минуту, но даже не это самое главное. Профессору Хаскинсу удалось отыскать следы потерянных рубинов, а он был всего лишь ученым. Результаты его поисков стали известны заинтересованным лицам раньше, чем он успел добраться до цели. Ведьмы знали, у кого рубины, но «не видели» их. Думаю, Сара использовала «обманку».

– Что это?

– Это заклинание, делающее тайник недостижимым. Вплоть до того, что можно стоять напротив него и не видеть ровным счетом ничего.

– Но мы же видели эту глиняную кошку! – попробовала возразить Нурия.

– А мы рубинов не искали. Сама глиняная фигурка не могла стать невидимой, но от тех, кто намеревался взять камни, она как бы ускользала. Ну, например, бывало с вами такое: ищете какую-нибудь вещь, обшариваете в доме каждый уголок, а потом оказывается, что она все это время преспокойно лежала на самом видном месте и вы проходили мимо раз сто, не меньше.

– Ага, знаю! – захлопала в ладоши Леля. – Надо еще сказать: «Чертик, чертик, поиграл и назад отдай!»

– Ну вот, Сара в данном случае выступила в роли этого самого «чертика».

– Кстати, насчет рубинов! – спохватился вдруг Макс, засовывая руку в карман джинсов. Он извлек мешочек и легонько потряс им в воздухе. Раздался слабый перестук. – Я позаимствовал их у тебя, Ань, чтобы показать какому-нибудь ювелиру.

– Ты очень рисковал, нося их с собой, – укоризненно покачала головой Анна. – Но это уже неважно, раз все обошлось. Так что он сказал?

– В том-то и дело! Сказал, что это не рубины.

– Вот те раз! – разочарованно протянула Нурия. – Неужели стекло?

– Нет. Не стекло. Это какой-то минерал непонятного состава, но, похоже, он имеет органическое происхождение. Правда, специалист добавил, что определить это еще сто лет назад было бы невозможно из-за

отсутствия нужной техники, так что неудивительно, что камни принимали за рубины. Чисто визуально отличить их от натуральных невозможно! И еще одно. Ювелир долго извинялся, но потом, заикаясь, сообщил, что камни вроде как живые. Чушь какая-то, правда?

– Не знаю, – честно призналась Анна. – Нам придется пройти весь путь до конца и выяснить, что скрывается во втором тайнике. Тогда, возможно, мы узнаем и секрет происхождения «рубинов».

– Предлагаю всем сейчас пойти отдохнуть, так как на Вороний холм придется отправляться затемно, – сказал Макс.

– Неужели мы там что-нибудь найдем? Еще один клад? – обводя всех блестящими от возбуждения глазами спросила Лелька.

– Все возможно, – кивнула Анна. – Хотя там может оказаться совсем не то, что мы думаем.

* * *

Вороний холм находился в стороне от города и, несмотря на то, что когда-то мимо него проходила хорошо наезженная дорога, следы которой еще были видны, местные старались ей не пользоваться. Скалы, обступившие с трех сторон Вороний холм, в предрассветной дымке напоминали столпившихся монашек, возможно, из-за того, что заснеженные вершины здорово смахивали на остроконечные чепчики святых сестер, а темная поверхность гор – бесформенные власяницы. Неровная узкая тропинка, извиваясь в колючих зарослях ежевики, привела путников на вершину холма, к самому подножию полуразвалившейся каменной стены непонятного назначения, будто прилепленной к скале. Никто из них, даже всезнающий Вангелис, не смог припомнить, откуда взялись эти развалины, но юноша был настроен весьма скептически:

– Мне кажется, наш, с позволения сказать, эксперимент, может закончиться весьма плачевно, – задумчиво потирая переносицу, заявил он.

– Типун тебе на язык, – живо откликнулась Лелька. – С чего ты взял?

– Простой расчет. За столько лет рельеф местности мог измениться, и луч солнца вполне может упасть на другое место, – охотно объяснил парень свою точку зрения.

– Фу, какой ты занудный, – разочарованно протянула девочка. – Мне начинает казаться, что мама была права...

Вангелис растерянно захлопал длинными ресницами.

– Не бери в голову. Она просто прикалывается, – ободряюще хлопнул

его по плечу Макс. – Девчонки так любят романтику и очень не любят слово «не получится», если ты понимаешь, что я имею в виду.

Анна ухмыльнулась, уловив в тоне, которым были произнесены эти слова, скрытый смысл, но быстро спрятала улыбку.

По мере того как небо светлело, взгляды, устремленные на восток, становились все пристальнее. Розоватый свет окрасил верхушки зубчатых вершин, покрытых искрящимся снегом, но ни один луч солнца не проникал на вершину Вороньего холма, все еще тонущую в полумраке. Возбуждение нарастало, все неотрывно таращились на скалы в ожидании чуда. И чудо произошло, когда они уже почти потеряли надежду. Похожий на золотую небесную стрелу солнечный луч внезапно вспыхнул среди зубцов, ослепив устремленные на него глаза.

– Вот он! – завопила Лелька и запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

– А вот и место, куда он указывает, – протянула Анна, причем в голосе ее не слышалось восторга. Ее друзья едва успели обернуться, чтобы заметить ярко освещенный выступ скалы прямо над развалинами Вороньего холма. Луч погас в ту же секунду, как будто огорчился растерянному выражению, возникшему на всех без исключения лицах. Теперь они точно знали место, но добраться до него было практически невозможно – оно располагалось не так уж и высоко, где-то на высоте двухэтажного дома, но скала внизу оказалась совершенно гладкой на первый взгляд. Единственная зацепка – острый каменный выступ в двух с половиной метрах ниже площадки, на которую упал солнечный луч.

– И что теперь? – первой подала голос Нурия.

– Как что? Полезем наверх, – преувеличенно бодро ответил Макс и сразу же закашлялся.

– Нет уж, увольте. Это же невозможно. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти не полезет туда, если, конечно, не мечтает сломать себе шею, – испуганно проговорила Лелька. – Что-то я плохо представляю себе пастора, который карабкается по этой гранитной стене. Он же не человек-паук!

– Да ерунда, – отмахнулся Макс. – Достаточно веревки и немного ловкости. А потом я подтяну остальных.

– Ты что, собираешься лезть на эту скалу? – не поверила Анна.

– Ну, если уж священник смог, то и мне такое под силу, – привел Макс контраргумент.

– Не думаю, что Барроус пользовался именно этим способом. Башня расположена здесь не зря. Не знаю, какова была ее высота, но догадываюсь, что достаточная для того, чтобы попасть на площадку без особых хлопот.

Сейчас, когда она разрушена, боюсь, это невозможно.

– Глупости. Раз плюнуть. Неужели ты не видишь там мелкие трещины? – продолжал настаивать Макс.

Анна никаких трещин не видела, пришлось поверить Макс на слово, чтобы не признаваться прилюдно в своей близорукости.

Тот между тем достал веревку, ловко соорудил на конце некое подобие лассо и, раскрутив его над головой, прицельно бросил в сторону выступа. Петля послушно затянулась на выступе, Макс подергал ее, убедившись, что держится крепко, и, довольный первым успехом, обернулся к молчащей компании:

– Вы только не бойтесь. Это действительно безопасно, – подмигнул он. А когда снова повернулся ко всем спиной, улыбка исчезла с его лица, оно стало напряженным и сосредоточенным. Вытянув руки, он ухватился за веревку покрепче, подтянулся и, резким движением бросив тело в сторону, уперся в скалу ногами, а затем медленно стал подниматься вверх. Способ был исключительно неудобным и опасным, так как на самом деле скала была гладкой, словно зеркало. Тренированное тело Макса ныло от напряжения. У Анны, не отрывающей от него глаз, сжималось сердце. Она понимала: достаточно одного неловкого движения – и Макс сорвется вниз.

Самое трудное ожидало его возле выступа, на который была заброшена веревка. Чтобы оказаться на площадке, Макс была необходима хотя бы незначительная опора, но ее не существовало. Ноги скользили по гладкому камню, руки, которыми он цеплялся за выступ, стали немать под тяжестью тела. Макс понимал, что, если он не рискнет, все его усилия пойдут насмарку. И он решился. По-прежнему держась за выступ руками, он невероятным усилием подбросил тело вверх, сделав то, что в гимнастике называется свечкой, с одним отличием – у гимнаста под снарядом маты, а у Макса – несколько метров пустоты и острые скалы внизу. Он стоял на руках несколько мгновений, мышцы вздулись от напряжения, и равновесие он удерживал, опираясь только на кончики пальцев. Прошло всего несколько секунд, но тем, кто находился внизу, показалось, что это ужасное зрелище длится целую вечность. Наконец Макс, стоявшему параллельно скале вниз головой, удалось нащупать носками край площадки. Зацепившись за этот выступ, он с силой оттолкнулся руками от опоры и... повис в воздухе. Внизу раздался одновременный вздох. Лелька всхлипнула и зажмурилась. Анна закрыла рот ладошкой, сдерживая крик ужаса. Но Макс избежал страшного падения, его тело, повинувшись какому-то непонятному закону, взвилось вверх. Крепкие пальцы впились в край площадки, он еще раз подтянулся и

оказался на самом ее верху.

Тяжело дыша, Макс окинул взглядом площадку, удовлетворенно кивнул и только после этого обернулся к своим зрителям с радостной улыбкой. Вместо аплодисментов на него посыпались самые невероятные ругательства. Но он не сердился. Возмущение одного из членов маленькой экспедиции, который, распекая его, совершенно не выбирал выражений, было для Макса лучшей наградой. Пережитая опасность будоражила кровь, он чувствовал себя победителем. Единственная неприятность – разбитая во время опасного трюка губа, которая кровоточила, так что Максиму было не слишком удобно улыбаться.

Глава 35

Подъем остальных был начисто лишен изящества. Нурию пришлось долго уговаривать, убеждая, что крепкие руки Макса и Вангелиса поднимут ее наверх как пушинку. Поддавшись уговорам, она вцепилась в веревку, которой было обмотано ее тело, и проделала весь путь с закрытыми глазами. Этот поступок был едва ли не большим подвигом, чем акробатический этюд Макса, поэтому наверху ее встретили восторженные вопли членов команды.

Наконец все столпились на площадке, разглядывая квадратное отверстие, ведущее в глубь скалы. Посветив фонариком, они с облегчением обнаружили, что колодец не слишком глубокий; кроме того, в стене оказались такие же скобы, как и в первом тайнике. Макс категорически воспротивился желанию Вангелиса спуститься вниз первым, и это, возможно, спасло жизнь юному наследнику миллионов. Коснувшись ногами дна колодца, Макс сразу же заметил узкий проход, выдолбленный в скале, и шагнул туда, не особенно задумываясь. Его спасла только великолепная реакция, приобретенная за годы жизни в джунглях Мексики. Почувствовав, как пол качнулся под ногами, он отскочил назад прежде, чем успел понять, что происходит. На то место, где он стоял всего секунду назад, обрушился настоящий каменный дождь, и тесное нутро колодца наполнилось пылью. Когда она рассеялась, он увидел, что сразу за порогом в полу открылась глубокая яма в человеческий рост, теперь доверху заполненная острыми осколками скальной породы.

– Однако, – покачала головой Анна, когда, спустившись следом за Максом, обнаружила ловушку.

– Эта западня – лучшее доказательство того, что мы на верном пути, – попытался подбодрить ее Макс.

– Согласна. В тексте говорилось, что смерть у порога. Теперь ясно, что Барроус имел в виду. Вот только меня заботит, сколько еще порогов нам предстоит пройти?

– Не волнуйся! За триста лет человечество не стало глупее.

– Хотелось бы верить, – кивнула Анна.

В подземном коридоре с низкими сводами, уходящем в глубь скалы, было тепло и влажно. Через некоторое время стало ясно, что человек для своих целей всего лишь воспользовался естественными подземными галереями. Метров через сто они оказались в пещере, которую Лелька сразу

же окрестила Чистилищем: несколько выбитых в полу ступенек вели вниз, к круглому, кипящему пузырями озеру. В его густых испарениях они казались друг другу не живыми людьми, а какими-то бесплотными тенями.

– Не хватает только таблички с надписью «Ад», – мрачно сострил Вангелис.

– Возможно, именно туда нам и надо, – раздался в ответ слегка охрипший от сырости голос его возлюбленной.

– Стойте, – предупредил Макс, – мне не нравятся эти ступени.

– Чем это, интересно знать? – поинтересовалась Лелька.

– Зачем они здесь? Для красоты? Это похоже на порог, вспомните предупреждение Барроуса.

Лелька и остальные притихли, дожидаясь, пока Макс тщательно простукивал ступеньки небольшим ломиком. Стук по одной из них звучал несколько иначе. Макс, недолго думая, с силой ударил по ней ногой. Обломки посыпались вниз, в темноту, ударяясь о стены и открывая бездонную пропасть...

Пришлось обойти озеро дважды, прежде чем в густой пелене влажных испарений они обнаружили еще один проход. Анна уже приготовилась сделать первый шаг, но Макс ухватил ее за край куртки и дернул в сторону. Раздался скрип проржавевшего металла – Аня все же успела привести в действие механизм легким прикосновением ноги. Что-то тяжелое просвистело сверху вниз мимо входа, с лязгом обрушившись на каменный пол. Выждав немного, Макс осторожно просунул голову внутрь, подсвечивая себе фонариком.

– Ни фиги себе подарочек, – присвистнул он.

На полу лежала тяжелая решетка, унизанная острыми копьями, вонзившимися в землю. Триста лет назад они пронзили бы человека насквозь, а теперь запросто переломали бы ему кости одной только своей тяжестью.

После второй ловушки они стали еще более осторожными, и, как оказалось, не зря. Когда путь привел их к следующему гроту, Макс, прежде чем переступить порог, бросил впереди себя крупный камень, подобранный тут же. Если бы на месте камня был человек, то свалившийся сверху огромный меч, отсек бы ему голову.

Зрелище, открывшееся глазам путников, выглядело настолько фантастическим, что о мече сразу же забыли. С потолка, подсвеченные неведомым источником света, свисали тонкие золотистые нити, похожие на золотой ливень, навеки застывший по приказу царя Мидаса. Это были миллионы сталактитов диаметром в несколько миллиметров и около трех

метров в длину. Сверкающие иглы целились в выложенный изумрудными плитами пол и выглядели такими хрупкими, что казалось, вот-вот обрушатся. Небольшая группа напуганных и восхищенных людей опасливо ступила на мраморные плиты, покрытые толстым слоем пыли.

Нога человека не ступала здесь на протяжении нескольких веков. Только непонятные извилистые линии на пыльном полу, словно кто-то воздушный, балуясь, рисовал палочкой волнистые узоры. В самом центре зала на трех мраморных плитах лежали три простых деревянных креста. Все рассматривали их: Макс с любопытством, Анна – задумчиво хмуря брови, Нурия – с недоумением, а Лелька – с брезгливым разочарованием.

– Это еще что за рухлядь? Где же, наконец, клад? – возмущенно спрашивала она.

– Он перед нами, – ответила Анна. – Кажется, я знаю, что это.

– Да какая теперь разница? И из-за этих деревяшек мы проделали такой путь?! Не могу поверить!

Лелька подошла к крайнему кресту и раздраженно пнула его ногой. Посыпалась труха – дерево было очень старым.

– Лелька, не смей! – прикрикнула мать.

– Да ради бога, – передернула плечами девочка и отошла в сторону с рассерженным видом. Она остановилась возле стены, поглаживая запястье, прикрытое длинным рукавом светлой кофточки. По ее лицу блуждала таинственная улыбка. Занятые изучением находки, остальные не обращали на нее внимания. Поэтому никто не заметил, как девочка негромко ойкнула, будто обо что-то укололась. Тонкая золотая нить, похожая на свисающий сверху сталактит, соскользнула с руки и исчезла в пыли у ее ног. Потирая запястье, девочка торопливо опустила на корточки, шаря в пыли и приговаривая:

– Ну где же он? Куда подевался?

Удивленная тем, что браслет-змейка, тайком надетый ею на руку, бесследно исчез, она задрала рукав, чтобы посмотреть болезненный след от укола. На светлой коже, чуть пониже ладони, она увидела две маленькие, едва заметные, точки. Вдруг испуг на лице сменился другим выражением, на губах вновь заиграла улыбка, глаза словно подернулись легкой дымкой, и Лелька медленно поднялась на ноги с какой-то новой, томной грацией.

Тем временем Анна, внимательно разглядывая деревянные кресты, говорила:

– Думаю, что мы нашли уникальную реликвию – крест, на котором был распят Иисус, найденный императрицей Еленой.

– Что ты говоришь? – испугалась Нурия. – Их же тут три! Откуда ты

знаешь, что один из них – настоящий.

– От пастора Барроуса, разумеется. Он же говорил об истинном кресте. Полагаю, этот крест перед нами. Но вот который из трех?

Она вкратце рассказала историю, произошедшую в четвертом веке, когда царица Елена, матушка Константина Великого, решила по его желанию отыскать Истинный Крест, на котором умер Иисус. Согласно коптским преданиям, она его нашла, причем обнаружила именно три креста, а не один! В точности как сейчас. Два из них были орудием казни для воров, казненных вместе с Иисусом. Но один был Истинным. Царица Елена разделила реликвию и часть отправила сыну Константину. Тот передал ее папе, и она с тех пор хранится в Ватикане. Стойку Елена захоронила сама...

– Думаю, она здесь, – сказала Анна с уверенностью в голосе.

– Но как мы ее найдем? Кресты выглядят совершенно одинаково! – усомнилась Нурия.

– погоди, надо подумать. Елена использовала один оригинальный способ... – Анна наклонилась, желая прикоснуться к дереву, и в ужасе замерла: в трещине, пересекающей деревянную стойку, мелькнула плоская блестящая голова змеи. Укуса она уже не почувствовала, потому что рухнула на пол без сознания. Макс бросился к тому месту, где скрылась змея, и молниеносно вогнал нож в щель, проткнув гадюку насквозь. К сожалению, он опоздал. Ядовитые зубы уже успели прокусить девушке запястье.

Всех охватила паника. Бледный, как полотно, Макс поднял Анну на руки и перенес подальше от опасного места. Он чувствовал, как вместе с жизнью девушки, стремительно тающей у него на глазах, из него самого уходит желание жить. Перед ним лежала не просто раненая, умирающая девушка – это была Анна, любовь к которой перевернула всю его жизнь. Мысли его внезапно обрели четкость. Исход решали секунды. Змея, укусившая Анну, была смертельно ядовитой, а уж в змеях-то он разбирался. Сделавшимися стальными пальцами он сжал руку девушки с такой силой, что из крошечных дырочек-укусов хлынула кровь. Он припал к ранкам, как изголодавшийся вампир, и стал высасывать из них кровь, пока не почувствовал, что вот-вот захлебнется. Это была победа – Анна вне опасности. Но, спасая ее, он забыл о том, что поранился, забираясь на скалу. Яд мгновенно проник в рану, и Макс почувствовал, как перед глазами завертелась цветная радуга. Кровь, казалось, превратилась в раскаленную лаву и выжигала изнутри вены. В его мозгу, чудилось, свился целый клубок ядовитых змей. Он понял, что умирает, когда ноги его

подогнулись и он рухнул рядом с той, ради которой отдал жизнь. Даже сейчас, зная, что для него все кончено, он об этом не жалел...

Трагедия произошла в течение нескольких минут. В тот миг, когда умер Макс, Анна открыла глаза. Она приподнялась, оглядела мутными глазами друзей и, пытаясь улыбнуться, спросила:

– Что это со мной было?

Ей никто не ответил. И тогда она увидела лежащего рядом Макса. Сначала в ее глазах промелькнуло удивление, потом его сменила тревога и, наконец, их затопил страх.

– Что это? А? – прошептала она, умоляюще глядя на свою подругу, словно ожидала, что найдет способ убедить ее, что недвижимое тело Макса ей просто снится. – Ребята, что с ним?

Нурия всхлипнула и отвернулась. Вангелис закашлялся. Лелька испуганно отшатнулась, увидев искажившееся от горя лицо Анны. Девушка вскочила на ноги, пошатнулась, почувствовав головокружение, и, не удержавшись, рухнула Максиму на грудь. Тут же снова поднялась и стала терзать его, трясти, прикладывая ухо к груди, стараясь расслышать биение сердца, все время шепча, как безумная:

– Нет! Нет! Этого не может быть!

По щекам ее лились слезы.

Внезапно она замерла, озираясь с таким видом, словно не понимала, где находится. Потом пригладила волосы, вытерла глаза и попросила совершенно спокойно:

– Вангелис, помоги.

Тот бросился к ней, готовый исполнить любое ее указание. Она велела ему взять Макса за ноги, сама вцепилась в его куртку и потянула отяжелевшее тело, пятась спиной. Вангелис, ничего не понимая, автоматически последовал за ней.

– Анна, что ты делаешь? – испуганно спросила Нурия, увидев, что Анна намеревается положить Макса на один из крестов.

– Пытаюсь спасти его, – все так же спокойно ответила девушка.

– Анна, но он мертв! – пискнула Лелька.

Анна резко обернулась к ней и сказала ровным голосом:

– Я знаю.

Она все так же деловито уложила друга на крест в позу распятого Христа и отстранилась, как будто любящая свою работу. Никто из друзей не решался ей мешать, пораженный глубиной ее горя. Несколько минут Анна смотрела на Макса, словно ожидая чего-то, потом тряхнула головой и принялась стаскивать его на землю, но только затем, чтобы перетащить на

соседний крест. Вангелис бросился к ней – единственное, чем он мог помочь Анне в этой ситуации. Нурия больше не мешала, понимая, что подруга не успокоится, пока не доведет одной ей понятную операцию до конца. Но третьего раза не потребовалось: Макс вдруг пошевелился. Нурия не верила своим глазам, Анна же, просияв, бросилась к нему и припала ухом к груди.

– Он дышит! – воскликнула девушка, размазывая слезы по щекам, и в этих словах было столько отчаянной радости, что, казалось, они одни могли бы спасти Макса.

– Господи, Анна, ты так кричишь, что и мертвого из гроба поднимешь, – раздался глухой голос Макса. Он удивленно приподнялся на своем неудобном ложе, растерянно глядя на истерично хохочущих друзей. – Я сказал что-то смешное? – поинтересовался он. – Эй, а где это я лежу? Хотя какая разница, компания-то приятная. – Он покосился на Анну и добавил: – Кажется, ты впервые решила разделить со мной постель, хоть и деревянную? Может, продолжим, пока не передумала?

Он попытался притянуть ее к себе, но Анна резко отстранилась.

– Идиот! – рявкнула она, залепив ему пощечину, а потом крепко обхватила за шею и поцеловала.

– Слышал я, что у женщин быстро меняется настроение, но чтобы с такой скоростью?.. – в изумлении прошептал Нурие Вангелис.

– Тебе еще предстоит это узнать на собственном опыте, мой мальчик, – хмыкнула Нурия и похлопала его по плечу.

Анна, вспомнив наконец о том, зачем они все пришли в это место, неохотно оторвалась от губ Макса и сказала, обращаясь ко всем:

– Мы нашли Истинный Крест! – Голос ее звучал торжественно и гулко отдавался под сводами пещеры, сопровождаемый тонким перезвоном золотых сталактитов.

– Анна, но как ты догадалась? – не сдержала любопытства Нурия, впервые став свидетелем самого настоящего чуда.

– Это сделала еще до меня царица Елена. Обнаружив три креста вместо одного, она велела принести мертвое тело и поочередно укладывать его на них. Мертвец ожил, когда его положили на третий крест. – Нам повезло со второй попытки.

– Мы нашли его, и что теперь? – осторожно спросил Вангелис.

– Ничего. Нужно немедленно сообщить о нашей находке в полицию. Как только реликвии попадут в руки общественности, они будут вне опасности. Ведьмы не смогут до них добраться, а без двух крестов они бессильны. Им придется долго ждать повторения зеркального года. Боюсь,

они его так и не дождутся!

Анна улыбнулась, радуясь, что все так замечательно закончилось, но вдруг увидела вытянувшееся лицо Нурии, которая озиралась с беспомощным видом.

– Что?

– Анна, Лелька исчезла! – побелевшими губами вымолвила женщина. Пока все занимались оживлением Макса, дочь Нурии пропала из пещеры и скрылась в неизвестном направлении...

Глава 36

Поначалу они подумали, что Леля ни с того ни с сего решила вернуться обратно. Но, внимательно обследовав пещеру на тот случай, если Лелька задумала поиграть в прятки, они обнаружили дверь. Оставалось только удивляться, как они не заметили ее раньше, хотя из-за сияния золотой бахромы, свисающей с потолка, в глазах рябило, да и общее внимание было приковано в первую очередь к крестам.

Массивная, обитая железом дверь закрывалась на засов. Теперь он был вынут из пазов и стоял прислоненный к стене. На пыльной поверхности толстого деревянного бруса отпечатались две пятерни, а сама дверь была приоткрыта. Ясно, что Леля, обнаружив ее раньше остальных, зачем-то тайком воспользовалась ею. Оставалось только отправиться следом, что они и сделали, сильно встревоженные неожиданным поступком девочки. Каково же было общее удивление, когда, войдя в дверь, все увидели, что оказались в том самом зале, где накануне обнаружили ниши со шкатулками. Именно эту дверь они и пытались открыть, не зная, куда она ведет. Прошлой ночью они оказались в двух шагах от цели, не имея об этом понятия.

Но на этом сюрпризы не кончились, и очередной, к сожалению, тоже не слишком обрадовал: все три ниши были пусты. Если в двух пылились остатки деревянных шкатулок, то третья была абсолютно пуста: шкатулка вместе с драгоценностями исчезла.

Не раздумывая, друзья бросились в погоню по подземелью, надеясь, что им удастся догнать девочку, которая, очевидно, внезапно лишилась рассудка. Они так торопились, что не заметили сдвинутой каменной плиты в правой стене. В образовавшуюся щель из темного проема тянуло холодом.

Анна чувствовала, что события вышли из-под контроля. Дома Лельки не было. Не было ее и у подружек, которых мать первым делом обзвонила. А мысли Анны в эту минуту были целиком сосредоточены на Нике. Прежде чем продолжить поиски, Макс с Анной решили забрать Ника из клиники, чтобы держаться всем вместе. Взяв малыша, они намеревались немедленно отправиться в Бостонскую полицию и рассказать обо всем, что им стало известно. Теперь, когда они обнаружили оба тайника, у них еще оставался шанс, что их не поднимут на смех.

Анну била нервная дрожь всю дорогу до Бостона, и Макс волновался

за нее едва ли не больше, чем за малыша: настолько бледной она выглядела. Оказавшись в клинике, оба бросились в палату к мальчику, отбиваясь от медсестры, которая держа в каждой руке по халату, мчалась за ними по коридору и пыталась что-то сказать. В выходной день служебное отделение клиники пустовало, и скрип резиновых тапочек преследующей их медсестры гулко разносился по коридору. От этого звука у Анны заломило зубы. Она обрадовалась, едва завидев дверь в палату Ника, и распахнула ее, торопясь прижать мальчика к груди.

Макс не отрываясь, смотрел на Анну и вдруг увидел, как она начала сползать по стене. Он едва успел подхватить ее обмякшее тело: палата была пуста. На аккуратно застеленной кровати сиротливо лежал Аннин подарок – голубой медвежонок.

Догнавшая их наконец медсестра принялась успокаивать Анну, растерянно приговаривая:

– Ну что вы, дорогая, ну что вы! С вашим мальчиком все в порядке! Его забрала родная тетя...

– Как вы могли отдать его ей? – завизжала Анна. Макс сжал ее плечи, пытаясь как-то успокоить.

– А что? Ведь она его родственница? Разве не так? Миссис Клэрксон так много сделала для его выздоровления. Вы не вправе осуждать ее, – пролепетала медсестра, пытаясь оправдаться.

– Она сказала, куда повезет ребенка? – спросил Макс сквозь зубы. Волнение Анны передалось и ему. Анна не была истеричкой, и, если она так испугались, значит, на то были причины.

– Нет. Не сказала, – растерялась медсестра, заливаясь краской. Потом спохватилась и сунула руку в карман халата. – Как же я могла забыть! Она оставила вам записку! Вот! – И она протянула сложенный вчетверо листок бумаги. Анна выхватила его, развернула, чуть не порвав, и впилась взглядом в несколько строк, написанных аккуратным ученическим почерком. Прочитав их, она тихо застонала.

* * *

Макс гнал машину, глядя прямо перед собой на дорогу и нарушая все мыслимые правила. О полиции не могло идти и речи. Теперь, когда малыш Ники в руках этих чудовищ, им приходится рассчитывать только на свои силы. Даже не на свои. Макс покосился на Анну. Она сидела неестественно прямо на соседнем сиденье, с закрытыми глазами, ледяные пальцы впились

в голубую шубку медвежонка, словно она хотела почерпнуть силы в этом крошечном комочке искусственного меха. В висках у нее выстукивали три коротких предложения из записки: «В полночь. Музей. Одна».

Весь вечер они просидели на кухне, почти не разговаривая. Анна много курила и молчала. Когда минутная стрелка часов перешла на последнюю четверть, она поднялась. В руках она держала свою сумку, в которой лежали крест и четыре рубина. Так и не произнеся ни единого слова, девушка обвела друзей ласковым взглядом, словно не надеялась увидеть их снова, и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Нурия не выдержала и разрыдалась. Вангелис молча погладил ее по плечу. Макс стоял возле окна, не замечая, как пепел от горящей сигареты, падает ему на брюки.

Анна не торопилась, шагая по темной улице: она знала, что придет вовремя. У ворот музея остановилась и глубоко вздохнула, потом повернулась и посмотрела на мрачно возвышающееся перед ней здание музея. Даже отсюда она видела, как в окнах мелькают тени – сотни, может быть, тысячи теней. До боли в суставах стиснув железные прутья калитки, она уперлась в них лбом, ощущая, как ледяной холод проникает ей в мозг. Губы пересохли и покрылись трещинками, из которых сочилась кровь. Ждать было нельзя, время настало, и она, высоко подняв голову, пошла по дорожке прямо к распахнутым настежь дверям.

Как только она переступила порог, дверь за ней захлопнулась. Анна усмехнулась – старый фокус. Этого слишком мало, чтобы напугать ее, но она знала, что напугаться еще успеет, и двинулась дальше, стараясь не смотреть по сторонам.

Они были там, как она и предполагала: толпились вокруг Черного Трона. Их было много. Анна видела под низко опущенными капюшонами горящие ненавистью глаза, видела протянутые к ней руки с неестественно длинными ногтями, так и норовящие схватить и оцарапать, но почему-то скользящие мимо. Анна сделала еще несколько шагов и остановилась в нише, прямо напротив Трона. Рядом с ним высился деревянный крест, найденный ими в пещере. Разумеется, он был перевернут. Анна не сомневалась, что перед ней – Истинный Крест.

Кольцо кривляющихся вокруг ведьм все сжималось. Она видела лица, которые встречала на улицах города. Некоторые были настолько благообразными, что догадаться о том, кто именно эти женщины, было невозможно, даже обладая богатым воображением. Школьницы, матери семейств, порядочные жены и даже дети. Господи, сколько же их! Но самое страшное было не в этих продавшихся дьяволу горожанках. Позади них

клубились тени. Их было гораздо больше, чем живых. Они были одеты в одежду разных эпох; одни как бы стояли на земле, другие парили в воздухе. Анна с трудом выносила направленные на нее пустые глазницы призраков, из которых струился леденящий душу свет. Обливаясь потом, она до боли стискивала пальцы, чтобы не выдать страх. Выдержать эту пытку ей помогало то, что она отчаянно искала в толпе своего ребенка. И не находила...

Через какое-то время она заметила, что ведьмы зашевелились, расступаясь, чтобы дать кому-то дорогу. Анна безучастно посмотрела в ту сторону, понимая, что сейчас наконец увидит вдохновителя этого дьявольского спектакля. И не удивилась бы, даже увидев самого дьявола. Но лица, которые предстали перед ней, заставили ее отшатнуться.

Одна из двух женщин была Дороти Спарк. Это не произвело на Анну особенного впечатления, что-то в этом роде она и предполагала, снова и снова обдумывая происшедшее в течение последних часов. Но второй... была Лея, и не в роли несчастной жертвы, а королевы бала. На девушке было воздушное, абсолютно прозрачное платье, перехваченное на поясе золотым шнуром. Распущенные золотые волосы струились по плечам и груди. Анна с трудом сдержала стон, увидев пустые и высокомерные глаза девушки, которая смотрела будто сквозь нее, не замечая или не узнавая.

– Рады тебя видеть, – тоном светской дамы произнесла Дороти.

– Где Ник? – резко ответила Анна.

– Ты принесла то, что украла? – спросила Дороти, словно перед этим Анна говорила не с ней, а сама с собой.

– Где мой ребенок? – упрямо повторила она, крепче сжимая сумку.

– Ее ребенок? Самозванка! – прошипела одна из ведьм. Она откинула капюшон, и Анна увидела перекошенное злобой потное лицо миссис Клэрксон, которая зашипела, словно девушка обожгла ее взглядом, и, выставив когти, бросилась на нее, собираясь отобрать сумку силой. Анна не позволила ей даже приблизиться: разъяренная, она слегка расширила глаза, верхняя губа ее дрогнула, обнажая зубы. Старая ведьма споткнулась, словно налетела на стену, и растянулась во весь рост на полу. Остальные, не проявив солидарности, захихикали. Даже Дороти усмехнулась, обнажая острые клыки.

– Не думаю, что тебе это поможет. Ты здорово рискуешь, Анечка.

Анна презрительно скривилась, и Дороти добавила насмешливо:

– Не своей жизнью. Его!

Она отступила на шаг, и Анна увидела Ника, испуганного маленького мальчика, которого тащила по проходу за руку фигура в капюшоне, такого

же роста, как ее ребенок. Ники ринулся было к Анне, но его спутник резко дернул того за руку, свалив мальчика с ног.

– Отпусти его, сволочь! – заорала Анна, срываясь с места. Мощный удар в грудь отбросил ее назад. Девушка ударилась спиной об оконное стекло, посыпались осколки, в комнату ворвался холодный воздух с улицы. Утирая кровь с разбитой губы, Анна подняла глаза и увидела того, кто ее ударил. Это была Леля, оглядывающаяся на Дороти, словно ожидая одобрения своего поступка. Директриса потрепала ее по щеке и протянула другую руку к Анне.

– Крест! Отдай его мне!

– Нет, мне! – раздалось откуда-то сзади. Коротышка в капюшоне, бросив Ника, спешил к ним, быстро перебирая короткими ножками. От излишнего усердия капюшон у него свалился, и Анна, вместо монстра, увидела хорошенькое личико маленькой девочки.

– Кетти! Ваша племянница! – поразилась Анна.

– Заткнись, выскочка! – пропищала девчонка, мерзко усмехаясь. – Да, я Кетти, но не племянница! Я – владычица ведьм! И мне вовсе не семь лет, как ты думаешь, а гораздо больше!

– Дочь салемского кузнеца! – пробормотала Анна, не веря собственным глазам.

– Да. А теперь верни то, что принадлежит мне по праву, падаль холерная! – рявкнуло исчадие ада. – Пора начинать церемонию.

Столпившиеся вокруг ведьмы почтительно зашумели.

Анна поняла, что выбора у нее нет. Не сводя глаз с Ника, она швырнула сумку на пол, к ногам Дороти, надеясь проскочить к мальчику, пока ведьмы будут доставать из нее свое сокровище. Но не тут-то было. Ее сбили с ног прежде, чем она успела сделать шаг. Ники завизжал, видя, как несколько самых злобных ведьм набрасываются на Аню, норовя вцепиться ей в волосы и добраться до глаз. Анна не собиралась так просто сдаваться, но силы были слишком неравными. Измученная и избитая, она все еще пыталась подняться, но все новые удары сыпались на ее голову.

– Хватит, – раздалось повелительное. – Мы не собираемся убивать ее так. Ее казнит новая наследница. Разумеется, после того, как будет коронована. Дороти обернулась к Леле, и та, с достоинством кивнув, смело стала подниматься по ступеням, ведущим к Трону.

– Остановись! – прохрипела Анна, потому что уже увидела то, что сейчас произойдет. Но Леля даже не обернулась. Опираясь на каменные подлокотники, она стала медленно опускаться на Трон.

Все глаза были устремлены на нее, об Ане и Ники на какое-то время

забыли. Мальчик подполз к ней и прижался к ее груди. Он старался казаться сильным, но прикушенные губы предательски дрожали.

– Ники, что бы ни случилось, не бойся. Видишь разбитое окно? Как только почувствуешь, что наступил подходящий момент, – беги. Ты понял?

– А ты?

Анна ласково погладила его по голове:

– Обо мне не беспокойся. Я выкручусь, если буду знать, что ты в безопасности.

– Я все сделаю. Только не дай им себя убить, обещаешь?

– Кишка у них тонка, мое солнышко, – слизывая с губы кровь, усмехнулась Анна, надеясь, что говорит достаточно убедительно.

Глава 37

Аня затолкала мальчика в самый темный угол под выбитым окном и обернулась, чтобы посмотреть, что происходит возле Трона. Лелька уже восседала на нем, по ее губам блуждала улыбка победительницы. Анна знала, что сейчас самое время воспользоваться моментом и сбежать вместе с Ником. Но знала она и то, что Лелька в опасности, и оставить в беде дочь своей лучшей подруги Анна не могла.

Морщась от расползающейся по голове и рукам боли, Аня, преодолевая судороги в ногах, не без усилия распрямилась. Стиснув зубы, она медленно поковыляла к Трону. Ее никто не пытался остановить, главным образом потому, что начался настоящий кошмар – Лелька вдруг истошно завопила.

– Началось! – пробормотала Анна.

По залу пронесся вздох ужаса. Ведьмы шарахнулись в стороны, и Анна увидела извивающуюся на Троне девочку, стиснутую со всех сторон стремительно сжимающимся черным камнем. Она корчилась и извивалась, пытаясь выскользнуть из каменных объятий, но смертельные тиски сжимались все крепче. В тишине отчетливо раздался звук ломающейся кости, похожий на сухой треск разламываемого печенья. Лелька дернула рукой, крича от боли. Она захлебнулась собственным криком: камень уже сдавил ей грудную клетку. В этот момент Анна увидела, как от девушки отделилась белая тень и медленно поплыла в сторону. Тень напоминала женщину, одетую в старинное платье. За ней последовала вторая. Аня узнала призраков из зеркала и чертыхнулась про себя. Теперь, когда души умерших ведьм покинули слабеющее тело девочки, она на какое-то мгновение ощутила себя прежней, земной, и с ужасом озиралась, не понимая, что происходит.

– Мамочка! Помогите кто-нибудь! – хрипел насмерть перепуганный ребенок.

Анна подобралась совсем близко: времени у нее уже не оставалось. Еще немного – и хрупкое тело Лельки будет раздавлено в лепешку. Перед глазами Анны возникло изуродованное тело Керри, она застонала и, словно кошка, прыгнула к подножию Трона. Никто не успел опомниться, как она, ухватив девчонку за здоровую руку, одним рывком выдернула ее из объятий каменного монстра и швырнула от себя через всю комнату, прямо к тому месту, где оставила Ника. Сама она убежать не успела, так и оставшись

стоять у подножия Черного Трона, мгновенно принявшего свою первоначальную форму.

Пораженные такой наглостью, ведьмы завопили, обступив небольшое возвышение. Анна готовилась принять смерть, понимая, что другого выхода у нее теперь нет. Ее волновало только одно: чтобы Ник с Лелей догадались бежать, пока ведьмы будут издеваться над нею. Но те не спешили, таращась на нее во все глаза. Крикнуть Анна не могла, опасаясь привлечь к перепуганным детям внимание. Ее истерзанное тело так болело, что смерть послужила бы желанным избавлением.

– Ты перешла все границы, Анечка, – услышала она укоризненный голос и скосила глаза в ту сторону.

«Ну что же вы медлите? – злилась девушка. – Скорее!»

Со всех сторон неслись проклятия, это кричали разъяренные призраки, носясь над ее головой, словно вспугнутая стая ворон. Но Дороти не торопилась дать последнюю команду, и Анна поняла, что та задумала что-то непредвиденное.

– Пусть ее накажет та сила, на которую она покусилась! – провозгласила Дороти. – Садись на Трон! – Приказала она Анне.

«Вот это уже и в самом деле конец», – усмехнулась про себя Анна.

– Может, расскажешь мне кое о чем перед моим концом? – спросила Анна, стараясь потянуть время. Ее волновала не собственная смерть, а то, что Ник с Лелькой по-прежнему находились в здании музея. И, собрав последние силы, Анна попыталась мысленно приказать им немедленно убираться отсюда. Пока ее усилия не увенчались успехом, но она все продолжала и продолжала твердить: «Уходите! Да уходите же!», понимая, что, как только ведьмы покончат с ней, они тут же вспомнят о детях.

К счастью, Дороти откликнулась на ее просьбу.

– Так что ты хочешь узнать перед своим концом? – спросила она.

– Я уверена, что вы убили профессора Хаскинса, но так и не могла понять, каким образом.

– О, это старый способ! Им пользовались еще в Древнем Риме. Отравленный нож, только и всего!

– Но вы же им пользовались!

– Только одной его стороной, Анечка, тупой. А профессор использовал его за столом по назначению и, естественно, сыграл в ящик. Странно, когда ты расспрашивала меня о ноже, я думала, что тебе уже все известно.

– Так, значит, это все-таки вы похитили нож? Ну, конечно. Второй набор у вас в доме – всего лишь ширма.

– Разумеется. Правда, он стоял в ящике полным, когда мне пришлось

показать его тебе. Но, пока я была к тебе спиной, я вытащила один ножик, вот и весь фокус.

– А я купилась.

– Увы, моя дорогая. Что-нибудь еще?

– Зачем вы пытались убить Лелю?

– Мы? Да никогда! Более того, мы были уверены, что она – настоящая наследница Салема. А вот несчастная Керри думала иначе.

– Считала наследницей себя?

– Вот именно! Нет слов, она была талантливейшей колдуньей, ей удалось подстроить аварию, заставить лошадь сбросить всадницу, но истинной наследницей она так и не стала, потому Трон и размазал ее по стене.

– Но ведь на ипподроме была ваша племянница Кетти?

– Не называй меня так, сука! – зарычала пигалица в капюшоне. Анна ухмыльнулась, продолжая твердить про себя обращенное к Нику и Лельке заклинание.

– Кетти пыталась помешать Керри, а не наоборот. Но силы ее за триста лет ослабли, поэтому пришлось искать новую наследницу Трона. Тут вмешалась судьба, и Леля осталась жива. Правда, как оказалось, напрасно.

– Что произошло в часовне?

– Началось все гораздо раньше. Мы разыскали Лелю в том городе, где она жила, и внушили ей мысль о том, чтобы она перебралась в Дэнверс. Девочка оказалась очень восприимчивой. В часовне, когда она наткнулась на повесившуюся Сару, Кетти, которая должна была взять голову этой мерзавки, окликнула Лелю и загипнотизировала ее. Это просто... – Дороти устало улыбнулась. – По-моему, достаточно, ты ведь просто тянешь время, правда?

Анна, даже не смотревшая на нее и не спускавшая глаз с детей, вдруг увидела, что Леля удивленно приподняла бровь, вопросительно глядя на подругу своей матери. Та едва заметно кивнула и с радостью поняла, что девочка наконец-то начала осторожно пробираться к окну. Ее сломанная левая рука висела плетью, но она отчаянно пыталась помочь малышу взобраться на высокий подоконник, мужественно терпя боль. Когда Ники оказался по другую его сторону, Анна улыбнулась и спокойно опустилась на Черный Трон...

И... ничего не произошло! Более того, Анна почувствовала, как ее разбитое тело наполняется неведомой силой, раны на глазах затягиваются сами собой. А изумрудный перстень на пальце сияет как прежде, переливаясь всеми оттенками зеленого.

– Не может быть! – пробормотала Дороти. – Трон выбрал тебя!

– А-а-а-а! Самозванка! – завизжала Кетти, бросаясь на Анну. Девушка подняла руку, защищаясь, и, прежде чем успела что-либо понять, из ее пальцев вырвался сноп пламени, от которого свергнутая наследница, охваченная мгновенным пламенем, превратилась в кучку серого пепла. Анна в изумлении посмотрела на свои руки.

– Что ж, такова воля правителя, – опустила голову Дороти, подчиняясь. – Ты наша повелительница, и тебе предстоит править в веках!

– На фига мне такое счастье, – пробормотала Анна, не зная, как поступить дальше.

– Мы приготовили тебе подарок. – Дороти не обратила внимания на сказанное, но что-то в лице Спарк не понравилось Анне. И тут вперед выступила одна из сонма ведьм – молодая, красивая девушка. В руках она держала золотой поднос, на котором лежала отрубленная голова Сары Ингерсол. Но она была живая и испуганно моргала глазами, щурясь от яркого света! Из этих глаз по морщинистым щекам вместо слез стекали капельки крови. Венчал голову терновый венок. Острые кривые колючки глубоко впились в кожу, причиняя жертве невиданные страдания.

– Это голова предательницы. Ты должна отправить ее в ад на вечные муки, – усмехнувшись, подсказала Дороти.

– В ад! В ад! В ад! – с восторгом подхватили хором ведьмы.

Анна, не отрываясь посмотрела на измученное лицо, и в глазах ее засветилась жалость. Она протянула к голове руку, не понимая, что сейчас произойдет, а потом громко, ясным голосом сказала:

– Ты свободна!

Ведьмы не сдержали возмущения. И Анна увидела, как глаза у головы Сары закатились, а на губах застыла страдальческая улыбка. Легкая тень, вроде белого облачка, взмыла к потолку и исчезла. Анна, довольная, обернулась к Дороти, и та побелела от гнева.

– Однако ты своевольна, – прошипела она.

Анна усмехнулась в ответ, слишком расслабившись, и не успела отразить удар ярко-красного луча, которым полоснула ее женщина. Анна почувствовала острую боль в плече и с изумлением уставилась на глубокую рану, появившуюся там.

– Удивлена? – оскалилась Дороти. – Это простительно. Ведь ты не знаешь правил. Ты вовсе не всеильна. Я же хранитель. Страж. Я несую свою службу не триста лет, а гораздо дольше, поэтому все, включая и тебя, в моей власти.

После этих слов тело женщины стало сначала увеличиваться на глазах, а потом опадать, сочась липкой жижей, распространяющей вонь и смрад. И

сократилось до размера личинки, из которой вылупилось истинное чудовище, похожее на уродливую гигантскую бабочку – черное, скользкое, хвостатое, с большими кожистыми крыльями и горящими, как уголья, глазами. Оскалив зубы, чудовище уставилось на Анну с ненавистью, и она услышала тягучий, как расплавленная смола, незнакомый голос, не имеющий ничего общего с бархатными интонациями директрисы:

– Принесите крест!

Приказание выполнили молниеносно.

Чудовище ухватило его когтистой лапой и, перевернув основанием вверх, ткнуло в лицо девушке.

– Ты знаешь, что должна сделать, – утробно прорычало чудовище.

– Плюнуть, что ли?

В ответ послышалось злобное рычание.

– Жаль, что для этого не подойдет твоя мерзкая рожа, – вздохнула Анна. Монстр щелкнул зубами и, вытянув шею, приблизил свою морду к самому ее лицу. Анна почувствовала, как силы покидают ее, в висках отчаянно заломило.

– Ну, тихо, тихо, угомонись, адова псина, – проговорила она, стараясь не смотреть в пылающие глаза монстра. Чудовище, дохнув на нее затхлым запахом, отстранилось и снова протянуло ей крест. Анна взяла его... Она медлила. Если подчиниться, то перестанешь быть человеком. Более того, все души ведьм вернутся к жизни, на земле наступит ад, а сама она станет тем самым черным ангелом, пожирающим невинные души.

Первый час второго июня подходил к концу, и чудовище не намерено больше ждать. Анна с тоской посмотрела на разбитое окно, за которым скрылись дети. Если она сделает то, что требуется, то их уже ничто не спасет. Как знать, не станет ли она сама тем самым чудовищем, которое прикончит их. И тут произошло невероятное. Разбитое стекло снова зазвенело, оно распахнулось, скрежеща несмазанными петлями, и, тяжело дыша, в музейный зал ввалился Макс.

– Привет! – крикнул он. – Я не опоздал к началу вечеринки?

– Идиот! Убирайся! – взвизгнула Анна.

– Ты эгоистка, моя девочка! – весело откликнулся он. – Я тоже хочу повеселиться. Держи!

Он размахнулся и бросил Анне кожаный мешочек. Тот просвистел возле самого носа чудовища и шлепнулся ей на колени.

Ведьмы с визгом набросились на Макса. Их было много, но и парень был не лыком шит. Расшвыривая верещащих тварей во все стороны, он медленно, но неуклонно пробирался к девушке. Она зубами разорвала

шнурок и высыпала на колени... четыре рубина.

– Что это? – прошептала она.

– Не думай! – проорал Макс. – Меняй их скорее!

Анна изо всех сил трянула зажатый в руке крест, и из него посыпались камни. Она тут же взамен прежних принялась вставлять принесенные. Монстр бросился к ней, чтобы помешать, но она, извернувшись, лягнула его ногой, а потом огрела крестом между глаз. Тот взвыл, а Анна торопливо запихнула последний камень. Тем временем Макс, обвешанный ведьмами, как елка подарками, стремительно терял силы. Когти разъяренных фурий достигали цели, но он продолжал отбиваться.

Видя краем глаза, что черный монстр приготовился наброситься на нее, Анна умоляюще посмотрела на золотой крест, зажатый в руках, и увидела, как красные камни превратились в жидкость и заструились по маленьким ложбинкам и бороздкам, опутывающим бесценную реликвию.

– Крест, омытый кровью бога! – воскликнула Анна, глядя с восхищением на происходящее. Она не заметила, как монстр снова подобрался к ней. Защищаясь, она ударила его крестом, понимая, что этим его не остановить. Но снова ошиблась: тот прошел сквозь чудовище, как нож сквозь масло. Отсеченная рука монстра упала на пол, а зверь завизжал, колотя хвостом и сшибая с ног не успевших увернуться ведьм.

Крест преобразался на глазах, наливаясь рубиновым сиянием. От его горячего света, бьющего во все стороны, ведьмы стали пятиться, стремясь укрыться в темных углах. Анна вцепилась в свое святое оружие двумя руками и, преодолевая боль, обжигающую пальцы, высоко подняла его над головой. Ладони горели, точно она держала раскаленную головешку, по щекам ее текли слезы, но она не выпускала святыню из рук.

Вся нечисть, которой касалось рубиновое сияние, растворялась в нем, и скоро в зале не осталось ни единой твари. Последним с диким воем пал хранитель.

– Ты еще вспомнишь о нас! – прохрипело чудовище напоследок. – Вспомниш-ш-ш-шь. – И дьявольский зверь исчез. И только тогда Анна выронила из окровавленных, покрытых волдырями ладоней золотой крест и, рыдая, упала на колени.

Макс, покачиваясь, подошел к ней и крепко обнял за плечи.

– Ну все, малыш, все! Все кончилось! – приговаривал он, дую ей на ладони.

Эпилог

Они снова были вместе. Даже Каспер, который не появлялся с тех самых пор, как потерялся возле дома Дороти. А может, он и не терялся вовсе, как знать. По крайней мере выяснилась одна странная вещь. Когда Анна принялась горячо благодарить Лелю с Ником за то, что они догадались позвать на помощь Макса, те только переглянулись.

– А это не мы, – замялась Леля.

– А кто же?

– Каспер! – хором ответили ей. – Как только ты ушла, он принялся царапаться в дверь и истошно мяукать. И не успокоился до тех пор, пока Макс не последовал за ним, – объяснила Нурия.

Анна удивленно посмотрела на кота, мирно дремлющего на подоконнике, будто все сказанное не имело к нему никакого отношения.

Нурия старательно бинтовала Ане руки, вывалив на стол все свои запасы перевязочного материала. Нурия была счастлива, что Лелька осталась целой и невредимой. То есть не совсем невредимой – ее левая рука была загипсована, зато она осталась жива и снова превратилась в прежнюю, добрую, немного застенчивую и обаятельную девочку. На радостях Нурия даже не сказала ни слова против, когда Вангелис попросил у нее руки дочери. Оба креста в ту же ночь вернули в тайник общим решением придя к выводу, что люди еще не готовы принять этот чудесный дар, наделяющий силой и могуществом, но сурово наказывающий тех, кто пытается воспользоваться им во вред.

– Лелька, расскажи же мне наконец, как ты оказалась в комнате с зеркалом? – попросила Аня, когда Нурия закончила с ее левой рукой, превратив ее в некое подобие белой боксерской перчатки.

Лелька покраснела, но отказать Ане была не в силах.

– Давай выйдем на минуточку, мне здесь неудобно, – жалобно попросила она. Анна кивнула. Макс, последовал за ними, не желая ни на минуту больше выпускать Анну из вида. Каспер проводил их презрительным взглядом.

На крыльце Макс смилостивился:

– Так и быть, секретничайте, а я пойду вон к тому кустику и посмотрю, хорошо ли он растет, – с ухмылкой сказал он.

– Понимаешь, это все из-за Вангелиса! – быстро зашептала Леля. – Мама сказала, что он просто играет со мной, и я решила, что мне стоит

подстраховаться.

– Каким образом?

– А то ты не знаешь! Приворожить! Дороти сказала мне, что, если посмотреть в то самое зеркало и произнести про себя желание десять раз, оно обязательно сбудется. Директриса казалась такой милой... – потупилась девочка.

– Да уж, что и говорить, милейшая особа, – усмехнулась Анна, вспомнив оскаленную тварь с горящими глазами. – И что было дальше?

– Не помню, – виновато призналась девочка. – Я будто заснула. А очнулась только в своей комнате, словно и не выходила из нее. После этого со мной стало твориться что-то страшное, я будто раздваивалась: то становилась жуткой стервой, то опять самой собой.

Анна понимающе кивнула:

– А потом, когда меня укусил браслет...

– Какой еще браслет?

Щеки Лели стали пунцовыми.

– Я стащила из шкапулки браслет-змейку, а в гроте он ожил и цапнул меня за руку. После этого я вроде как отключилась. Делала и говорила совсем не то, что думала. Знаешь... – Она заплакала.

– Можешь не говорить. – Анна обняла ее и притянула к себе.

– Нет, я должна! Это я предала вас! Я пошла прямо в музей и рассказала все-все! И про крест, и про сокровища...

– Я знаю, – кивнула Анна. – Теперь это уже не имеет значения...

Девочка ушла, и к Анне подошел Макс.

– Ты тоже хочешь сказать мне что-то очень важное? – улыбнулась Анна.

– Как ты догадалась?

– У тебя на лице все написано.

– Серьезно? Может, тогда ты сама прочтешь все, что надо? – Он постучал себя пальцем по голове. Анна рассмеялась.

– Ну уж нет! Я хочу, чтобы все было по-настоящему.

Макс тяжело вздохнул и спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Анна промолчала.

– Я так и знал! – воскликнул Макс и с досадой хлопнул себя по коленям. – Издеваешься, да?

– Нет. Но как ты не понимаешь – я же ведьма! Такая же, как они!

– Ты не такая! И вообще, ты совсем не ведьма. Просто... того, с отклонениями, но у каждого свои недостатки, как говорили в одном

классном старом фильме.

– Макс, у нас с тобой нет ничего общего! Мы такие разные!

– Вот и прекрасно! – хмыкнул Макс.

Анна развела руками.

– Тогда мне придется согласиться! – с улыбкой сказала она и посмотрела ему в глаза.

Ни у одного мужчины ей не доводилось видеть до сей поры таких счастливых, восторженных глаз с собственным отражением в зрачках. Он схватил ее в охапку и закружил. Анна замахала поднятыми вверх руками, требуя, чтобы он прекратил это безобразие.

– погоди! Да погоди же! Почему ты не хочешь рассказать мне еще кое о чем? О чем-то, важном для тебя?

– Ты и это знаешь? – замер Макс, не выпуская ее из объятий. Голос его дрогнул.

– Да, ты часто о нем думаешь. Но я хочу услышать от тебя.

– Ты права. Есть кое-что, о чем я должен сказать. Точнее, кое-кто – это мой сын, Кирилл. Ему уже двадцать. Я сам стал отцом в восемнадцать лет. Ты не сердись на меня за прошлое?

– Нисколько, – улыбнулась Анна. – Надеюсь, мы с ним станем друзьями. Ты забыл попросить у меня разрешения пригласить его на свадьбу, – напомнила она.

– Анька, прекрати! Если ты будешь все время читать мои мысли, то я пропал.

– Хорошо. Обещаю, что буду это делать только по понедельникам, – рассмеялась Анна.

Макс опустил ее на землю, схватил за руку чуть повыше запястья и потащил за собой в дом.

– Срочно собирайте вещи! Мы уезжаем! – объявил он.

– Ура! – завопил Ник и только потом спросил: – А куда?

– В Лас-Вегас!

– Класс! А зачем?

– Твоя мама согласилась выйти за меня замуж, так вот, чтобы она не успела передумать, мы завтра же и поженимся! В Лас-Вегасе!

* * *

Шумная толпа, оживленно переговаривающаяся у входа в церковь, где регистрировались браки, привлекала внимание редких прохожих. Лас-

Вегас просыпался поздно и неохотно. Такое оживление с утра пораньше вызывало недоумение у полусонных граждан. Но Анна, Макс и их друзья никого не замечали. Нурия держала огромный букет белых лилий, Ник прижимал к себе очумевшего от очередного перелета Каспера одной рукой, другой сжимал голубого медвежонка. Ждали только Кирилла, сына Макса. Он позвонил из аэропорта и сообщил, что прибудет через сорок минут.

Когда оставалось минут пять до назначенного срока, у Анны в сумочке зазвонил сотовый.

– Алло? Это тебя! – удивленно сказала она, передавая телефон Максy. Тот слушал пару минут, заметно бледнея, потом, ни слова не говоря, отключился.

– Что случилось? – встревожилась Анна.

– Кирилл попал в автокатастрофу и сейчас в реанимации.

Анна слабо охнула. В голове сразу промелькнули слова: «Ты еще вспомнишь о нас!» Она замотала головой, схватила Макса за руку и горячо прошептала:

– Он поправится!

– Но у врачей ужасные прогнозы, – горько возразил Макс.

– Он поправится. Мы отложим свадьбу и будем ждать до тех пор, пока он не сможет танцевать.

– Танцевать?!

– Не волнуйся! Он обязательно будет танцевать на нашей свадьбе! Вот увидешь! – закивала Анна. – Только ты верь мне, хорошо?